

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДОКЛАД О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗВИТИИ 2016

Неравенство и человеческое развитие в
Восточной Европе, Турции и Центральной Азии:

Прогресс и риски

Полноправные люди.
Устойчивые страны.

Резюме

Полноправные люди.
Устойчивые страны.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДОКЛАД О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗВИТИИ 2016

Неравенство и человеческое развитие в Восточной Европе, Турции и Центральной Азии: Прогресс и риски

Copyright © 2016

Программа развития ООН

Региональное Бюро по странам Европы и СНГ

Все права защищены. Полная или частичная перепечатка, хранение в компьютерной системе или передача настоящего издания по каналам связи в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, фотокопировальными, магнитными или иными – без предварительного разрешения ПРООН запрещаются.

ISBN: 978-92-95092-97-6

Отредактировано и опубликовано: Региональный офис ПРООН в Стамбуле, Региональное Бюро по странам Европы и СНГ
Дизайн обложки и верстка: Ersoy-Ersoy Design Group

Изображение на обложке: James Brey/iStock/Getty Images©

Содержание

Раздел	Страница
Предисловие	1
Выражение признательности	3
Основные тезисы	4
Введение	6
Измерение неравенства в регионе	9
Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты	17
Определяющие факторы неравенства и исключения: Гендерный аспект	33
Неравенство и здоровье	49
Природные богатства, неравенство и устойчивое человеческое развитие	59
Неравенство и основанное на широком участии управление	69
Библиография	78

Список вставок, рисунков и таблиц

Вставки		Страница
Вставка 1.	Оценка качества занятости	19
Вставка 2.	Социальная защита и Цели в области устойчивого развития	24
Вставка 3.	Труд, пол и Цели в области устойчивого развития	35
Вставка 4.	Гендерное равенство и участие женщин в политической жизни в Кыргызской Республике	44
Вставка 5.	Переход к более эффективным показателям устойчивого человеческого развития: ИМЭБ и ИУЧР	65
Рисунки		Страница
Рисунки 1, 2.	Уровни бедности (2002-2012 годы)	10
Рисунок 3.	Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства, в регионе (2015 год)	11
Рисунки 4-6.	Доля принявших участие в программе «Кавказский барометр» респондентов, которые заявили, что «не имеют личного дохода», в сравнении с долей национального дохода, приходящейся на наименее обеспеченные децили населения, в соответствии с данными национальных статистических служб (2008-2013 годы)	12
Рисунок 7.	Доля респондентов, не сообщивших сведения в рамках обследования уровня жизни домашних хозяйств в Украине (2010-2012 годы)	14
Рисунок 8.	Оценки коэффициентов Джини для неравенства доходов в Украине с учетом поправок на деятельность в неформальном секторе (2002-2008 годы)	14
Рисунок 9.	Доля неформальной занятости в общей занятости (2013 год)	18
Рисунок 10.	Доля уязвимой занятости в общей занятости (2013 или последний год, по которому имеются данные)	18
Рисунок 11.	Распределение трудовых ресурсов, по субрегионам (2014 год)	20
Рисунок 12.	Тенденции изменения доли занятости в сельском хозяйстве в общей занятости (2004-2013 годы)	20
Рисунок 13.	Разница в показателях трудового участия мужчин и женщин (2004-2014 годы, среднегодовые показатели)	21
Рисунок 14.	Уровни занятости молодежи (2004-2014 годы)	22
Рисунок 15.	Уровни безработицы среди цыган (2011 год)	22
Рисунок 16.	Уровни незанятости цыган и нецыган, по уровню образования (2011 год)	23
Рисунок 17.	Уплачиваемые предприятиями налоги на труд по отношению к их прибыли (2015 год)	25
Рисунок 18.	Влияние мер социальной защиты на неравенство доходов в регионе (процентное снижение коэффициентов Джини, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	26
Рисунок 19.	Доля домашних хозяйств наименее обеспеченного квинтиля, которые получают социальные пособия (отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	27
Рисунок 20.	Оценки доходов бюджета при обложении внешнеторговых операций, совершаемых при фальсификации данных в счетах, налогом по ставке 10 процентов (в процентах ВВП)	28
Рисунок 21.	Отношение уровней экономической активности женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)	37
Рисунок 22.	Отношение уровней занятости женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)	37
Рисунок 23.	Отношение уровней безработицы среди женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)	38
Рисунок 24.	Отношение работников женского пола к работникам мужского пола, по секторам (среднегодовые показатели, рассчитанные за последние годы, за которые есть данные)	38

Рисунки

Страница

Рисунок 25.	Коэффициенты охвата образованием с разбивкой по полу в регионе (за последний год, по которому имеются данные)	40
Рисунок 26.	Доля мест в национальных парламентах, занимаемых женщинами (2014 год)	43
Рисунок 27.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах) для женщин и мужчин в регионе (2014 год)	50
Рисунок 28.	Разница (в годах) между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин в регионе (2014 год)	51
Рисунок 29.	Преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний в процентах от общей смертности от неинфекционных заболеваний (2012 год)	53
Рисунок 30.	Доля внешнего и внутреннего финансирования мер борьбы с ВИЧ на национальном уровне (2012-2014 годы)	54
Рисунок 31.	Региональные показатели частоты заболевания ВИЧ (2014 год)	54
Рисунки 32,33.	Зарегистрированные и оценочные показатели охвата антиретровирусной терапией в регионе (2014 год)	55
Рисунок 34.	Различия в коэффициентах распространенности длительных заболеваний между цыганами и нецыганами (2011 год)	56
Рисунок 35.	Отношение природных богатств к ВВП в регионе (2013 год)	60
Рисунок 36.	Отношение скорректированных чистых накоплений к валовому национальному доходу в регионе (2004-2014 годы)	61
Рисунок 37.	Доля населения, проживающего на деградированных землях (2010 год)	62
Рисунок 38.	Потребление пресной воды в регионе (последний год, по которому имеются данные)	63
Рисунок 39.	Источники тепла в сельских районах Таджикистана, по квартилям домашних хозяйств в зависимости от уровня доходов (2013 год)	64
Рисунок 40.	Тенденции в управлении по параметру «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» в регионе	70
Рисунок 41.	Тенденции в управлении по параметру «верховенство закона» в регионе	71
Рисунок 42.	Тенденции в управлении по параметру «сдерживание коррупции» в регионе	72
Рисунок 43.	Доля респондентов, которые считают, что «правительством управляют несколько крупных структур, действующих в собственных интересах» (2013 год)	76
Рисунок 44.	Процент респондентов, которые признались, что платили неофициально при пользовании государственными медико-санитарными услугами	76
Рисунок 45.	Рейтинги по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год): направления, по которым достигнут прогресс	77
Рисунок 46.	Рейтинги по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год): ключевые препятствия для ведения бизнеса	77

Таблицы

Страница

Таблица 1.	Коэффициенты Джини для распределения доходов	7
Таблица 2.	Восприятие неравенства по данным Всемирного обзора ценностей (1990-2014 годы)	12
Таблица 3.	Данные по результатам обследования социального исключения (2009 год)	14
Таблица 4.	Оплачиваемое и неоплачиваемое рабочее время, по полу (часов в день)	41
Таблица 5.	Цели в области устойчивого развития, задачи и предлагаемые показатели, увязывающие человеческое развитие и экологическую устойчивость	66

Предисловие

Проблемы стран Европы, Турции и стран Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой не нашли пока что полноценного отражения в международных публикациях, посвященных вопросам неравенства и поиску наиболее оптимальных подходов к их решению. Это отчасти объясняется тем, что бывшие социалистические страны региона унаследовали от той эпохи относительно равномерное распределение доходов, сравнительно широкий доступ к социальным услугам и относительно низкие уровни гендерного неравенства. К сожалению, отмечаются тревожные признаки утраты этих преимуществ, нарастания проблем неравенства и уязвимости и приближения к показателям, наблюдающимся в других регионах.

Эта ситуация наблюдается в тот период времени, когда страны приступают к реализации глобальной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года на национальном уровне. Данная повестка дня и связанные с ней Цели в области устойчивого развития (ЦУР) предполагают, среди прочего, соблюдение правительствами стран и их международными партнерами по развитию принципа «не оставить никого в стороне». Однако в условиях низких цен на сырьевые товары и падения объемов денежных переводов, а также низких темпов роста в России и Европе резко сужаются возможности для создания источников

доходов и рабочих мест в регионе. В некоторых из менее богатых стран региона более половины трудоспособного населения работает в условиях нестабильной или неформальной занятости и не охвачено системами социальной защиты. Наиболее уязвимой в этом плане категорией являются женщины, поскольку они чаще попадают в группу экономически неактивного населения или заняты в сельском хозяйстве или на других нестабильных работах. Кроме того, с серьезными рисками сталкиваются трудовые мигранты, цыгане и другие этнические меньшинства, а также люди с ВИЧ / СПИДом или с ограниченными возможностями. Правительства многих стран отмечают, что обеспечение соблюдения принципа «не оставить никого в стороне» становится все более сложной задачей.

Данный доклад призван помочь решить подобные проблемы. В нем говорится, что несмотря на относительно равномерное распределение доходов, широкий доступ к социальным услугам и низкие уровни гендерного неравенства, достижения многих стран региона в области человеческого развития оказываются под угрозой. В докладе отмечается, что в ряде стран, судя по всему, растет обеспокоенность населения по поводу неравенства по параметрам дохода и благосостояния, а также равенства перед законом. В докладе намечены основные направления реформирования политики и программные области, в которых могут быть

выработаны более действенные подходы к решению проблем неравенства в регионе.

Доклад подготовлен в духе концепции человеческого развития и ориентирован на нужды людей. В нем показано, что женщины, дети и молодежь, этнические меньшинства, люди с ВИЧ, не имеющие достойной работы или относящиеся к другим уязвимым группам, чаще сталкиваются с неравенством возможностей и результатов в области развития. Авторы доклада также призывают реализовывать меры, обеспечивающие соблюдение принципа «не оставить никого в стороне» сегодня, но не наносящие ущерба перспективам развития будущих поколений.

В ответ на эти угрозы в докладе предлагается снижать высокие налоги на труд в регионе, компенсируя связанные с этим потери государственных бюджетов за счет повышения налогов на виды деятельности, которые несут экологически неустойчивый характер, и принятия более активных мер с целью охвата системой налогообложения незаконных финансовых потоков. В докладе содержатся рекомендации увеличить инвестиции в развитие институционального потенциала, в особенности потенциала национальных статистических служб, а также министерств труда, здравоохранения и социальной защиты, судов, антикоррупционных структур и органов, отвечающих за защиту прав человека. Авторы доклада призывают увеличить бюджетные

ассигнования на финансирование социальных услуг и активных мер политики на рынке труда, решать проблемы отсутствия доступа к рынку труда и устранять пробелы в охвате системами социальной защиты. При этом предлагаются такие подходы, которые могут помочь правительствам стран достичь поставленные цели Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в частности ЦУР 3 («обеспечение здорового образа жизни»), ЦУР 5 («обеспечение гендерного равенства»), ЦУР 8 («содействие полной и производительной занятости и достойной работе для всех»), ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») и ЦУР 16 («создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях»).

Специалисты ПРООН рады отметить вклад, предложения и поддержку со стороны ряда ключевых партнеров в процессе подготовки данного доклада. В первую очередь это представители многочисленных организаций, которые поделились своими отзывами на данный доклад в рамках регионального форума ПРООН «Стамбульский диалог о развитии» (2016 год) (Istanbul Development Dialogues (2016): #TalkInequality). Мы также признательны представителям Группы региональных директоров ООН и Регионального координационного механизма для стран Европы и Центральной Азии за предоставленные комментарии.

Джихан Султаноглу,

*Помощник Генерального секретаря ООН,
Директор Регионального Бюро по странам
Европы и СНГ*

Выражение признательности

В подготовке настоящего доклада принимали участие: Элизабетта Аддис, Бенджи Акбулут, Рут Белл, Джордж Боума, Джоанна Брукс, Айше Бугра, Стаматиос Христулос, Елена Данилова-Кросс, Предраг Дурич, Весна Дзутеска-Бишева, Бретт Эллинхам, Барбора Галванкова, Лика Гамгебели, Кристоф Хаммельманн, Рафкат Хасанов, Энвеса Ходзич-Ковач, Бенедикт Гошек, Ипек Илккараджан, Шелли Инглис, Мастопа Халилова, Тамар Хитаришвили, Киджонг Ким, Розмари Кумвенда, Джон Маколей, Шейла Марни, Златко Николоски, Кейлеб Одорфер, Ясмينا Папа, Михаил Пелях, Бретт Ромеро, Бхарати Садасивам, Бен Слэй, Ниина Тенхио, Аркадий Торицын и Эстер Верлинг.

В состав экспертного совета и рецензентов доклада вошли: Виктор Барамия (Фонд «Европа»), Анна Чернова (Оксфам), Гордана Маткович (Центр социальной политики), Крис Мергатройд (ПРООН), Коста Паликарски (УНП ООН), Заза Наморадзе (Фонды «Открытое общество»), Майкл Фембек (платформа

«Zero Project»), Жарко Сундерич (Центр социальной политики), Салли Энн Уэй (УВКПЧ ООН) и Кэндис Уэлш (УНП ООН). Следует с признательностью отметить их активное участие, а также комментарии и предложения следующих специалистов ПРООН: Альмудена Фернандес, Джонатан Холл, Ева Йесперсен, Тангавел Паланивел, Елена Панова, Сара Реннер и Растислав Врбенский.

Авторы также выражают признательность Карен Сирилло, Николасу Дуйе, Мехмету Эрдогану, Аслы Хекимоглу и Фаику Уянык за дополнительную помощь в доработке и распространении доклада. Перевод на русский язык выполнен Анной Сокол.

Данный доклад не обязательно отражает позицию Программы развития ООН, Организации Объединенных Наций или государств-членов ООН.

Основные тезисы

- **После роста неравенства доходов, зарегистрированного в 1990-х годах, в большей части региона отмечается существенное снижение (или низкий общий уровень) данного показателя.**¹

Официальные данные указывают на то, что в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Косово², Бывшей Югославской Республике Македония, Молдове, Черногории, Туркменистане, Украине и Узбекистане неравенство доходов либо находится на низком уровне, либо снижается. Это, судя по всему, содействовало сокращению бедности за счет экономического роста в указанных странах/территориях. Однако в некоторых других странах высокий или постоянно растущий уровень неравенства доходов сдерживает прогресс в части сокращения бедности. Это подчеркивает тот факт, что низкий или снижающийся уровень неравенства доходов не только желателен сам по себе, но и имеет центральное значение для сокращения бедности в регионе.

- **Достижения в области сокращения неравенства в настоящее время проверяются на прочность** во всех странах и территориях региона. Сочетание таких факторов, как низкие цены на сырьевые товары, сокращение денежных переводов и низкие или отрицательные показатели темпов роста основных экспортных рынков Европы и России, формирует давление в общем на экономику стран и в частности на доходы уязвимых домашних хозяйств. Это определяет новые вызовы, в то время как в регионе начинается работа по реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

- **В регионе наблюдаются значительные проблемы с данными и показателями, используемыми для измерения неравенства и его взаимосвязей с социальным исключением и экологической устойчивостью.**

Это явно прослеживается в занижении параметров неравенства доходов, особенно в части неполного учета доли дохода, приходящейся на наиболее состоятельные домашние хозяйства. Это проявляется и в том, что многие страны и территории региона, судя по всему, не готовы представлять показатели, которые планируется использовать для измерения глобального прогресса в достижении ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними»). Эти проблемы отмечаются и в отношении показателей гендерного равенства, некоторые из которых искусственно представляют ситуацию с состоянием здоровья женщин более

оптимистичной в сравнении с мужчинами (в ряде стран региона наблюдаются особенно тревожные тенденции смертности среди мужчин). То же самое касается и показателей по рынку труда, которые нередко маскируют тот факт, что различия между работающими иногда оказываются более существенными, чем различия между работающими и безработными. Это также проявляется в виде отсутствия общепринятых определений, показателей и данных по природным богатствам и экологической устойчивости.

- **В основе связанных с неравенством вызовов, с которыми сталкивается регион, лежат неравенство и исключение на рынках труда.**

Это имеет место как в части самих рынков труда, так и в связи с тем, что доступ к системе социальной защиты нередко увязан с официальным участием на рынке труда. При отсутствии хорошей работы люди сталкиваются с гораздо более высокими рисками бедности, уязвимости и отсутствия доступа к социальным услугам и системе социальной защиты. Женщины, молодые работники, мигранты, длительно безработные, люди с ограниченными возможностями, цыгане и другие люди, находящиеся в неравном положении на рынке труда, особенно уязвимы к этим рискам. Хотя в некоторых странах и в отношении некоторых групп населения отмечаются тенденции к улучшению ситуации, в других странах наблюдается усиление неравенства на рынках труда.

- **К основным направлениям работы, нацеленной на устранение неравенства на рынках труда, относятся:**

(i) усиление согласованности мер политики в области занятости, социальной защиты и макроэкономической политики в целом при особом акценте на согласованности первых двух из перечисленных групп мер; и (ii) сокращение масштабов неформальной занятости, уделяя особое внимание вопросам снижения налогов на труд.

- **Необходимо укреплять взаимосвязь между мерами политики на рынке труда и мерами социальной защиты.**

Хотя плохо проработанные меры социальной политики могут вести к ослаблению стимулов для участия на рынке труда и найма работников, это не является основанием для сокращения расходов на систему социальной защиты и сужения ее охвата. Напротив, необходимо по мере возможности снижать налогообложение оплаты труда для целей финансирования социальных пособий,

¹ Для целей данного исследования к ним относятся: Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Казахстан, Косово (см. ссылку 2), Кыргызская Республика, Бывшая Югославская Республика Македония, Молдова, Черногория, Сербия, Таджикистан, Турция, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

² Ссылки на Косово надо понимать в контексте Резолюции Совета Безопасности ООН 1244 (1999).

отдавая предпочтение другим источникам финансирования, к которым могут относиться следующие: (i) повышение налогов на виды деятельности, которые несут экологически неустойчивый характер; (ii) сокращение бюджетных субсидий, которые поступают состоятельным слоям населения или поддерживают экологически неустойчивые виды деятельности (например, субсидирования ископаемого топлива); и (iii) активизация мер по сокращению незаконных финансовых потоков и перенаправлению доходов бюджета в офшоры для уклонения от налогов.

➤ **Хотя с точки зрения гендерного равенства регион выгодно отличается от многих других стран с развивающейся экономикой, по ряду направлений он отстает от мировой передовой практики.**

Более того, усиливается риск утраты тех уровней гендерного равенства, которые были достигнуты в период до 1990-х годов во многих странах. Гендерное неравенство, как правило, усиливает влияние других форм и аспектов неравенства по признакам класса, расы, возраста, этнической принадлежности, инвалидности, рода деятельности и дохода. Неравные результаты на рынке труда, в частности, могут оказывать существенное влияние на более общие показатели гендерного неравенства и исключения женщин.

➤ **Результаты развития в регионе в высокой степени зависят от доступа к качественным услугам здравоохранения, что является отражением социальных, экономических и экологических детерминант здоровья.**

86 процентов преждевременной смертности в регионе связано с неинфекционными заболеваниями, этим же в значительной степени определяются более низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин. В регионе также отмечаются самые высокие в мире показатели роста официально зарегистрированных случаев ВИЧ, а число связанных со СПИДом смертей выросло втрое за последние 15 лет. Показатели роста числа ВИЧ могут выступать в качестве представительной переменной нежелания государства и общества решать сложные, но столь важные проблемы социального исключения. Различия очевидны при анализе риска возникновения других заболеваний, а также показателей заболеваемости, смертности и доступа к лечению; данные обследований указывают на рост числа людей, доступ которых к медицинской помощи ограничен в связи с официальной и неофициальной

платой, которую необходимо вносить за счет собственных средств для получения таких услуг.

- **Судя по имеющимся данным, проблемы истощения природных богатств и экологической устойчивости в более общем плане наиболее актуальны в странах региона с доходом ниже среднего,** особенно в тех, что расположены в бассейне Каспийского моря. Помимо того, что эти территории являются местом самых масштабных в регионе (и одних из самых масштабных в мире) антропогенных экологических катастроф (трагедия Аральского моря), модели развития многих из данных стран опираются на добычу и переработку невозобновляемого углеводородного топлива, полезных ископаемых и цветных металлов. Такие модели развития могут создавать высокую (и, вероятно, неустойчивую) нагрузку на запасы природных богатств. Последствия неустойчивого использования ресурсов могут оказаться особенно тяжелыми для уязвимых домашних хозяйств, которые в некоторых странах сталкиваются с серьезными проблемами продовольственной и энергетической безопасности.

- **Данные обследований свидетельствуют о присутствии значительной обеспокоенности общества по поводу качества управления, в том числе в части восприятия коррупции и неравенства перед законом.** Подобное восприятие этих явлений указывает на присутствие глубокой субъективной озабоченности по поводу неравенства в регионе, что не обязательно находит отражение в официальных данных о распределении дохода или благосостояния. Необходимо активизировать работу, направленную на сокращение коррупции и усиление верховенства закона, чтобы:

- ❖ сократить неформальную занятость, которая лишает многих работников трудовых прав и доступа к социальной защите;
- ❖ увеличить доходы государственных бюджетов в целях усиления устойчивости систем социальной защиты;
- ❖ расширить доступ уязвимых групп (включая тех, кто в противном случае может подвергаться дискриминации по этническим, гендерным и иным признакам) к государственным услугам и правосудию; и
- ❖ создать равные условия хозяйствования, расширить возможности получения дохода для малых предпринимателей.

Введение

В настоящее время все страны и территории Восточной Европы (включая Турцию) и Центральной Азии, чьи устремления в области развития поддерживаются ПРООН, относятся к странам со средним уровнем дохода. Если брать индекс человеческого развития (ИЧР) ПРООН, на протяжении многих лет они демонстрируют «средний», «высокий» или (в последнее время) «очень высокий» уровень человеческого развития. Задачи искоренения крайней нищеты как таковые не являются важнейшими в повестке дня региона в области развития. Лица, занимающиеся разработкой политики в регионе, все больше внимания уделяют проблемам неравенства, социального исключения, уязвимости и среднего класса.

Усиление внимания к указанным проблемам происходит в условиях растущей озабоченности мирового сообщества по поводу неравенства. В настоящее время широкое распространение получило мнение, что неравенство представляет собой растущую угрозу для устойчивого развития. В развитых странах это явно прослеживается в ряде исследований, включая работы Пикетти (Piketty, 2014), Стиглица (Stiglitz, 2012), Милановича (Milanovic, 2016 и 2011) и публикации ОЭСР (OECD, 2015), в которых основное внимание уделяется вопросам влияния накопления капитала / динамики роста ВВП, глобализации финансовой сферы, структурных и демографических изменений, надбавок к заработной плате для квалифицированных работников и моделей определения заинтересованных групп на распределение доходов. В докладе ПРООН «Разделенное человечество: борьба с неравенством в развивающихся странах» (UNDP, 2013b) рассматриваются причины и последствия формирования неравенства доходов и других видов неравенства в развивающихся странах. В результате этого исследования сделан вывод о том, что несмотря на усиление неравенства доходов во многих развивающихся странах, некоторым из них удалось обеспечить снижение уровня неравенства за счет мер политики, направленных на расширение систем социальной защиты и стимулирование роста занятости в формальном секторе.

Эти исследования и практический опыт актуальны и для экономик стран Восточной Европы, Турции и Центральной Азии. Однако в таких работах отсутствует ряд важных элементов, связанных с теми вызовами, с которыми сталкиваются страны региона. Начнем

с того, что несмотря на принадлежность к категории «развивающихся» / стран со средним уровнем дохода, в этих странах из поколения в поколение отмечались относительно низкие уровни социально-экономического неравенства. Хотя во время «спада переходного периода» 1990-х годов уровень неравенства доходов повысился, (по крайней мере, некоторые) наблюдатели интерпретировали это как желаемое или во всяком случае неизбежное явление, представляющее собой «корректировку» (нередко насаждаемого) социального выравнивания, отмечавшегося до начала переходного периода. Более того, официальные данные указывают на то, что с 2000 года во многих странах наблюдалось снижение уровней неравенства доходов до показателей, которые регистрировались в допереходный период. Эти данные также свидетельствуют о том, что снижение уровня неравенства содействовало сокращению бедности по уровню дохода и процессу восстановления среднего класса в регионе (измеряемого с помощью показателей доходов). Отмечается, что наличие относительно хорошо развитых систем социальной защиты (уходящих корнями в период до 1990-х годов) и сравнительно высоких уровней гендерного равенства обеспечило довольно равномерное распределение выгод от экономического роста.

Тем не менее, при более тщательном изучении этих данных можно прийти к менее оптимистичным выводам. Более того, расширение неформальной, уязвимой и нестабильной занятости сочетается с прогрессирующими недостатками в системах социальной защиты, «двойной нагрузкой» на работающих женщин и с давлением на продовольственную и энергетическую безопасность домашних хозяйств (в некоторых из менее богатых стран региона), что усиливает риск утраты достигнутых результатов. Ситуация дополнительно осложняется в связи с тем, что под влиянием низких цен на сырьевые товары и низкого экономического роста в Европе и России сужаются возможности трудоустройства и падают объемы денежных переводов в значительной части региона (Международный валютный фонд, 2016). Эти тенденции могут усугубляться в силу важных опасений по поводу неравенства перед законом.

В регионе наблюдаются значительные проблемы с данными и показателями, используемыми для измерения неравенства и его взаимосвязей

с социальным исключением и экологической устойчивостью. Это явно прослеживается:

- в занижении параметров неравенства доходов, особенно в части неполного учета доли дохода, приходящейся на наиболее состоятельные домашние хозяйства;
- в том, что многие страны региона, судя по всему, не готовы представлять показатели, которые планируется использовать для измерения глобального прогресса в достижении ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними»);
- в отношении показателей гендерного равенства, некоторые из которых искусственно представляют ситуацию с состоянием здоровья женщин более оптимистичной в сравнении с мужчинами (в ряде стран региона наблюдаются особенно тревожные тенденции смертности среди мужчин); и
- в отсутствии общепринятых определений, показателей и данных по природным богатствам и экологической устойчивости, а также их взаимосвязям с неравенством.

В настоящем докладе те аспекты этих проблем, которые связаны с человеческим развитием, анализируются в контексте основополагающего принципа Целей в области устойчивого развития и глобальной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года «не оставить никого в стороне». Это предполагает совершенствование подходов к измерению неравенства и обеспечение устойчивости официальной статистики, развитие услуг по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями для решения обусловленных гендерными различиями проблем доступа к рынку труда, снижение налоговой нагрузки на труд и расширение фискального пространства за счет сокращения субсидирования ископаемых видов топлива и увеличения поступлений бюджетов за счет налогообложения незаконных финансовых потоков и других товаров и услуг, имеющих негативные социально-экологические последствия.

Таблица 1. Коэффициенты Джини для распределения доходов

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Албания *	28			30			28				27		
Армения	45	43	40	36	37	37	34	36	36	37	37	37	37
Беларусь					26	27	27	27	27	28	29	28	28
Грузия					45	46	45	46	46	46	43	42	41
Казахстан	33	32	31	30	31	31	29	27	28	29	28	28	28
Косово				30				30	29	28			
Кыргызская Респ.	42	41	42	43	45	42	36	37	37	38	42	46	43
БЮР Македония									41	39	39	37	35
Молдова					37	37	37	37	35	34	34	33	32
Черногория				26	24	26	25	26	24	26	27	26	
Сербия **					33	32	30	30	33		38	39	38
Турция	44	42	40	38	43	41	41	42	40	40	40	40	39
Туркменистан				29	30	29	28	28	29	28	29	29	29
Украина			32	33	33	27	26	26	25	24	23	24	23
Узбекистан									30	29	29	29	28

Источник: Вебсайты национальных/территориальных статистических служб.

* Расходы на потребление.

** Данные за 2006-2010 годы были собраны в соответствии с методикой обследования бюджетов домашних хозяйств, а данные за 2012-2014 годы – в соответствии со стандартами методологии обследования доходов и условий жизни ЕС. Расхождения между значениями коэффициента Джини в период с 2010 по 2012 год могут объясняться этими различиями в методологии.

Фото: Freya Morales / ПРОВОН

Измерение
неравенства в регионе

Измерение неравенства в регионе

Лица, занимающиеся разработкой политики в регионе, все больше внимания уделяют проблемам неравенства, социального исключения и уязвимости.

Исследования, посвященные вопросам неравенства, нередко начинаются с количественного анализа диспропорций в распределении доходов и (если позволяют имеющиеся данные) благосостояния. Хотя данный подход использовался и при подготовке настоящего доклада, следует отметить, что такой анализ может иметь ряд слабых мест, особенно с точки зрения человеческого развития. Во-первых, диспропорции в распределении доходов и благосостояния нередко являются отражением других, более глубоких аспектов социально-экономического неравенства. При акценте на вопросе «у кого есть (или нет) сколько денег» можно упустить из виду более важные определяющие факторы различий, такие как пол, возраст, классовая, этническая принадлежность и инвалидность. Кроме того, отсутствие равного доступа к рынку труда, достойной работе и качественным услугам, особенно в сфере здравоохранения и образования, а также к надежному снабжению продовольствием, водой и энергией ограничивает возможности людей в

полном объеме реализовать свой человеческий потенциал. Данные по неравенству доходов и распределения благосостояния могут не в полной мере отражать такие виды неравенства, что подчеркивает важность измерения и анализа других видов неравенства, помимо неравенства доходов. Это также усиливает значимость выявления определяющих факторов неравенства, которые чаще связаны с *возможностями* человеческого развития, а не с *результатами* в части неравенства доходов и других показателей развития.

Во-первых, хорошая новость. После роста неравенства доходов, зарегистрированного в 1990-х годах, в большей части региона отмечается существенное снижение (или низкий общий уровень) данного показателя. Официальные данные указывают на то, что в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Косово, Бывшей Югославской Республике Македония, Молдове, Черногории, Туркменистане, Украине и Узбекистане неравенство доходов либо находится на низком уровне, либо снижается (таблица 1). Это, судя по всему, содействовало сокращению бедности за счет экономического роста в указанных странах/территориях (рисунки 1, 2) и восстановлению среднего класса в регионе. Как показывают данные Всемирного банка, по состоянию на

Рисунок 1. Уровни бедности (2002-2012 годы)

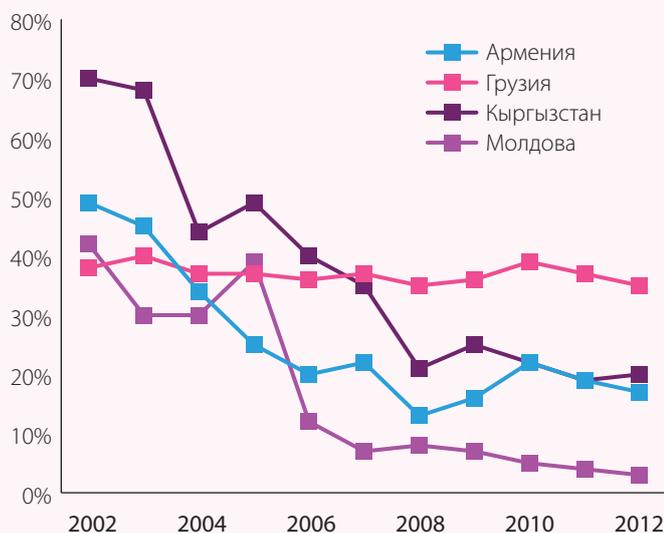
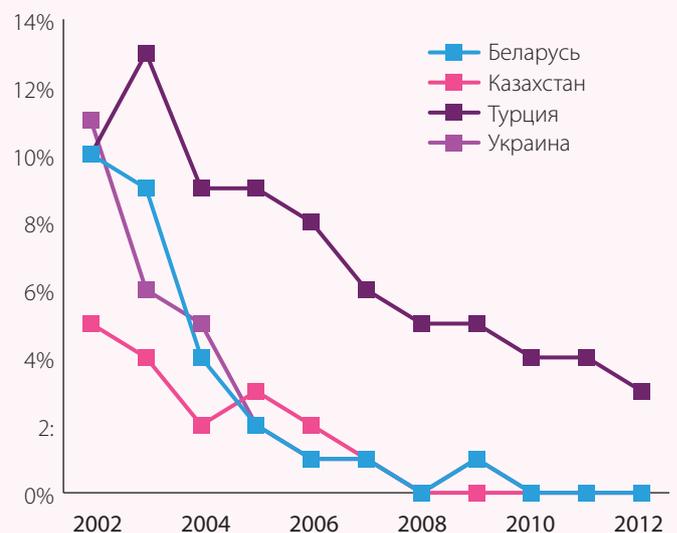

Рисунок 2. Уровни бедности (2002-2012 годы)

Примечание: Уровни бедности определены на основе используемого в международной практике порога бедности в размере 3,10 долл. США в день по паритету покупательской способности (ППС) и обменных курсов Программы международных сопоставлений 2011 года по ППС.

Источник: База данных Всемирного банка POVCALNET.

2013 год не менее 80 миллионов человек в регионе вышли на уровень жизни, который в целом соответствует определению «мирового среднего класса». В противоположность этому высокий или постоянно растущий уровень неравенства доходов сдерживает прогресс в части сокращения бедности в некоторых странах региона, таких как Грузия.

В целом, в рассматриваемом регионе наблюдается значительно более низкий уровень неравенства по всем трем составляющим индекса человеческого развития ПРООН (здоровье и образование, а также доходы), чем в большинстве остальных стран мира (рисунок 3). Это подчеркивает тот факт, что низкий или снижающийся уровень неравенства доходов не только желателен сам по себе, но и имеет центральное значение для сокращения бедности в регионе

К сожалению, данные по неравенству доходов едва ли можно принимать беспрекословно.

В регионе наблюдаются значительные сложности с измерением неравенства доходов. Это в некоторой степени связано с очевидным занижением параметров неравенства доходов, особенно в части

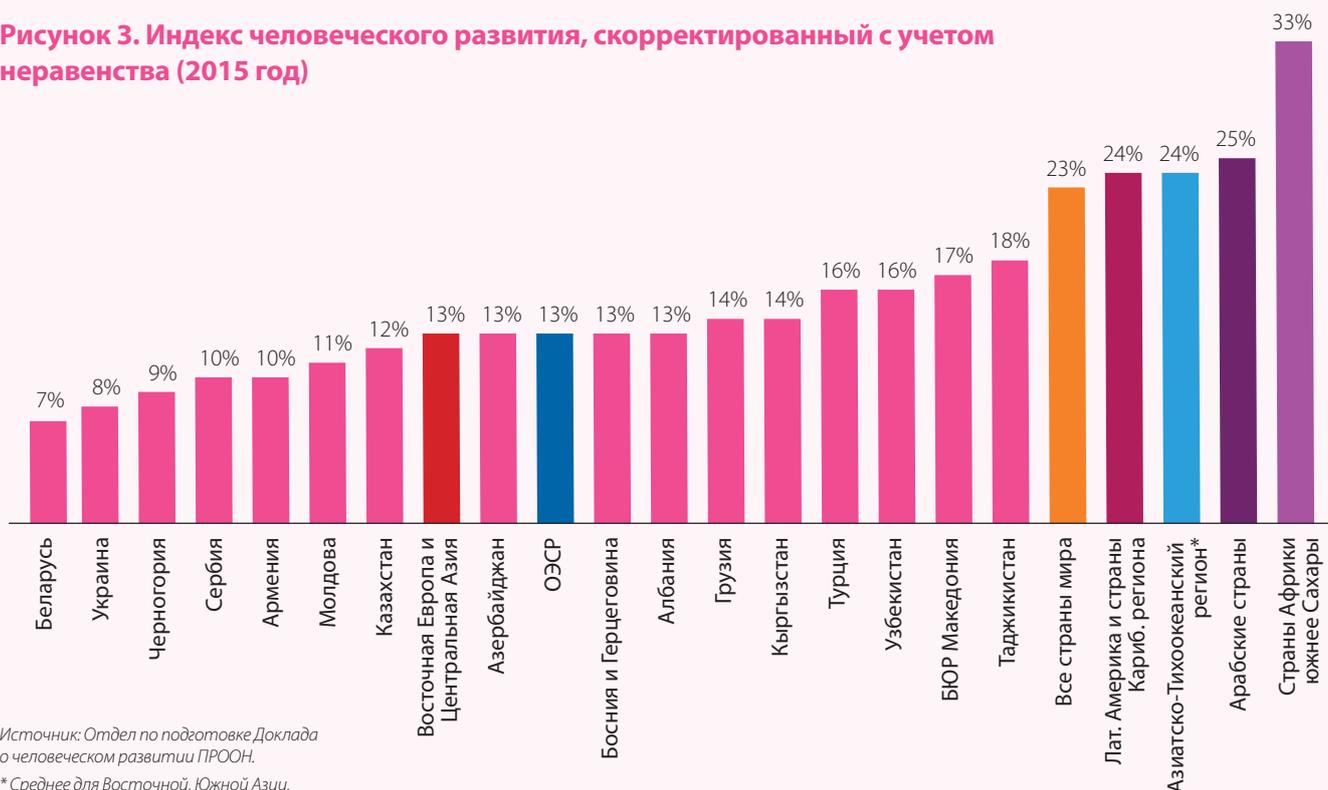
неполного учета доли дохода, приходящейся на наиболее состоятельные домашние хозяйства. Более того, коэффициент Джини, который чаще всего используется для измерения неравенства доходов в регионе, не вошел в перечень предлагаемых показателей для отслеживания достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР). Лишь немногие страны регулярно публикуют данные, необходимые для измерения прогресса по другим показателям неравенства доходов. Это может вызвать серьезные затруднения при осуществлении мониторинга достижения ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») на национальном уровне.

Вместе с тем данные неофициальных опросов дают веские основания предполагать, что неравенство доходов вызывает значительную и усиливающуюся озабоченность в регионе. Например:

- Данные, полученные в рамках программы «Всемирный обзор ценностей», указывают

При акценте на вопросе «у кого есть (или нет) сколько денег» можно упустить из виду более важные определяющие факторы различий, такие как пол, возраст, классовая, этническая принадлежность.

Рисунок 3. Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства (2015 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

* Среднее для Восточной, Южной Азии.

Измерение неравенства в регионе

Таблица 2. Восприятие неравенства по данным Всемирного обзора ценностей (1990-2014 годы)

	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009	2010-2014
Армения		38%			47%
Беларусь	24%	37%			65%
Грузия		26%			45%
Казахстан					55%
БЮР Македония				54%	56%
Молдова		31%	32%	46%	
Украина		37%		28%	81%

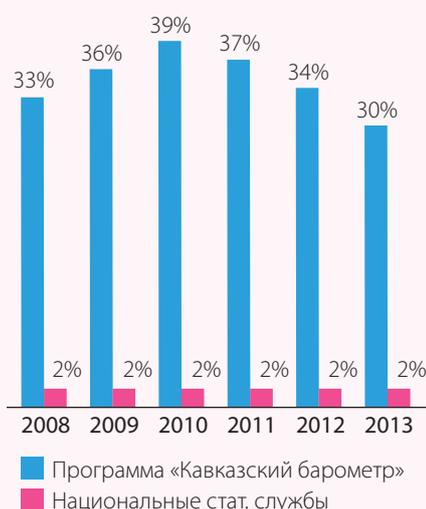
Доля принявших участие в программе «Всемирный обзор ценностей» респондентов, которые в ответ на вопрос о неравенстве доходов поставили баллы в диапазоне от одного до пяти по шкале от одного («следует обеспечить более равномерное распределение доходов») до десяти («необходимо увеличить разницу в уровне доходов, что является стимулирующим фактором»).

на то, что значительное и постоянно растущее число респондентов в ряде стран региона согласны с утверждением, что «следует обеспечить более равномерное распределение доходов» (в отличие от утверждения, что «необходимо увеличить разницу в уровне доходов, что является стимулирующим фактором», см. таблицу 2). Эта тенденция особенно четко прослеживается в странах, национальные статистические службы которых регистрируют очень низкие уровни

коэффициента Джини для неравенства доходов, таких как Беларусь и Украина.

- ▶ Данные, полученные в рамках программы «Кавказский барометр», указывают на то, что от 20 до 40 процентов всех респондентов, принявших участие в обследовании в Армении, Азербайджане и Грузии, считают, что они «не имели личного дохода» в период 2008-2013 годов. Даже если сделать поправку на некоторое преувеличение, полученные цифры сложно соотнести

Доля принявших участие в программе «Кавказский барометр» респондентов, которые заявили, что «не имеют личного дохода», в сравнении с долей национального дохода, приходящейся на наименее обеспеченные децили населения, в соответствии с данными национальных статистических служб (2008-2013 годы)

Рисунок 4. Армения**Рисунок 5. Азербайджан****Рисунок 6. Грузия**

Источники: Национальные статистические службы и база данных программы «Кавказский барометр» (Caucasus Barometer). В качестве данных статистической службы Грузии взяты расходы на потребление.

Человек продает арбузы в центре г. Приштина, Косово. Мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. значительно повлиял на уровень занятости в Западных Балканах. Фото: Karen Cirillo / ПРООН

с официальными данными, которые показывают, что 2-7 процентов доходов домашних хозяйств приходится на те из них, которые относятся к самому низкому децилю в таблице распределения национального дохода (см. рисунки 4-6).

- Судя по результатам измерения «индекса социального исключения», представленным в региональном докладе о человеческом развитии ПРООН за 2011 год «От трансформации – к обществу для всех» (UNDP, 2011с), значительное число респондентов в шести принявших участие в обследовании странах сталкивались с многочисленными лишениями (значительной степени интенсивности) по сравнению с господствующими в этих странах тенденциями в социально-экономической и политической сфере (таблица 3).

Результаты независимого анализа также показывают, что официальные данные о распределении доходов могут отражать систематическое отклонение показателей в меньшую сторону. Результаты исследования, проведенного недавно учеными Академии наук Украины, показали, что в данных по распределению доходов, которые поступают в рамках обследований уровня жизни домашних хозяйств в стране, присутствует систематическая тенденция к занижению.

Доля респондентов, не сообщивших сведения в рамках этих обследований в Киеве (самом богатом регионе Украины), проводившихся в период 2010-2012 годов, вдвое превышала средние показатели по стране и была во много раз выше, чем в сельских (зачастую значительно более бедных) регионах Украины (рисунок 7). Поэтому вероятность представления информации об условиях жизни статистическим службам в случае менее состоятельных людей в сельских регионах Украины значительно выше, чем в случае более обеспеченных жителей городов. Ученые Академии наук Украины пришли к выводу, что при корректировке этого перекоса коэффициент Джини для неравенства доходов повысился бы на четыре пункта (с 23 до 27). Другие оценки коэффициентов Джини для Украины (скорректированные, например, с учетом более полного отражения доходов, полученных в неформальном секторе, см. следующую публикацию: Тохтарова, 2011) указывают на необходимость внесения еще более значительных «поправок» в официальные данные (рисунок 8).

Утрачиваются некоторые социальные достижения, которые были обеспечены до начала переходного периода. Слишком многие добиваются успеха благодаря своим политическим связям, а не за счет своего потенциала человеческого развития.

Таблица 3. Данные по результатам обследования социального исключения (2009 год)

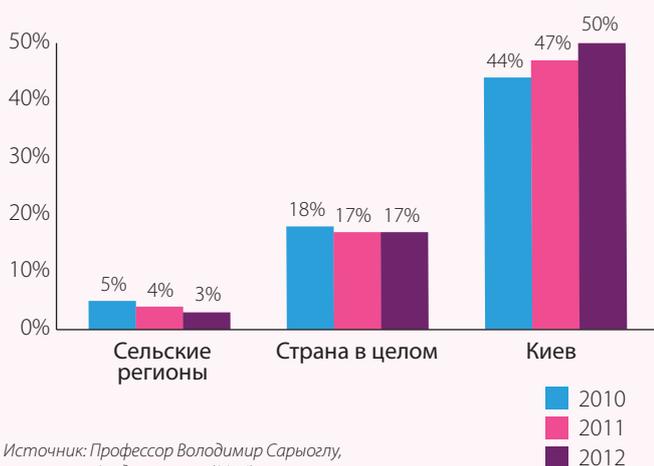
	Численность страдающих от исключения (А)	Среднее количество лишений, с которыми сталкиваются дискриминируемые люди (доля в общем) (В)	Балльная оценка индекса социального исключения (А x В x 100)
Казахстан	32%	44%	14
БЮР Македония	12%	45%	5
Молдова	40%	46%	18
Сербия	19%	45%	8
Таджикистан	72%	46%	33
Украина	20%	43%	9

Источник: ПРООН (UNDP, 2011с), с. 38.

Собранные Всемирным банком данные о распределении расходов на потребление (что нередко служит представительной переменной для дохода домашних хозяйств) указывают на то, что практически никто в регионе не зарабатывает (или, по крайней мере, не тратит) более 100 долл. США в день по паритету покупательской способности. Поскольку ВВП на душу населения в регионе при оценке по паритету покупательской способности, как правило, в 2-3 раза выше, чем ВВП на душу населения в пересчете по рыночным обменным курсам, эти данные подразумевают, что практически никто в регионе не тратит более 50 долл. США в день (в номинальном выражении).

Это соответствует расходам на потребление в размере около 1 520 долл. США в месяц или 18 250 долл. США в год. Такие сдержанные показатели расходов, похоже, сложно будет соотнести с тем фактом, что в инфраструктуре розничной торговли региона большую и растущую долю занимают торговые центры и автосалоны премиум класса. Это можно рассматривать как еще одно подтверждение систематического занижения неравенства доходов в официальных данных.

Есть вероятность того, что такие «нестыковки» между официальными данными и широко распространенными представлениями

Рисунок 7. Доля респондентов, не сообщивших сведения в рамках обследования уровня жизни домашних хозяйств в Украине (2010-2012 годы)

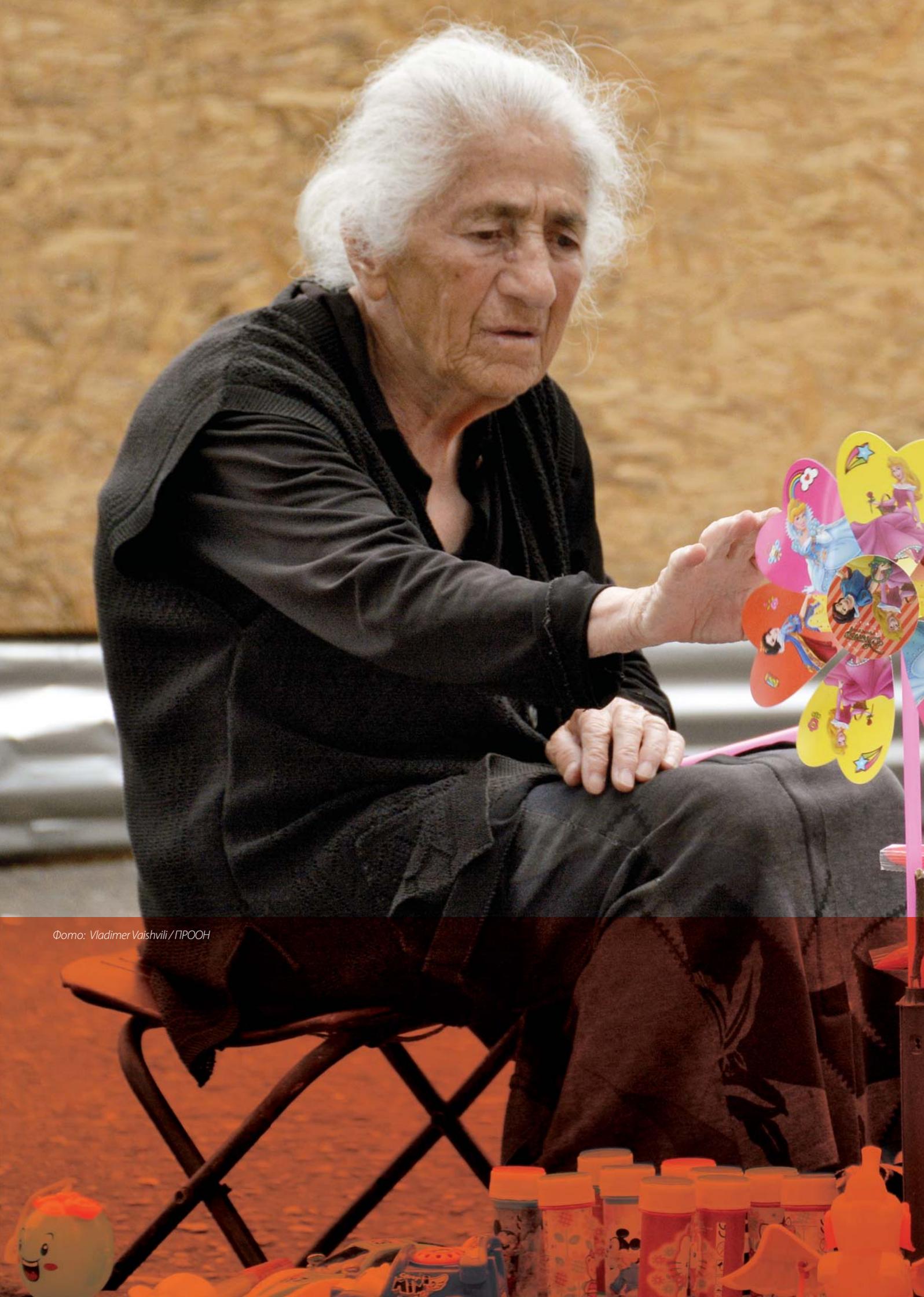
Источник: Профессор Володимир Сарыоглу, украинская Академия наук (2016).

Рисунок 8. Оценки коэффициентов Джини для неравенства доходов в Украине с учетом поправок на деятельность в неформальном секторе (2002-2008 годы)

Источник: Тохтарова (2011), с. 172.

имеют особое значение в рассматриваемом регионе, где граждане стран, которые представляют официальные статистические данные, отражающие очень низкие уровни неравенства доходов, могут считать, что в политических системах их государств у власти находятся олигархические структуры, присутствует высокий уровень коррупции и другие формы социально-политического неравенства. Такое субъективное восприятие неравенства может служить важным показателем социального отношения к правосудию, равенству и легитимности государства. Разница между официальными данными и восприятием ситуации гражданами подчеркивает потребность в дополнительных инвестициях в развитие институционального потенциала национальных статистических и других государственных служб, наделенных надзорными функциями с тем, чтобы, среди прочего, они могли надлежащим образом использовать и представлять информацию по задачам и показателям достижения ЦУР, связанных с неравенством.

Фотом: Vladimer Vaishvili / ПРООН

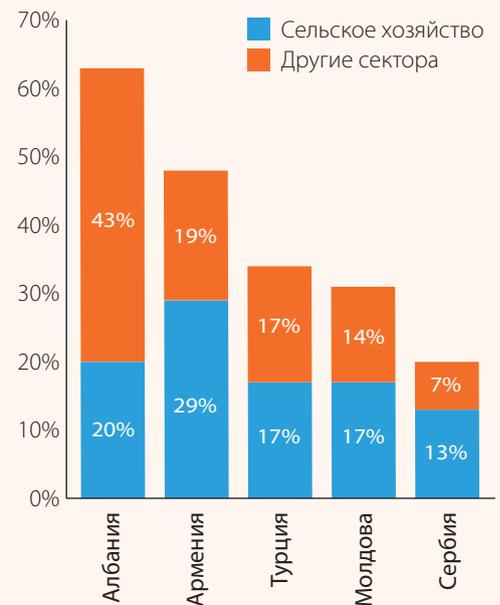
Определяющие факторы
неравенства: Исключение
на рынках труда и пробелы в
системах социальной защиты

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

В основе связанных с неравенством вызовов, с которыми сталкивается регион, лежит исключение на рынках труда. Это имеет место как в связи с нехваткой достойных рабочих мест в формальном секторе, так и в связи с тем, что доступ к системе социальной защиты нередко увязан с официальным участием на рынке труда. При отсутствии хорошей работы люди сталкиваются с более высокими рисками бедности, уязвимости и отсутствия доступа к социальным услугам и системе социальной защиты. Проблемы неравенства на рынках труда также нашли отражение в повестке региона по достижению Целей в области устойчивого развития при акценте на социальном вовлечении и принципе «не оставить никого в стороне».

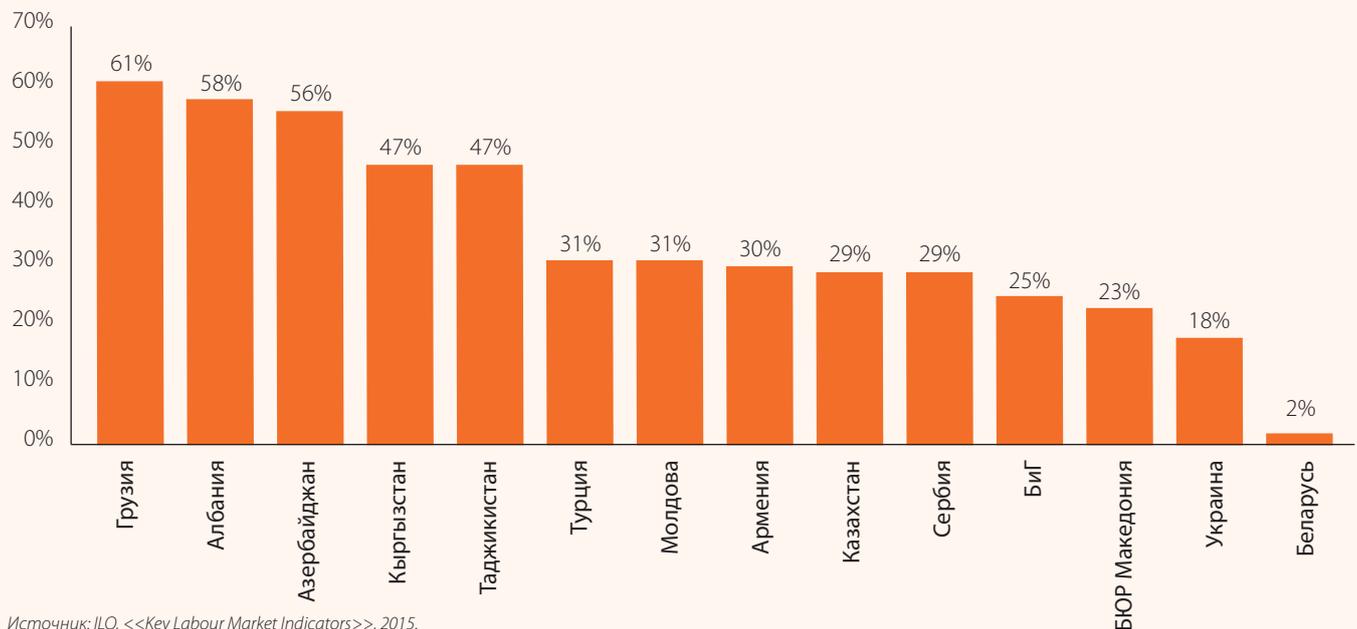
Изменения на рынках труда: От полной занятости к высоким налогам на труд, широкому распространению неформальной и уязвимой занятости. Поскольку повсеместно в регионе широко распространена практика неформальной, нестабильной занятости, привлечения мигрантов и другие формы уязвимой занятости (рисунки 9, 10), занятость не обязательно служит защитой от бедности или социального исключения, особенно в менее богатых странах региона. Женщины, молодые работники, мигранты, длительно безработные, люди с ограниченными возможностями, цыгане

Рисунок 9. Доля неформальной занятости в общей занятости (2013 год)

Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 8th ed., таблица 8.

Рисунок 10. Доля уязвимой занятости в общей занятости (2013 или последний год, по которому имеются данные)

Источник: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 2015.

Вставка 1. Оценка качества занятости

Нестабильная занятость не обеспечивает защиту прав, которая ассоциируется с достойной постоянной работой.

Неформальная занятость делится на следующие две основные категории: работа на неформальных (незарегистрированных) предприятиях; и оплачиваемая работа в формальном секторе (на зарегистрированных предприятиях), но на неформальной основе («черная зарплата» без предоставления базовых льгот, соблюдения прав работников или оформления письменного контракта). В то время как первая категория чаще встречается в сельских регионах (где значима занятость на сельскохозяйственных работах), вторая категория чаще присутствует в городских регионах.

Уязвимая занятость определяется Международной организацией труда (МОТ) как общее число (неоплачиваемых) членов семьи, помогающих вести бизнес, и самостоятельно выполняющих работу (самозанятых) работников. В случае таких групп ниже вероятность их формальной занятости и, следовательно, они зачастую не обеспечены достойными условиями труда и защитой или адекватной оплатой труда.

Скрытая безработица означает выполнение определенных видов (низкоквалифицированных, сезонных) работ в целях выживания при отсутствии достойной занятости и адекватной поддержки безработных. В регионе часто встречаются такие примеры скрытой безработицы, как работа в низкопроизводительном нетоварном сельскохозяйственном производстве и в неформальной торговле.

Эти категории не являются взаимоисключающими. Определенный работник может, например, относиться к категории и неформальной, и уязвимой занятости.

и другие люди, находящиеся в неравном положении на рынке труда, особенно уязвимы к рискам бедности и исключения в более общем плане. Хотя в некоторых странах и в отношении некоторых групп населения отмечаются тенденции к улучшению ситуации, в других странах наблюдается усиление неравенства на рынках труда.

Ситуация дополнительно осложняется в связи с тем, что многие из широко используемых показателей рынков труда дают лишь ограниченное представление о функционировании этих рынков и их взаимосвязи с неравенством (вставка 1).

Со всей очевидностью это прослеживается при рассмотрении двух взаимосвязанных статистических показателей «занятости» и «безработицы», которые иногда вводят в заблуждение, а также находящихся в открытом доступе данных по рынкам труда, которые нечасто представляются в разбивке по полу, этнической принадлежности и другим критериям уязвимости. Разные статусы людей на рынке труда (неактивный, безработный, частично занятый, занятый в неформальном

секторе, занятый в формальном секторе, трудовой мигрант и т.д.) представляют собой точки многомерного континуума рынка труда при частичном наложении многих из них и постоянном переходе лиц из одной категории в другую. Неравенство среди работающих может быть столь же велико или даже выше, чем неравенство между работающими и безработными. Например:

- В то время как в Казахстане традиционно отмечаются самые высокие уровни занятости в регионе, практически треть лиц, которые классифицируются как занятые, являются самозанятыми, причем большинство из них занимаются мелкомасштабной низкопроизводительной сельскохозяйственной деятельностью (Kazakhstan State Statistical Committee, 2015);
- В то время как Азербайджан ненамного отстает от Казахстана по официальным показателям уровня занятости, 37 процентов рабочей силы (или 44 процента женской рабочей силы) занято в сельском хозяйстве, на долю которого приходится лишь немногим более 5 процентов ВВП (Lubyova,

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

Риск бедности и исключения тех, кто занят на нестабильных, низкооплачиваемых, низкопроизводительных рабочих местах или работает в неформальном секторе, может быть таким же, как и в случае тех, кто не имеет работы.

2013; World Bank, 2015a). Эти диспропорции ведут к формированию низких уровней производительности труда и доходов в сельском хозяйстве;

➤ В Кыргызстане и Таджикистане отмечаются не только высокие показатели участия на рынке труда, но и самые высокие показатели доли работающих бедных, трудовых мигрантов и уязвимой занятости в регионе, что подчеркивает остроту проблем качества и количества возможностей для занятости.

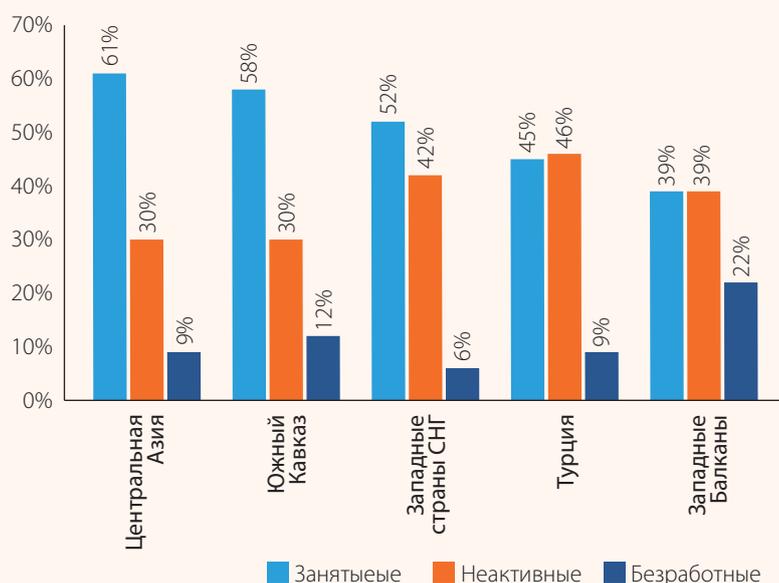
Мероприятия по повышению качества статистики рынков труда критически важны для выработки более эффективных мер политики. В равной степени важны и шаги, нацеленные на повышение периодичности публикации данных о занятости

и миграционных потоках с разбивкой по социально-экономическим критериям уязвимости (пол, возраст, проживание в городском или сельском регионе, влияние конфликтов). Также необходимо выработать

инновационные подходы к сочетанию количественных и качественных данных при сборе и анализе информации, что позволит получить более глубокое представление о неравенстве среди занятых и препятствиях, с которыми сталкиваются лица, не участвующие на рынке труда.

На практике сложно разделить неравенство результатов и возможностей в части занятости. Кроме того, в разных частях региона это явление принимает разные формы (рисунок 11). В странах Западных Балкан такое неравенство находит отражение в высоких показателях безработицы; в Турции и западных странах СНГ оно проявляется в низких показателях экономической активности и занятости (особенно среди женщин); а в большей части стран Южного Кавказа и Центральной Азии это можно отследить по высоким показателям доли неформальной занятости, трудовой миграции и других форм нестабильной занятости. Более того, в таких странах, как Бывшая Югославская Республика Македония, Молдова и Украина, под влиянием социально-экономических проблем выросло число занятых в сельском хозяйстве (рисунок 12), которые преимущественно

Рисунок 11. Распределение трудовых ресурсов, по субрегионам (2014 год)

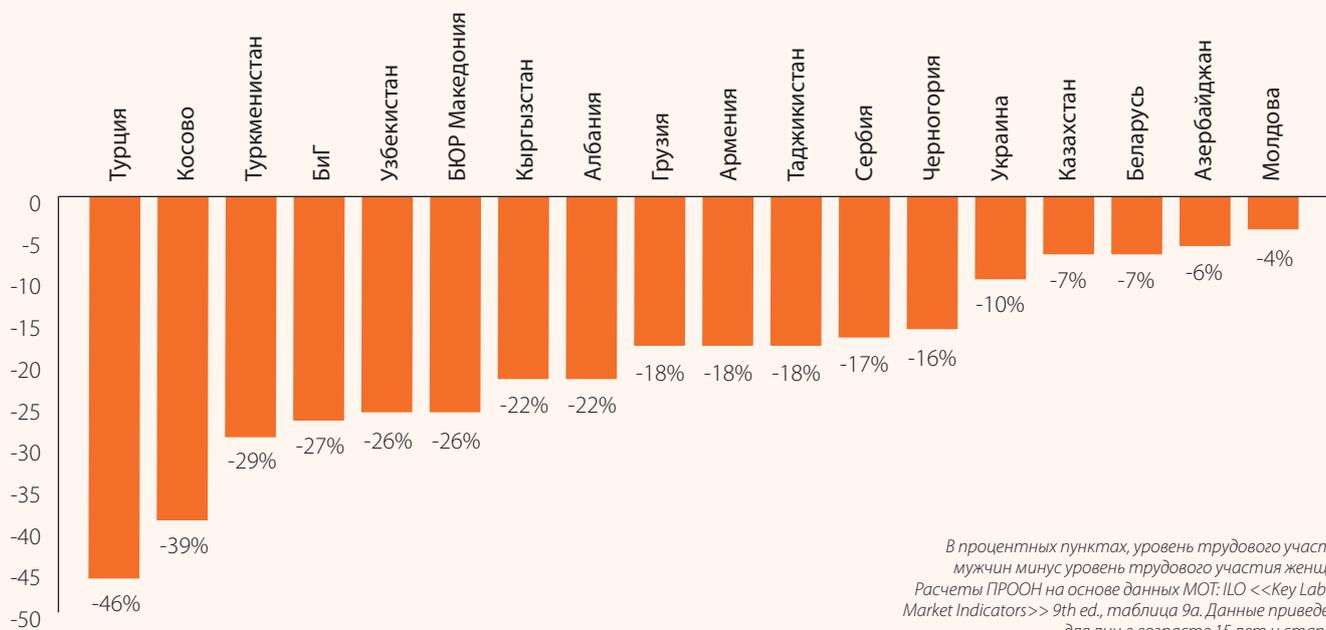
Расчеты ПРООН (невзвешенные средние показатели) на основе данных публикации МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> 9th ed., таблица 2а.

Рисунок 12. Тенденции изменения доли занятости в сельском хозяйстве в общей занятости (2004-2013 годы)

Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 9th ed., таблица 4а.

Рисунок 13. Разница в показателях трудового участия мужчин и женщин (2004-2014 годы, среднегодовые показатели)

работают на условиях неформальной занятости при отсутствии полноценной социальной защиты.

Женщины (рисунок 13), молодые работники (рисунок 14), цыгане (рисунок 15) и люди с ограниченными возможностями особенно уязвимы к риску отсутствия доступа к достойной работе, позволяющей получать заработную плату, которая обеспечивает прожиточный минимум.

Судя по всему, дискриминация в некоторой степени определяет эти результаты, по крайней мере, в том, что касается исключения цыган на рынке труда. Как показано на рисунке 16, различия в уровне незанятости (т.е. доли населения трудоспособного возраста, которое либо относится к безработным, либо является экономически неактивным) цыган и представителей нецыганских общин на Восточных Балканах, проживающих в непосредственной близости от цыганских поселений, минимальны для лиц, не имеющих формального образования. Однако, в то время как уровни незанятости сокращаются по мере повышения уровней образования как цыган, так и нецыган, в случае последних наблюдается гораздо более существенное снижение этого показателя. Поскольку ни уровень образования, ни местоположение не могут объяснить эти

различия, объяснением может выступать нежелание работодателей нанимать «чужаков».

Эти данные обследования также указывают на то, что вероятность участия цыган в неформальной экономике в пять раз выше в сравнении с соседними нецыганскими общинами. Если брать работающих представителей цыганских общин в Албании, 87 процентов мужчин и 79 процентов женщин, судя по некоторым данным, были заняты в неформальном секторе в 2011 году. Интенсивность неформальной занятости была особенно высока в Боснии и Герцеговине, а также в Черногории. Поскольку занятость в формальном секторе является условием для получения права на многие формы социальной защиты, активное участие домашних хозяйств цыганских общин в неформальном секторе может также подразумевать их исключение из систем социальной защиты и социальных услуг. Более половины респондентов из состава цыганских общин, обследованных в 2011 году, отмечали сложности, связанные с отсутствием возможности позволить себе приобретение медикаментов, в то время как среди респондентов из состава нецыганских общин такой ответ давал лишь каждый четвертый (Ivanov and Kagan, 2014). И это несмотря на существенные успехи, достигнутые

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

в сокращении разрыва в уровне образования между респондентами из цыганских и нецыганских общин в период 2005-2011 годов.

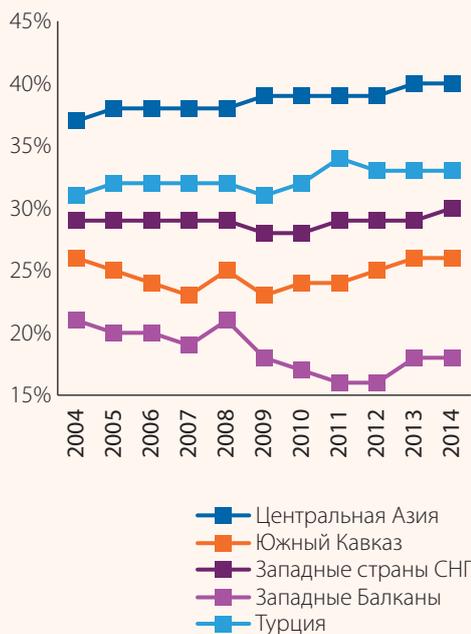
Социальная защита: Усиление нагрузки.

Вопросам социальной защиты уделяется большое внимание в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и ЦУР (вставка 2). Во всех странах региона, за исключением Турции, общие системы социальной защиты, имеющие компоненты, как предусматривающие (социальное страхование), так и не предусматривающие отчисления, были созданы в период до 1990-х годов. В сочетании с, как правило, высоким спросом на рабочую силу на рынках труда, субсидированием базовых товаров и услуг и значительными государственными инвестициями в обеспечение услугами здравоохранения, образования и другими социальными и коммунальными услугами (некоторые из которых предоставлялись по месту работы), это обеспечивало высокую степень экономической безопасности для домашних

хозяйств. Доступ ко многим из этих услуг основывался на кодифицированных законных / конституционных «правах» на «бесплатное» медицинское обслуживание, образование и т.п. Население большинства этих стран также было молодым, его численность росла, что обеспечивало большое количество плательщиков единых отчислений в системы здравоохранения и пенсионного обеспечения. С другой стороны, эти системы не были приспособлены к индивидуальной работе с каждым конкретным случаем, не обеспечивали охват уязвимых групп, переподготовку работников более старшего возраста с учетом новых потребностей рынка труда, не позволяли бороться с дискриминацией. Нерешенными нередко оставались проблемы социального исключения, которые требовали локальных решений или не могли решаться в рамках программ регионального развития или общественных работ.

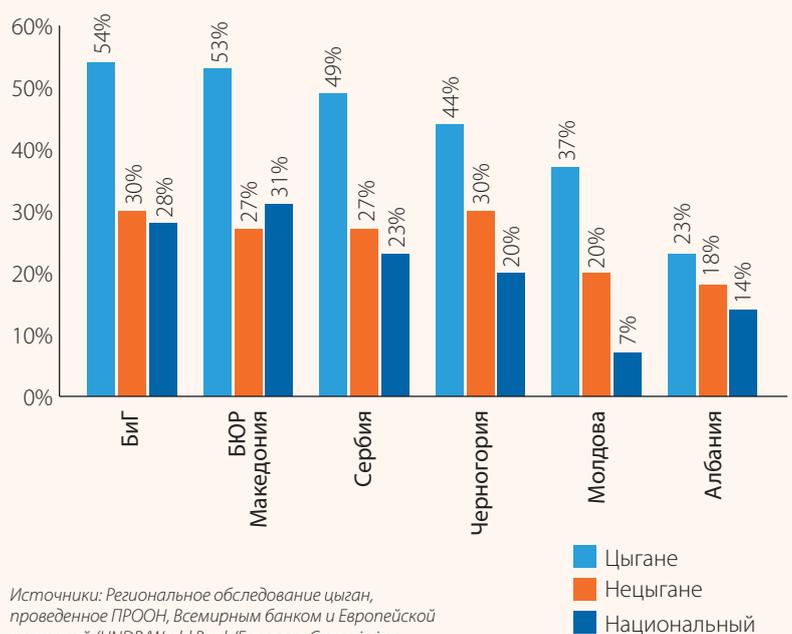
Наблюдавшееся в период трансформации резкое сокращение занятости в формальном секторе привело к значительным проблемам с

Рисунок 14. Уровни занятости молодежи (2004-2014 годы)

Отношение занятого населения в возрасте 15-24 лет к общей численности населения этой возрастной группы. Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> (2015), 9th ed., таблица 2a.

Рисунок 15. Уровни безработицы среди цыган (2011 год)

Источники: Региональное обследование цыган, проведенное ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/World Bank/European Commission Regional Roma Survey, 2011); и ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 9th ed.

Примечание: Данные по «нецыганским общинам» собирались при обследовании нецыганских общин, расположенных в непосредственной близости от цыганских поселений или районов.

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

финансированием систем социальной защиты в регионе. Во многих странах эти проблемы усиливались в связи с демографическими тенденциями, ведущими к существенному росту числа бенефициаров финансируемых государством систем здравоохранения и пенсионного обеспечения, что поставили под угрозу финансовую устойчивость этих систем. Государства отреагировали на данную ситуацию повышением отчислений на социальное страхование и других налогов на труд, что вынудило еще больше работников переходить в неформальный сектор и привело к дальнейшему сокращению налоговой базы. В то время как в рассматриваемом регионе налоговая нагрузка на работников, занятых в формальном секторе, в настоящее время является одной из самых высоких в мире (рисунок 17), работники, занятые в неформальном секторе, (частично или полностью) лишены доступа к системам социальной защиты.

В ответ на проблемы также предпринимались шаги по реформированию социальной политики, что привело к сокращению размера социальных пособий и охвата системы (несмотря на нехватку достойной работы). В результате этого в значительной части региона системы социальной защиты не в состоянии удовлетворить потребности тех, кто сталкивается с самым серьезным риском исключения на рынке труда или социального

Рисунок 16. Уровни незанятости цыган и нецыган на Восточных Балканах, по уровню образования (2011 год)

Источник: Региональное обследование цыган, проведенное ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/World Bank/European Commission Regional Roma Survey, 2011).

Примечание: Данные по «нецыганским общинам» собирались при обследовании нецыганских общин, расположенных в непосредственной близости от цыганских поселений или районов.

исключения. Безусловно, программы социальной помощи, не основанные на отчислениях, были расширены с тем, чтобы компенсировать снижение защищенности на рынке труда и сокращение субсидирования базовых товаров и услуг. Однако такие факторы, как нагрузка на бюджет, озабоченность в связи с ослаблением стимулов для участия на рынке труда и технические сложности с определением надлежащих критериев доступа к социальной помощи (в интересах минимизации ошибок в части вопросов социального вовлечения и исключения), привели к ограничению охвата

Косово: Национальный уровень безработицы часто превышает 30 процентов. Профессионально-технические навыки и поддержка открытия мелкого бизнеса оказались жизненно необходимы. Фото: Arben Llapashtica / ПРООН

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

и действенности этих программ. Более того, некоторые страны сосредоточили внимание на том, чтобы предоставлять социальную помощь «достойным» социальным группам (например, ветеранам войны в странах Западных Балкан), члены которых не обязательно относятся к наименее обеспеченным или самым уязвимым.

После 25 лет переходного периода наблюдаются значительные различия между странами региона и их системами социальной защиты с точки зрения доли ВВП, идущей на нужды социальной защиты, и проводимой политики. В большинстве этих стран отмечаются относительно высокие показатели доли пенсий (для пожилых) и расходов на общественное здоровье. Они особенно высоки в странах Западных Балкан и западных странах СНГ, учитывая старение и сокращение численности их населения. Только в Сербии и Армении расходы на страхование по безработице и активные меры политики на рынке труда, напротив, превышали 0,5 процента ВВП. Усилия по сокращению таких дисбалансов за счет стимулирования активности на рынке труда

при одновременном предоставлении помощи в доступе к системе социальной защиты тем, кто в ней нуждается, крайне важны для поощрения вовлечения на рынках труда в регионе.

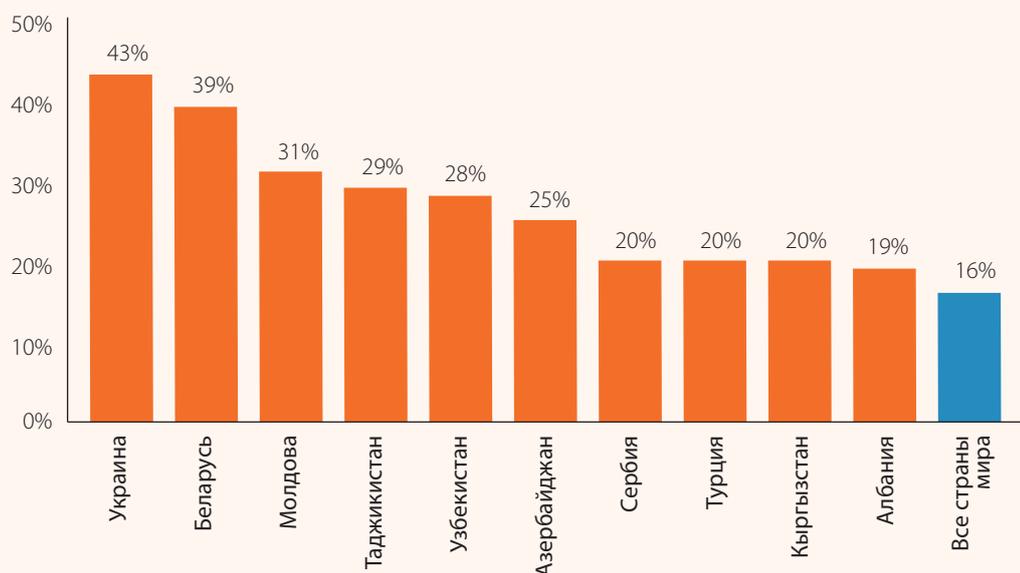
В результате неадекватности расходов или недостаточной адресности социальных пособий часто формируются значительные пробелы. С одной стороны, как показывают данные Всемирного банка, системы социальной защиты (преимущественно пенсии по возрасту) обеспечивают сокращение неравенства доходов (и бедности) во многих странах региона (рисунок 18). С другой стороны, из всех стран региона только в Азербайджане, Беларуси, Грузии, Турции и Украине более половины домашних хозяйств, относящихся к наименее обеспеченному квинтилю населения, получают выплаты в рамках социальной помощи (рисунок 19).

Хотя такие недостатки в охвате частично компенсируются за счет влияния пенсий и других пособий, основанных на отчислениях, они требуют внимания к сохраняющимся проблемам адресности в системах социальной

Вставка 2. Социальная защита и Цели в области устойчивого развития

Цели в области устойчивого развития признают факт существования сложных взаимосвязей между мерами политики, что следует учитывать при создании хорошо функционирующей системы социальной защиты.

- ЦУР 1 («повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах») в части задачи 1.3 призывает к внедрению на национальном уровне соответствующих систем социальной защиты для всех, включая минимальные нормы социальной защиты, для существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения.
- ЦУР 3 («обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию») в части задачи 3.8 призывает к обеспечению всеобщего охвата услугами здравоохранения, включая защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и к лекарственным средствам и вакцинам для всех.
- ЦУР 5 («гендерное равенство») в части задачи 5.4 призывает к признанию и оценке неоплачиваемого труда по уходу и работы по ведению домашнего хозяйства за счет предоставления государственных услуг, развития инфраструктуры и мер политики социальной защиты.
- ЦУР 8 («достойная работа и экономический рост») призывает к полной и производительной занятости для всех (задача 8.5) при защите трудовых прав и обеспечении безопасных условий работы для всех.
- ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») призывает к обеспечению устойчивого роста доходов наименее обеспеченных слоев населения (задача 10.1), расширению прав и возможностей для всех и поощрению активного участия всех в социальной, экономической и политической жизни (задача 10.2), а также к принятию мер бюджетно-налоговой политики, политики заработной платы и социальной защиты для поступательного усиления равенства (задача 10.4).
- ЦУР 16 («мир, правосудие и эффективные учреждения») призывает к созданию эффективных, подотчетных и прозрачных учреждений на всех уровнях (задача 16.6), чтобы обеспечить принятие решений на основе принципов реагирования на потребности, социального вовлечения, коллегиальности и репрезентативности.

Рисунок 17. Уплачиваемые предприятиями налоги на труд по отношению к их прибыли (2015 год)

Источник: исследование Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business, 2016).

защиты региона. Похоже, что Казахстан, Кыргызская Республика и Таджикистан демонстрируют особенно слабые результаты, если рассматривать в сумме их совокупные бюджетные расходы, адресность и влияние мер (на сокращение бедности и неравенства). Результаты Азербайджана, Беларуси, Черногории, Сербии и Украины выглядят относительно хорошо в целом в сравнении с большинством остальных стран региона.

Социальные услуги являются еще одним важным компонентом систем социальной защиты, который призван играть центральную роль в содействии равному доступу к рынку труда, особенно для уязвимых групп населения. Препятствия, с которыми сталкиваются социально ущемленные работники, такие как цыгане и люди с ограниченными возможностями, указывают на необходимость трехуровневых подходов, которые: (i) приводят в соответствие правовые системы и основы политики в различных секторах (образование, здравоохранение, социальная защита и занятость); (ii) расширяют права и возможности малообеспеченных и решают проблему социальных структур, которые ведут к сохранению бедности и социального исключения, (например, посредством кампании против дискриминации); и (iii) включают дополнительные услуги, обеспечивающие

доступ к рынкам труда (физическая доступность, социальные предприятия, социальное наставничество, уход за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями). Эти услуги должны быть тщательно продуманы и финансироваться таким образом, чтобы обеспечить их непрерывный характер и стандарты качества.

Социальная защита и рынок труда: Установление надлежащих взаимосвязей.

В сочетании с активными мерами политики на рынке труда социальная защита может: (i) содействовать достойной занятости (при предоставлении социального страхования); (ii) обеспечивать поддержку тех, кто не имеет работы за счет субсидирования их доходов и услуг службы занятости; и (iii) поощрять вовлечение тех, кто сталкивается с многочисленными препятствиями при трудоустройстве, включая дискриминацию и предрассудки. Если системы социальной защиты неэффективны, потеря или отсутствие работы могут вести к формированию порочного круга исключения. Это, в свою очередь, может усугубляться отсутствием надлежащей координации действий государственной службы занятости, которая делает акцент в своей работе на администрировании пособий, и органов социальной защиты, которые сосредотачивают внимание на посреднических функциях.

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

Ответственность за меры политики в сфере профессионального образования, рынка труда и социальной защиты нередко разделена между различными структурами государственного аппарата при отсутствии надлежащей межведомственной координации. Эти проблемы могут дополнительно осложняться тем, что данные о рынке труда и его показатели не всегда соответствуют целевому назначению, что отмечалось выше.

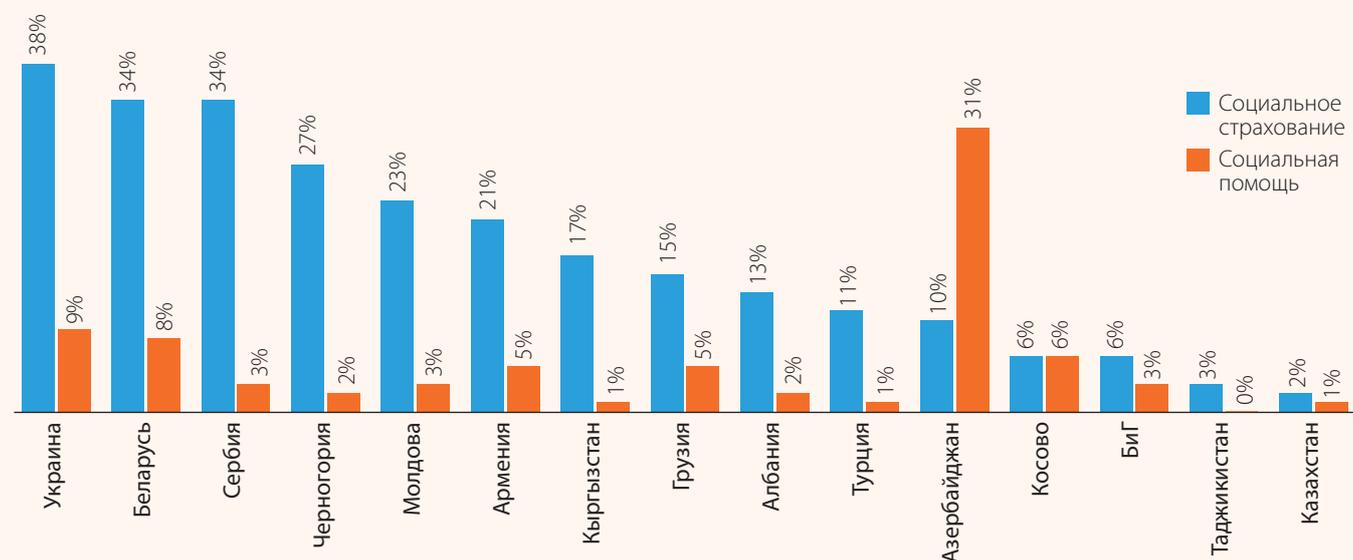
В результате развитости неформальной занятости в регионе значительное число работников не могут пользоваться системами социальной защиты, а устойчивость их финансового положения находится под угрозой. Многие государства отреагировали на эти вызовы (дальнейшим) повышением и без того высоких налогов на социальное страхование, что стало главным определяющим фактором для перетока занятости и хозяйственной деятельности в неформальный сектор. В этой связи усилия, направленные на то, чтобы разорвать этот порочный круг, должны быть сосредоточены на снижении такой налоговой нагрузки на труд.

Существование подобного порочного круга указывает на возможность преувеличения

озабоченности в связи с тем, что социальная помощь ослабляет стимулы для участия на рынке труда. Напротив, нередко именно ожидаемая потеря пособий по безработице (или других пособий) в сочетании с высоким налогообложением труда в формальном секторе снижает заинтересованность работников отказываться от неформальной занятости. Ряд исследований по странам региона подтверждают этот вывод. В Армении, например, получение социальной помощи, судя по всему, не влияет на формальное участие на рынке труда (World Bank, 2011b).

При тщательной согласованности с продуманными активными мерами политики на рынке труда системы социальной защиты могут обеспечить дальнейшее усиление стимулов для формального участия на рынке труда и сокращение рисков социального исключения (Kuddo, 2009; Lehmann and Muravyev, 2011). К другим социальным услугам, которые могут поощрять вовлечение на рынок труда, относятся уход за детьми, пожилыми и другими лицами, нуждающимися в такой помощи. К сожалению, в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Таджикистан и Турция, государственные услуги по уходу за детьми отсутствуют (либо слабо финансируются) (World Bank, 2012). Меры по поддержке частичной формальной занятости

Рисунок 18. Влияние мер социальной защиты на неравенство доходов в регионе (процентное снижение коэффициентов Джини, за последний год, по которому имеются данные)

Примечание: Социальное страхование и социальная помощь означают системы социальных пособий, предусматривающих и не предусматривающих отчисления, соответственно.

Источник: база данных Всемирного банка ASPIRE.

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

также могут содействовать вовлечению на рынок труда, особенно в случае женщин и молодежи, чьи прочие обязательства не позволяют им работать полный рабочий день. Это подразумевает корректировку налоговой нагрузки или отчислений на социальное страхование с учетом количества отработанных часов и введение норм, разрешающих использование ряда гибких контрактов для частичной занятости.

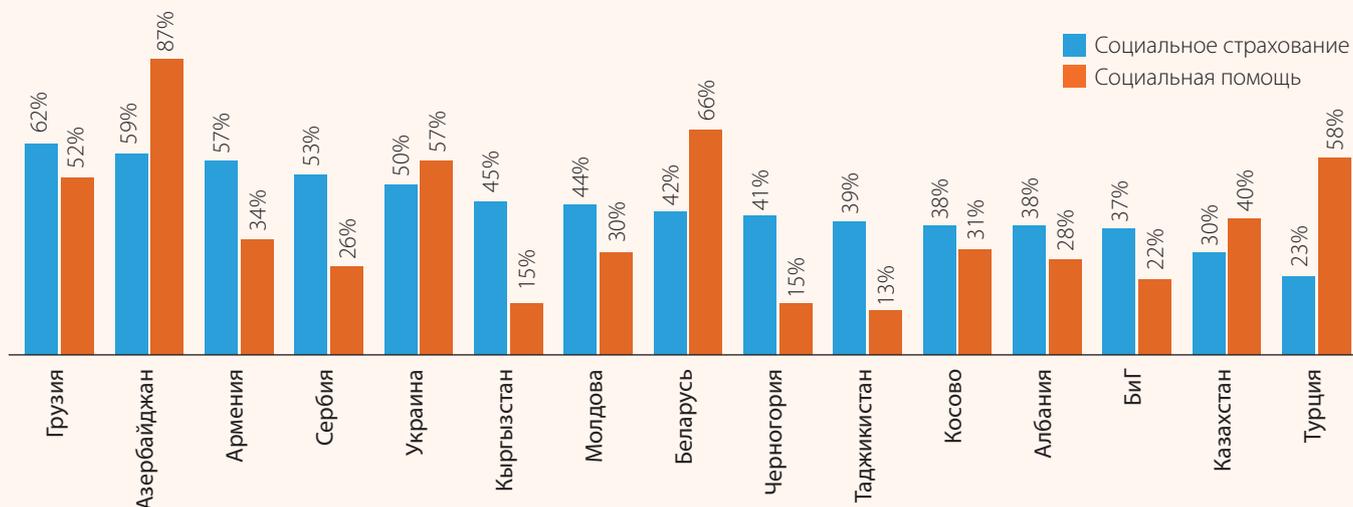
Обсуждение на национальном уровне введения минимальных норм социальной защиты может помочь определить наиболее оптимальные подходы к обеспечению согласованности мер политики на рынке труда и социальной защиты, например, за счет расширенного использования «интегрированных пакетов денежных трансфертов и услуг поддержки». Инициатива ООН по введению минимальных норм социальной защиты (SPF-I) может поддержать усилия по предоставлению или расширению базовых гарантий социальной защиты, обеспечивающих всеобщий доступ к важнейшим услугам здравоохранения и стабильность дохода. Минимальные нормы социальной защиты делают акцент на таких аспектах, как минимальный гарантированный базовый доход (в форме оплаты труда или трансфертов), полноценный

и достаточный доступ к качественным услугам здравоохранения, образования и социальным услугам. Социальные услуги особенно важны для людей, не имеющих стажа работы, длительно безработных, людей с ограниченными возможностями и женщин (например, для ухода за детьми). При адаптации этой глобальной инициативы к региональному контексту обнаруживается настоятельная потребность интегрировать:

- минимальный гарантированный доход в форме поддержки занятости или дохода;
- единый базовый доход для детей;
- базовый доход («социальные пенсии») для всех пенсионеров старше определенного возраста;
- обеспечение качественными и доступными услугами образования, здравоохранения и социальными услугами на местном уровне, включая поддержку для семей (детей и людей с ограниченными возможностями) социальными службами; и

Хотя работа является средством получения дохода, обеспечения человеческого достоинства, свободы выбора и безопасности, неоплачиваемый труд, социальная работа, добровольный или творческий труд также могут способствовать росту благополучия.

Рисунок 19. Доля домашних хозяйств наименее обеспеченного квинтиля, которые получают социальные пособия (за последний год, по которому имеются данные)

Примечание: Социальное страхование и социальная помощь означают системы социальных пособий, предусматривающих и не предусматривающих отчисления, соответственно.

Источник: база данных Всемирного банка ASPIRE.

Для стимулирования процесса преобразования экономического роста в возможности достойного трудоустройства требуются целостные подходы при участии всего государства.

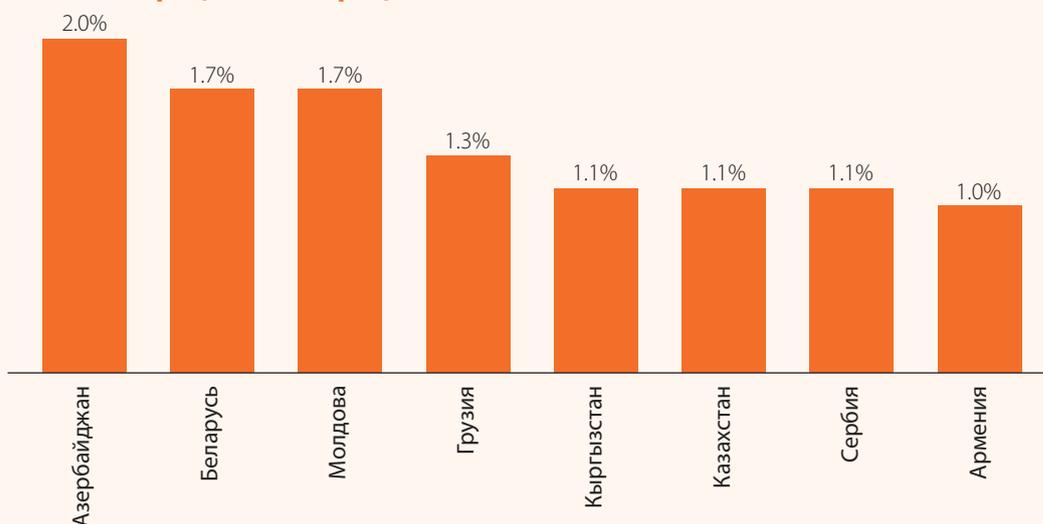
- поддержку, предоставляемую в целях расширения доступа к средствам к существованию и рынкам труда совместно с институтами рынков труда и государственными службами занятости.

Наличие хорошо развитых институтов социальных работников и использование механизма специалистов по личным делам являются ключевыми условиями для лучшей организации и обеспечения социальными услугами с учетом институтов и программ на рынке труда. Также необходима определенная степень институциональной гибкости, особенно с учетом местного контекста. Высокие уровни безработицы (длительной безработицы и иных ее видов) среди молодежи, цыган и других этнических меньшинств, людей с ограниченными возможностями и других лиц подчеркивают важность выработки индивидуальных подходов к решению проблем занятости. Для сокращения численности длительно безработных требуются специальные инициативы по повышению квалификации взрослых работников и созданию возможностей для молодых людей.

Реформирование политики и реализация программ обеспечения вовлечения на рынок труда. Значительное число работников в регионе сталкиваются с риском отсутствия доступа к рынку труда, что чересчур легко может привести к риску социального исключения в более общем плане. Проблема состоит не просто в отсутствии рабочих мест, а в отсутствии достойной работы. Это указывает на необходимость реформирования политики и реализации программ по следующим двум общим направлениям: (i) макроэкономическая политика в целом, политика в сфере занятости и социальной защиты; и (ii) сокращение масштабов неформальной занятости.

Что касается макроэкономической политики в целом и политики занятости, критически важны два направления. Во-первых, поскольку заработная плата является основным источником дохода для малообеспеченных и уязвимых домашних хозяйств, общая система мер макроэкономической политики и политики занятости должна быть нацелена на изменение модели экономического роста с тем, чтобы домашние хозяйства с низкими доходами могли получать выгоды от такого роста на более устойчивой основе. Для этого необходимо предпринимать шаги, направленные на ускорение экономической диверсификации при смещении акцента с капиталоемких сырьевых отраслей на расширение более

Рисунок 20. Оценки доходов бюджета при обложении внешнеторговых операций, совершаемых при фальсификации данных в счетах, налогом по ставке 10 процентов (в процентах ВВП)

Расчеты ПРООН на основе данных публикаций: 2004-2013 «Global Financial Integrity», IMF-WEO (среднегодовые показатели).

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

Узбекистан: Женщины могут быть инженерами нефтяных и газовых скважин. При акценте на вопросе «у кого есть (или нет) сколько денег» можно упустить из виду более важные определяющие факторы различий, такие как пол, возраст, классовая, этническая принадлежность. Фото: Anastasiya Kasyanova / ПРООН

трудоемких производств в перерабатывающих отраслях. Это, в свою очередь, подчеркивает важность реформ, направленных на улучшение внутренней среды для деловой и хозяйственной деятельности и ускорение интеграции в транснациональные производственно-сбытовые цепочки. Это также подчеркивает значимость инвестиций в развитие среднего образования и образования выше среднего (особенно в части профессионального образования).

Во-вторых, необходимо повысить значимость политики занятости в рамках общей системы мер макроэкономической политики. «Создание надлежащих основ для экономического роста» и совершенствование среды для деловой и хозяйственной деятельности являются необходимыми, но недостаточными условиями для роста занятости. Необходимы также и подходы к обеспечению занятости при условии работы всего государства, когда ответственность за реализацию национальных стратегий содействия занятости четко закрепляется за всеми соответствующим государственными органами. Это, среди прочего, предполагает:

- *Определение четких целей и количественно измеряемых целевых показателей при выделении достаточных бюджетных ассигнований и закреплении политической ответственности за достижение соответствующих результатов.*
- *Обеспечение более действенной координации мер политики между министерствами и ведомствами на национальном уровне, а также между национальными и местными органами управления и привлечение к работе гражданского общества.*
- *Повышение качества данных и показателей с тем, чтобы они могли отражать различные формы занятости с разбивкой по ряду критериев (возраст, пол, этническая принадлежность, инвалидность, географическое местоположение и т.д.).*
- *Увеличение инвестиций в развитие институционального потенциала государственных служб занятости, национальных структур, координирующих политику на рынке труда, и платформ для диалога и партнерства в области занятости при участии частного сектора, государства и гражданского общества.*
- *Увеличение инвестиций в активные меры политики на рынке труда, профессиональное образование и другие меры, направленные на повышение производительности труда и поощрение вовлеченности.*

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

- *Усиление акцента на борьбе с дискриминацией на рынках труда путем введения более строгих правовых рамок, применения более сильных юридических и административных средств защиты, а также использование специальных временных мер.*
- *Усиление взаимосвязей между мерами политики занятости и социальной политики, возможно, за счет введения на национальном уровне минимальных норм социальной защиты, в соответствии с утвержденными рекомендациями системы ООН.*
- *Наращивание инвестиций в обеспечение услугами социального ухода с тем, чтобы содействовать росту участия на рынке труда. В Турции, например, увеличение расходов государственного бюджета на услуги социального ухода до среднего по странам ОЭСР уровня позволило бы создать около 719 000 рабочих мест в этой сфере, что более чем в 2,5 раза превышает общее количество рабочих мест, которые были бы созданы при расходовании того же объема бюджетных средств на строительные / инфраструктурные проекты. По некоторым оценкам, 84 процента работников, принятых на эти рабочие места в сфере социального ухода, работали бы на основе постоянных контрактов, обеспечивающих более значительные гарантии занятости (в отличие от 25 процентов в строительстве); 85 процентов таких работников были бы охвачены программами социального обеспечения (в отличие от 30 процентов в строительстве – см. публикацию: Ilkkaracan et al., 2015).*
- *Сокращение налогов на труд, которые исключительно высоки в большей части региона (рисунок 17). Возможные потери доходов бюджетов можно компенсировать за счет повышения налогов на виды деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер; сокращения бюджетных субсидий, которые поступают богатым или которые поддерживают экологически неустойчивые виды деятельности (например, субсидирование ископаемого топлива); и путем активизации мер по сокращению незаконных финансовых потоков и связанного с этим перенаправления бюджетных доходов в офшоры для уклонения от налогов. В работе Кар и Спанджерс (Kar and Spanjers, 2015) говорится, что страны региона в среднем теряют около 65 миллиардов долл. США в год в связи с внешнеторговыми операциями, совершаемыми при фальсификации данных в счетах. Если бы 10 процентов стоимости этих потоков поступали в бюджет в форме налогов, дополнительные бюджетные доходы составили бы 6,5 миллиарда долл. США. В случае восьми стран региона эта сумма дополнительных доходов бюджета составила бы не менее 1 процента ВВП (рисунок 20).*
- *Отмена тех положений, регулирующих рынки труда, соблюдение которых государственные органы не в состоянии надежно обеспечить, что нередко ведет к занятости в неформальном секторе.*

Усилия, направленные на сокращение масштабов неформальной занятости, следует сосредоточить на следующих мерах:

Определяющие факторы неравенства: Исключение на рынках труда и пробелы в системах социальной защиты

Фото: Freya Morales / ПРООН

Определяющие факторы
неравенства и исключения:
Гендерный аспект

Меры, направленные на решение проблем гендерных дисбалансов, должны стать центральной темой диалога по вопросам политики, ориентированной на инклюзивный рост и сокращение бедности и неравенства.

Вопросы экономического роста страны и гендерного равенства тесно взаимосвязаны. Тем не менее, в то время как усиление гендерного равенства способствует экономическому росту, экономический рост не обязательно ведет к гендерному равенству. В этой связи активные меры, направленные на решение проблем

гендерных дисбалансов, должны стать центральным элементом политики, ориентированной на инклюзивный рост. Это особенно важно, поскольку гендерное неравенство частично пересекается, а нередко и усиливает последствия иных форм неравенства по признакам возраста, этнической принадлежности, расы, инвалидности, рода деятельности и дохода.

За последние 25 лет все страны региона прошли через значительные политические, экономические и социальные изменения, многие из которых

были вызваны переходом от социалистического уклада экономики к рыночным принципам. Кроме того, вооруженные конфликты оставили долговременные социальные, политические и экономические последствия. Эти изменения повлияли на гендерный баланс в регионе (где от социалистического прошлого было унаследовано относительное равенство мужчин и женщин), в некоторых случаях ухудшив его. В этот период Турция также переживала радикальные политические и экономические изменения, которые обеспечили снижение зависимости страны от сельского хозяйства и усиление диверсификации ее экономики. Однако в Турции не наблюдалось относительное гендерное равенство, которым характеризовались другие страны региона в 1990 году. Несмотря на экономический рост и важные социальные изменения в Турции, значительное гендерное неравенство остается масштабным вызовом для страны.

Хотя регион в целом выгодно отличается от многих других частей развивающегося мира по многим показателям гендерного равенства, на сегодняшний день женщины сталкиваются со значительным неравенством по сравнению с мужчинами, особенно в отношении доходов и доступа к рынку труда. Уровни экономической активности женщин

по-прежнему ниже, чем в случае мужчин, причем в рассматриваемом регионе эта разница гораздо больше, чем в странах ОЭСР. Занятость женщин также, как правило, характеризуется более низким уровнем защищенности; кроме того, женщины недостаточно представлены и среди нанимателей, и среди наемных работников. В странах, характеризующихся высокими уровнями самозанятости, среди неоплачиваемых членов семьи, помогающих вести бизнес, больше женщин, чем мужчин. Во всех странах региона женщины по-прежнему зарабатывают существенно меньше, чем их коллеги мужского пола. Помимо вызовов в сфере труда, которые связаны с дискриминацией, разницей в оплате труда, существованием невидимых «стеклянных потолков» и «стеклянных стен», женщины региона также выполняют большую долю неоплачиваемой работы по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями в своих семьях и домашних хозяйствах, что создает «двойную нагрузку» на женщин и нередко ограничивает их возможности на рынке труда.

Женщины-предприниматели сталкиваются с более существенными препятствиями для доступа к финансовым, кредитным ресурсам и новым технологиям и, как правило, имеют менее развитую сеть коммерческих связей и контактов. В сельском хозяйстве женщины реже являются собственниками земли, чем мужчины. Им обычно принадлежат более мелкие участки земли, и занимаются они чаще натуральным сельскохозяйственным производством.

В большинстве стран региона отраслевая сегрегация в сфере занятости определена в законодательном порядке. Несмотря на внедрение многих международных правовых положений, эти нормы не всегда исполняются. Во многих странах отсутствуют правовые положения и меры политики, необходимые для того, чтобы запретить дискриминацию и защитить права женщин (Dokmanovich, 2008). Сохранение (или возрождение) гендерных предрассудков и традиционных подходов к гендерным ролям создает дополнительную угрозу для прав женщин в общественной и частной жизни.

Цели в области устойчивого развития признают гендерное равенство в качестве неотделимого элемента устойчивого развития и определяют по меньшей мере 24 четкие задачи и показатели,

Вставка 3. Труд, пол и Цели в области устойчивого развития

Практически все Цели в области устойчивого развития касаются определенных аспектов труда. В сфере труда женщины сталкиваются с широким распространением форм неравенства внутри их домашних хозяйств и за их пределами. В рассматриваемом регионе, как и в остальных регионах мира, повсеместно наблюдаются гендерные дисбалансы, включая различия в общем количестве рабочего времени для мужчин и женщин, в распределении обязанностей по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, в оплачиваемой работе и доходах, в представительстве мужчин и женщин в профессиях, в достигаемых ими уровнях ответственных и руководящих должностей и рисках, с которыми они сталкиваются. Женщины нередко находятся в социально ущемленном положении как работники в формальном и неформальном секторе, при случайной занятости и при выполнении неоплачиваемой работы в экономике ухода. Гендерные аспекты можно выявить во всех Целях в области устойчивого развития и задачах в части вопросов неоплачиваемого труда, равных возможностей, верховенства закона и условий труда.

Неоплачиваемый труд

Во всех странах Восточной Европы и Центральной Азии женщины работают больше, чем мужчины: имеющиеся данные показывают, что они выполняют практически в два с половиной раза больше неоплачиваемой работы по дому и уходу, чем мужчины.⁴ При сокращении времени, которое женщины тратят на неоплачиваемую работу по дому и уходу, можно облегчить их «двойную нагрузку» и содействовать их выходу на рынок труда. Нагрузка, которую несут женщины по выполнению работы по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, отчасти объясняет, почему среди мелких фермеров и производителей продовольствия больше женщин, чем мужчин.

Признавая социальную ценность неоплачиваемой работы по дому и уходу, задача ЦУР 5.4 поддерживает развитие инфраструктуры, государственных услуг и мер социальной защиты, нацеленных на поддержку неоплачиваемой работы по уходу. Другие задачи в рамках (например) ЦУР 2, 5, 6 и 7 также служат отправными точками для сокращения гендерного неравенства в сфере неоплачиваемой работы:

- 2.3: Удвоить продуктивность сельского хозяйства и доходы мелких производителей продовольствия.
- 5.4: Признать и ценить неоплачиваемый труд по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства.
- 6.1: Обеспечить всеобщий доступ к безопасной и недорогой питьевой воде.
- 7.1: Обеспечить всеобщий доступ к недорогому, надежному энергоснабжению за счет экологически чистых источников.

Равные возможности

Ряд задач в рамках Целей в области устойчивого развития решают структурные проблемы, лежащие в основе гендерного неравенства возможностей, особенно в части различий в образовании и равной оплаты за труд равной ценности.

- 4.2: Обеспечить для женщин и мужчин равный доступ к высшему образованию.
- 4.5: Ликвидировать гендерное неравенство в сфере образования.
- 8.5: Обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для женщин и мужчин и равную оплату за труд равной ценности.
- 10.3 Обеспечить равенство возможностей и уменьшить неравенство результатов (путем отмены дискриминационных законов, политики и практики и содействия принятию соответствующего законодательства, политики и мер в этом направлении).

⁴ Оценки ПРООН на основе имеющихся данных по результатам обследований использования времени.

- 10.2 Поддержать законодательным путем и поощрять активное участие всех людей в социальной, экономической и политической жизни независимо от их возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии и экономического или иного статуса.
- 10.4 Принять соответствующую политику, особенно бюджетно-налоговую политику и политику в вопросах заработной платы и социальной защиты, и постепенно добиваться обеспечения большего равенства.
- 16.7 Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества.
- 16.9: К 2030 году обеспечить наличие у всех людей законных удостоверений личности, включая свидетельства о рождении.
- 16.b Поощрять и проводить в жизнь недискриминационные законы и политику в интересах устойчивого развития.

Верховенство закона и нормативно-правовые системы

ЦУР 16 касается вопросов верховенства закона и доступа к правосудию, в то время как ЦУР 1 (которая призывает положить конец нищете во всех ее проявлениях повсеместно) нацелена на более четкую кодификацию экономических прав. Обе эти цели предполагают решение задач, включающих важные гендерные аспекты.

- 1.4 Обеспечить, чтобы все имели равные права на экономические ресурсы, а также доступ к базовым услугам, владению и распоряжению землей и другими формами собственности, наследуемому имуществу и т.д.
- 1.b Создать на национальном, региональном и международном уровнях надежные стратегические механизмы, в основе которых лежали бы стратегии развития, учитывающие интересы бедноты и гендерные аспекты, для содействия ускоренному инвестированию в мероприятия по ликвидации нищеты.
- 16.3 Содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию.

Условия труда

Ряд задач в рамках Целей в области устойчивого развития решают проблемы, связанные с условиями труда. Они особенно важны для женщин, которые непропорционально часто сталкиваются с рисками на рабочих местах в условиях работы на заводах и при выполнении неквалифицированного труда.

- 5.2: Ликвидировать сексуальную эксплуатацию женщин и девочек.
- 8.5: Обеспечить равную оплату за труд равной ценности.
- 8.7: Искоренить принудительный труд, покончить с современным рабством и торговлей людьми и обеспечить запрет и ликвидацию детского труда.
- 8.8: Защищать трудовые права и содействовать созданию безопасных условий труда (для трудящихся-мигрантов, женщин-мигрантов).
- 3.9 и 12.4: Сократить количество случаев смерти в результате воздействия опасных химических веществ и добиться экологически рационального использования отходов

Хотя надежную статистику неформальной занятости найти сложно, достижение Целей в области устойчивого развития в рамках задачи 5.2, например, позволило бы положить конец сексуальной эксплуатации около четырех миллионов женщин и девочек в мире.

связанные с гендерными аспектами. Более того, многие Цели в области устойчивого развития ориентированы на один или несколько аспектов труда, а взятые вместе, они могут ослабить негативные взаимосвязи между вопросами труда и человеческого развития.

Экономические аспекты гендерного неравенства в регионе начинаются с уровня экономической активности населения. Согласно данным Всемирного банка, представленным на рисунке 21, в случае проживающих в регионе женщины значительно ниже вероятность, в отличие от мужчин, что они работают (либо занимаются активными поисками работы). По данным, имеющимся за 2000-2014 годы, средний уровень экономической активности женщин в регионе составлял всего лишь 72 процента от уровня экономической активности мужчин. Ситуация в разных частях региона существенно различается: соотношения участия женщин на рынке труда к участию мужчин варьируются в диапазоне от более 0,8 в западных странах СНГ до менее 0,4 в Турции.⁵ В то время как в Центральной Азии и западных странах СНГ показатели участия женщин на рынке труда (в соотношении с показателями участия мужчин)

снизились вследствие финансового кризиса 2008-2009 годов, в странах Южного Кавказа, Западных Балкан и в Турции произошло их увеличение. Отчасти этому способствовал эффект «дополнительного работника-женщины» – стратегии по преодолению кризиса, в соответствии с которой члены домашних хозяйств женского пола выходят на рынок труда в случае потери работы другим членом домашнего хозяйства (Khitarishvili, 2013).

Аналогичные тенденции наблюдаются в случае уровней занятости с разбивкой по полу (рисунок 22): в 2000-2014 годы уровни занятости женщин в регионе в среднем были на 29 процентов ниже уровней занятости мужчин. В то время как показатели доли работающих женщин (по сравнению с долей работающих мужчин) в Центральной Азии и западных странах СНГ сократились вследствие финансового кризиса 2008-2009 годов, произошло их увеличение в странах Южного Кавказа, Западных Балкан (а также в Турции). Как и в случае экономической активности населения, уровни занятости женщин в Турции остаются намного ниже показателей по мужчинам, а также показателей по женщинам в остальной части региона.

⁵ Т.е. на каждые 100 мужчин, выходящих на рынок труда в Турции, приходится менее 40 экономически активных женщин. Отношение 1,0 означало бы, что коэффициенты экономической активности женщин и мужчин совпадают.

Рисунок 21. Отношение уровней экономической активности женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)

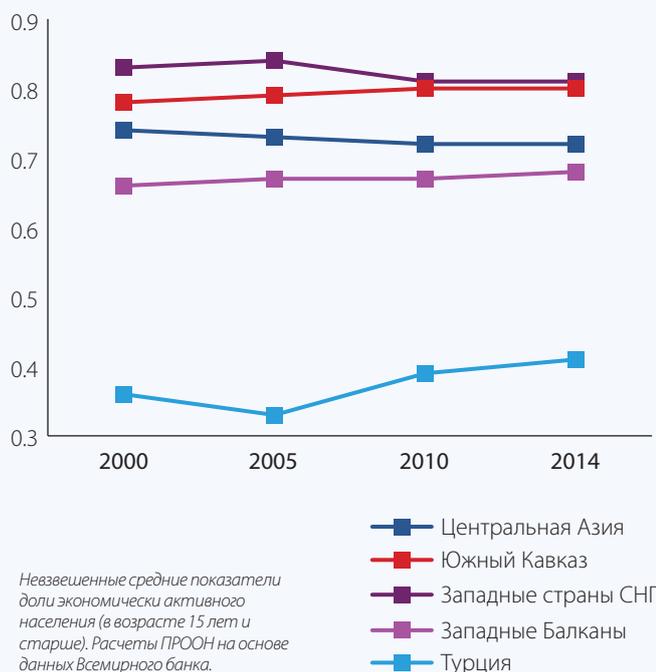
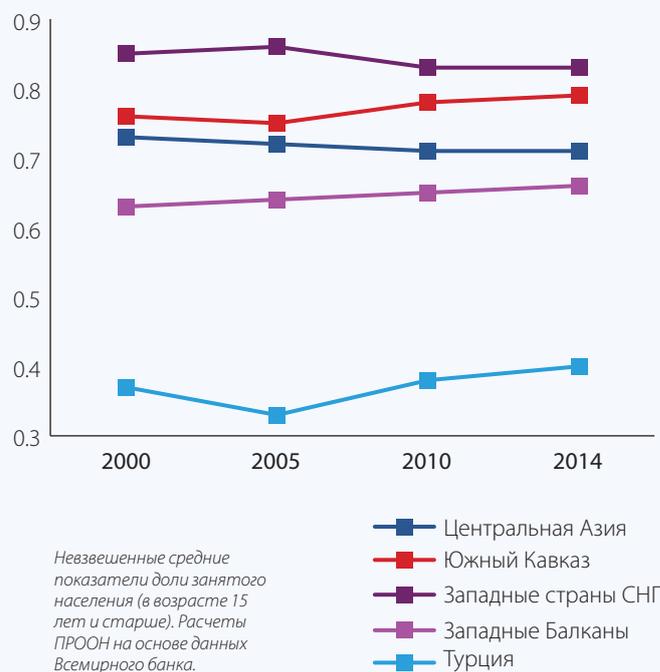
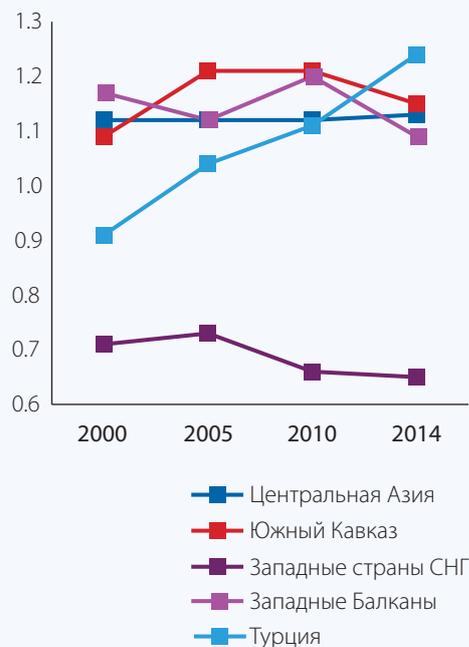

Рисунок 22. Отношение уровней занятости женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)

Определяющие факторы неравенства и исключения: Гендерный аспект

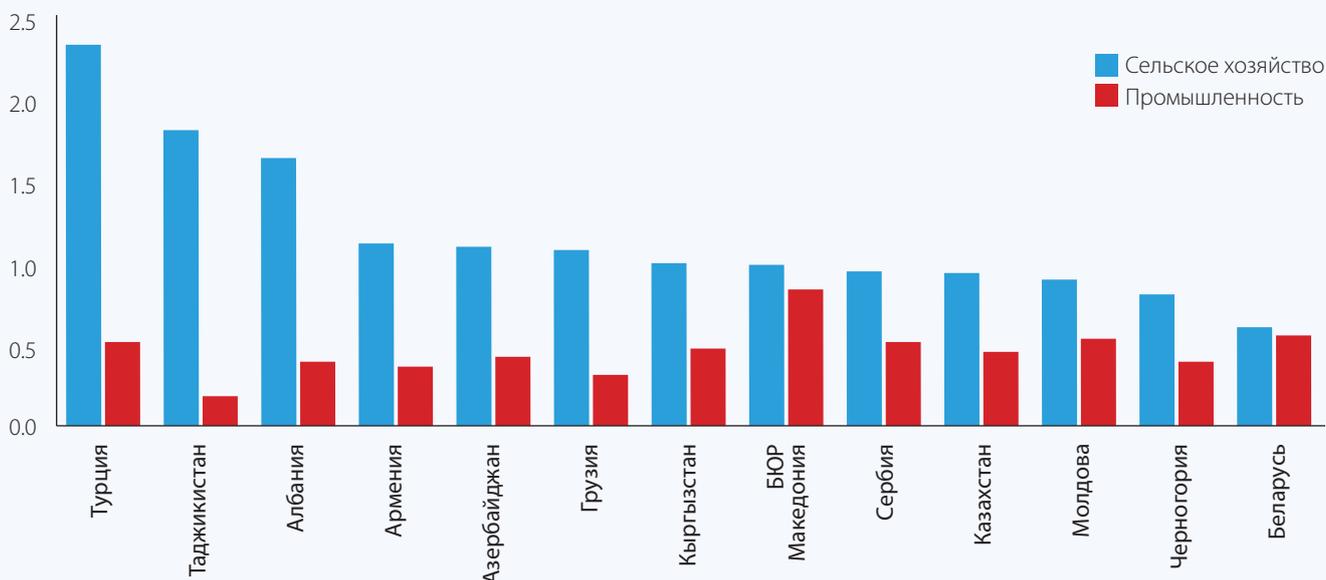
Рисунок 23. Отношение уровней безработицы среди женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)

Невзвешенные средние показатели доли населения (в возрасте 15 лет и старше), которое ищет и не может найти работу. Расчеты ПРООН на основе данных Всемирного банка.

В противоположность этому, данные по безработице в регионе с разбивкой по полу показывают совершенно иную картину (рисунок 23). В Центральной Азии показатель женской безработицы неизменно остается примерно на 12-13 процентов выше, чем показатель мужской безработицы. Однако за средними показателями по субрегионам стоят значительные различия между странами: уровень женской безработицы примерно на 50 процентов выше мужской в Казахстане, но в Таджикистане уровень женской безработицы на 15-20 процентов ниже мужской. В 2000-2014 годы в странах Южного Кавказа уровень женской безработицы превышал мужскую приблизительно на 10-20 процентов. Однако в то время как уровень женской безработицы был значительно выше мужской в Армении и Азербайджане, совершенно иная ситуация наблюдалась в Грузии. В регионе Западных Балкан все страны из числа бывших югославских республик сообщали о стабильно более высоком уровне женской безработицы в сравнении с мужской: уровень женской безработицы в Сербии обычно превышал мужскую на треть. С другой стороны, значительные колебания данных показателей в этот период заметны в Албании. Хотя большинство турецких женщин не относятся к экономически активному населению, те, кто все же участвуют на рынках труда, судя по всему,

Рисунок 24. Отношение работников женского пола к работникам мужского пола, по секторам (среднегодовые показатели, рассчитанные за последние годы, за которые есть данные)

Доля занятости женщин в секторах (в общей занятости женщин) по отношению к доле занятости мужчин в этих секторах (в общей занятости мужчин). Расчеты ПРООН на основе данных Всемирного банка.

Показатели безработицы среди женщин на Западных Балканах (на фото изображена предпринимательница из Косово) обычно гораздо выше, чем среди мужчин. Фото: Arben Llapashtica / ПРООН

сталкиваются с усиливающимися трудностями в поиске работы, причем как в целом, так и в сравнении с мужчинами. Во всех западных странах СНГ уровень женской безработицы, напротив, оставался на стабильно значительно более низком уровне в сравнении с мужской.

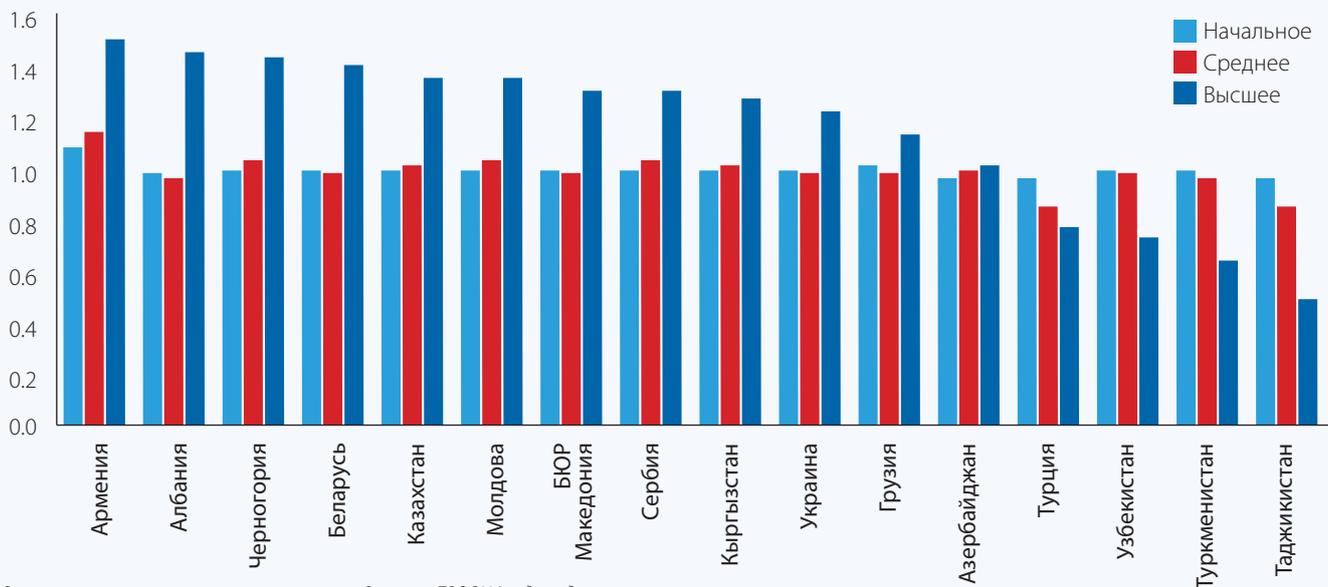
Неравенство на рынках труда также проявляется в промышленной и секторальной сегрегации по признаку пола. Как показано на рисунке 24, в отличие от мужчин, женщины в значительно меньшей степени заняты в промышленности (в которой производительность труда и доходы значительно выше средних показателей по стране). Только в Бывшей Югославской Республике Македония доля женщин, занятых в промышленности (от общего числа занятости женщин), которая составляет 28 процентов, достаточно близка к доле мужчин, занятых в этой отрасли (34 процента). В большинстве других государств этого региона соотношение показателей занятости женщин и мужчин в промышленности ниже 0,5 (т.е. доля женщин, занятых в промышленности, составляет менее половины доли мужчин, занятых в отрасли). В Турции, Южном Кавказе и в большинстве стран Центральной Азии, напротив, доля работников-женщин, занятых в сельском

хозяйстве, в подавляющем большинстве случаев значительно выше доли занятых в этой отрасли мужчин.

Несмотря на то, что такая модель сегрегации отражает многочисленные факторы, значительное влияние на ситуацию оказывают законодательные ограничения прав женщин на формальную занятость в ряде отраслей (в основном, отраслей промышленности). Согласно проведенному недавно исследованию Всемирного Банка, в 11-ти государствах Южного Кавказа, западных стран СНГ и Центральной Азии присутствуют «наиболее существенные в сравнении с другими странами мира ограничения на работу для женщин, которые закрывают для них доступ ко многим профессиям» (World Bank, 2016). В Казахстане закон не допускает женщин к 299 видам трудовой деятельности, в Беларуси – к 182. Подобные ограничения не только не справедливы по отношению к работникам-женщинам, но и ограничивают возможности этих стран в полной мере пользоваться преимуществами потенциала человеческого развития граждан своей страны женского пола.

В странах Южного Кавказа и Центральной Азии женщины зарабатывают до 50 процентов меньше, чем мужчины.

Рисунок 25. Коэффициенты охвата образованием с разбивкой по полу в регионе (за последний год, по которому имеются данные)

Отношение охвата женщин к охвату мужчин. Расчеты ПРООН (среднегодовые показатели, за последний год, по которому имеются данные) на основе базы гендерных данных Всемирного банка.

Во многих западных странах СНГ, странах Южного Кавказа и Центральной Азии среди собственников предприятий женщины составляют одну треть.

Рост частного сектора зачастую рассматривается как фактор, способствующий созданию рабочих мест в странах с переходной экономикой. Однако потенциал частного сектора с точки зрения улучшения занятости весьма неоднороден по региону, поскольку его доля в обеспечении занятости варьируется от 75 процентов в Армении, Азербайджане, Грузии и Кыргызской Республике до 46 процентов в Туркменистане. Вместе с тем, в занятости в частном секторе, как правило, широко представлена самозанятость и использование неоплачиваемого труда членов семьи, что относится к уязвимым формам занятости, которые в наибольшей степени распространены среди женщин.

Вместе с тем, женщины сыграли важную роль в развитии частного сектора региона. Во многих западных странах СНГ, странах Южного Кавказа и Центральной Азии среди собственников предприятий женщины составляют одну треть и более (от общего числа собственников предприятий) (там же). Несмотря на более низкий процент женщин на руководящих должностях, данный показатель увеличивается, что свидетельствует о большей вовлеченности

женщин в формальном секторе экономик этих стран.

Управляемые женщинами фирмы, как правило, нанимают больше сотрудников женского пола. Например, данные по Грузии за 2009 год свидетельствуют о том, что доля сотрудников полной занятости женского пола в компаниях, принадлежащих женщинам, составляла почти 60 процентов в сравнении с 31 процентами в других компаниях. Это означает, что компании, которыми владеют и руководят женщины, обладают более высоким потенциалом для роста женской занятости. Тем не менее, женское предпринимательство является, скорее, необходимостью, чем бизнес-возможностью. Управляемые женщинами фирмы, как правило, менее крупные, что обуславливает их относительно слабые экономические показатели. Это может объясняться ограниченным доступом женщин к кредитным ресурсам, более слабыми коммерческими связями и более высокой склонностью избегать рисков. Относительно высокие показатели самозанятости и предпринимательства среди женщин в большей части региона также отражают тот факт, что значительная доля трудовых ресурсов (включая и женщин, и мужчин) занята в сельском хозяйстве.

Гендерная специализация в сфере образования лежит в основе сегрегации на рынке труда. Во всех странах региона охват начальным образованием является всеобщим, а уровни охвата составляют практически 100 процентов для обоих полов. Вместе с тем, в Таджикистане и Турции уровни охвата женщин начинают снижаться и становятся ниже показателей по мужчинам, начиная со средней школы, причем такое падение ускоряется на уровне образования выше среднего (рисунок 25).

В Узбекистане и Туркменистане показатели охвата женщин образованием выше среднего также резко падают (в сравнении с данными по мужчинам). В большинстве других стран региона, напротив, охват женщин высшим образованием намного выше, чем среди мужчин. В частности, в странах Западных Балкан охват женщин образованием выше среднего почти в полтора раза выше, чем мужчин.

Эти данные по охвату не показывают важные различия в гендерной специализации по

Таблица 4. Оплачиваемое и неоплачиваемое рабочее время, по полу (часов в день)

Использование времени	Мужчины	Женщины	Соотношение женщин и мужчин
Оплачиваемая работа и учеба			
Армения (2004 год)	5.4	2.1	0.39
Армения (2008 год)	5.5	2.4	0.44
Азербайджан (2008 год)	4.7	1.7	0.36
Молдова (2011–2012 годы)	3.9	3.1	0.79
Кыргызская Респ. (2005 год)	6	4	0.67
Казахстан (2006 год)	5	3	0.60
28 стран ОЭСР	5.5	3.6	0.65
Неоплачиваемая работа			
Армения (2004 год)	1.1	5.8	5.27
Армения (2008 год)	1.1	5.2	4.95
Азербайджан (2008 год)	2.1	6.1	2.90
Молдова (2011–2012 годы)	3.0	4.6	1.52
Кыргызская Респ. (2005 год)	2	5	2.5
Казахстан (2006 год)	4	6	1.5
28 стран ОЭСР	2.3	4.6	2.00
Уход за детьми (основной вид деятельности)			
Армения (2004 год)	0.1	0.7	7.00
Армения (2008 год)	0.1	0.7	7.00
Молдова (2011–2012 годы)	0.3	0.7	2.3
Количество отработанных часов			
Армения (2004 год)	6.5	7.9	1.22
Армения (2008 год)	6.5	7.6	1.17
Азербайджан (2008 год)	6.8	7.8	1.15
Молдова (2011–2012 годы)	6.9	7.7	1.11
Кыргызская Респ. (2005 год)	8	9	1.13
Казахстан (2006 год)	9	9	1
28 стран ОЭСР	7.8	8.2	1.05

Источники: OECD (2011b); Meurs and Slavchevska (2014); публикации «Женщины и мужчины» по каждой из стран.

Уровень занятости женщин в Турции остается намного ниже уровня занятости мужчин. Фото: ПРООН

дисциплинам. В большинстве республик бывшего Советского Союза женщины составляли свыше двух третей выпускников ВУЗов по специальностям в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения. Доходы в этих отраслях, как правило, скромные; многие женщины, получившие подготовку в этих сферах, не имеют особого выбора альтернативного трудоустройства, кроме работы, для которой они имеют слишком высокую квалификацию, и которая недостаточно высоко оплачивается. С другой стороны, женщины недостаточно представлены в программах подготовки студентов ВУЗов в области машиностроения, обрабатывающей промышленности и строительства, которые дают более привлекательные перспективы. (В Азербайджане женщины составляют только 20 процентов студентов ВУЗов, готовящих специалистов в этих сферах). В этой связи для решения проблем гендерной сегрегации на рынке труда, возможно, потребуется более глубокое понимание факторов, которые способствуют гендерным дисбалансам в сфере высшего образования.

Гендерное неравенство с точки зрения участия на рынке труда и занятости также является следствием обязанностей по дому и уходу, которые преимущественно затрагивают

женщин. Будучи зачастую невидимым и непризнанным, неоплачиваемый труд по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями имеет громадную ценность для человеческого развития, учитывая его центральное положение для индивидуального и социального благополучия. Несмотря на то, что измерение величины и экономической стоимости неоплачиваемого труда представляет серьезную методологическую проблему, вполне очевидно, что сокращение объема работы по уходу и других видов неоплачиваемого труда способно улучшить возможности женщин в получении образования, занятости и заработка и, таким образом, стимулировать человеческое развитие.

Существуют значительные гендерные различия в соотношении неоплачиваемого рабочего времени, в особенности, в уходе за детьми. Исследования использования времени в развивающихся странах свидетельствуют о том, что на долю женщин приходится 75 процентов времени, которое тратится их домашними хозяйствами на неоплачиваемые виды работы (UNDP, 2015d). Наблюдаются также сильные различия в соотношении между неоплачиваемым рабочим временем в сельской местности и в городах. Согласно имеющимся данным по результатам обследований

использования времени, эти тенденции также характерны и для рассматриваемого региона (таблица 4). В соответствии с этими данными, в то время как в 2008 году в Армении в сравнении с мужчинами затраты времени женщин на неоплачиваемый труд были в пять раз больше, в Молдове это соотношение составляло лишь 1,5, что ниже, чем в среднем по странам ОЭСР. В Албании, затраты времени на обучение обоих полов были одинаковыми, хотя женщины затрачивали больше времени на неоплачиваемую работу в сравнении со средними показателями по ОЭСР (данные обследования Института статистики Албании за 2010-2011 годы). На фоне низких показателей уровня трудового участия женщин в Турции, как показали исследования, женщины страны тратили только два часа в день на оплачиваемую деятельность. Как утверждает Захариас и др. (Zacharias *et al.*, 2014), бедность с учетом нехватки времени среди женщин в Турции почти в два раза выше, чем среди мужчин (70 процентов против 37 процентов).

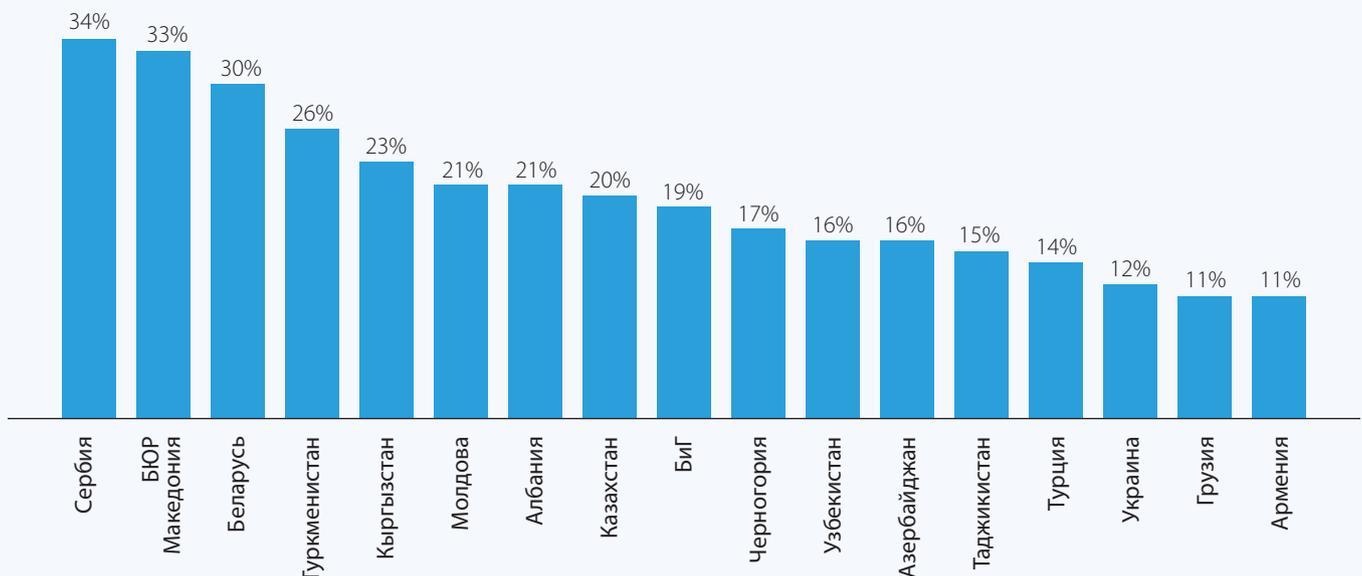
Данные по странам Кавказа, западным государствам СНГ и Центральной Азии также свидетельствуют о меньшем расхождении между мужчинами и женщинами в использовании времени в сельской местности в отличие от городских условий. Это не обязательно означает, что мужчины и женщины

в сельской местности в более равной степени разделяют заботы о домашнем хозяйстве; возможно, женщинам из числа сельских жителей приходится совмещать уход за детьми с иными видами деятельности, такими как обработка приусадебного участка. Вместе с тем, данные по Молдове свидетельствуют о том, что проживающие в сельской местности родители уделяют меньше внимания вопросам развития и образования детей, что усиливает потенциал региональных различий в показателях образования детей.

Данные, приведенные в таблице 4, подчеркивают важность ассигнований на пособия на детей и обеспечение государственным услугами по уходу за ребенком в целях улучшения, среди прочего, доступа женщин к рынку труда и повышения их доходов (Buvinić *et al.* 2013). Имеются также свидетельства того, что государственные программы дошкольного образования могут и непосредственно способствовать занятости, и стимулировать сопутствующий рост спроса на рабочие места в сфере ухода. Иллкараджан и др. (Ilkcaracan *et al.*, 2015), Антонопулос и Ким (Antonopoulos and Kim, 2011) установили, что расширение

В Центральной Азии показатель женской безработицы неизменно остается примерно на 12-13 процентов выше, чем показатель мужской безработицы.

Рисунок 26. Доля мест в национальных парламентах, занимаемых женщинами (2014 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Примечание: Среднемировое значение составляет 22 процента.

Вставка 4. Гендерное равенство и участие женщин в политической жизни в Кыргызской Республике

Когда в апреле 2010 года в Кыргызстане начались беспорядки и гражданский конфликт, политическая элита страны обратилась к Розе Отунбаевой, бывшему Министру иностранных дел и руководителю крупнейшей оппозиционной партии в Парламенте, с просьбой предотвратить катастрофу. В последующие месяцы по результатам свободных и честных выборов г-жа Отунбаева была избрана Президентом страны, возглавила общенациональную кампанию за конституционные реформы и привлекла помощь со стороны доноров в размере нескольких миллионов долларов. Г-жа Отунбаева ушла с поста по истечении срока своих полномочий, став первым (и пока что единственным) президентом страны в Центральной Азии, добровольно оставившим свой пост. С тех пор она занимается общественной работой и участвует в деятельности гражданского общества, в том числе отстаивая гендерное равенство в Кыргызской Республике и в регионе.

Пример г-жи Отунбаевой – это живое напоминание о том, что в политике, как и в любой другой сфере женщина нередко может справиться с работой лучше всего. Однако несмотря на политическую активность г-жи Отунбаевой и ее присутствие в качестве ролевой модели, а также несмотря на принятие обширного законодательства по вопросам гендерного равенства в Кыргызской Республике, в стране сохраняется проблема гендерного неравенства. В течение первых 15 лет независимости страны число женщин-парламентариев сократилось с нескольких человек до нуля (см. ниже). Благодаря введению в 2005 году гендерных квот на представительство в Парламенте представительство женщин среди членов Парламента частично восстановилось. Однако на настоящий момент женщины составляют только пятую часть депутатов Национального парламента Кыргызской Республики, а на местном уровне их представительство в законодательных органах еще ниже.

Национальный парламент Кыргызской Республики		Представительные органы власти на местах	
Год выборов	Доля женщин-депутатов	Год выборов	Доля женщин-депутатов
1995	5%		
2000	7%	1998	14%
2005	0%	2004	16%
2007*	26%	2008	14%
2010*	22%	2012	13%
2015*	20%		

* Действует механизм гендерных квот.

Аналогичная картина наблюдается и в исполнительной ветви власти Кыргызской Республики. Доля женщин в органах государственного управления Кыргызстана выросла с одной трети до почти половины в период 1995-2000 годов, но с тех пор она упала до около 40 процентов. На сегодняшний день на долю мужчин приходится почти три четверти назначений на высшие политические должности в стране и 90 процентов должностей в местных органах управления.

Эти результаты объясняются рядом факторов (включая и традиционные взгляды на роль женщин в политике). Однако исследования, проведенные ПРООН, женскими и другими организациями в Кыргызской Республике, указывают на то, что ограниченный доступ к средствам для финансирования кампаний также сужает и перспективы женщин в политической сфере. Следовательно, сокращение обусловленных гендерными факторами препятствий для доступа к финансовым средствам может улучшить позиции женщин в сфере политики, а также в бизнесе и экономике.

сферы социального ухода также может ускорять создание достойных рабочих мест и бороться с бедностью. Предоставление услуг по уходу за детьми может способствовать развитию не только оплачиваемой занятости женщин, но и женского предпринимательства, так как это дает возможность женщинам расширять свою коммерческую деятельность и, тем самым, решать проблему ограничений, связанных с малыми размерами бизнеса.

Миграция. В некоторых странах региона, по меньшей мере, 20 процентов населения мигрировало за рубеж. Миграция имеет широкий диапазон различных гендерных эффектов: от влияния на статус занятости других членов домашних хозяйств до смены гендерных ролей и стереотипов и увеличения риска торговли людьми и эксплуатации до влияния на показатели образования и развития детей в рамках домашних хозяйств.

Гендерные показатели миграции сильно отличаются как в межстрановом сравнении, так и в рамках одной страны. Как правило, большинство трудовых мигрантов Центральной Азии составляют мужчины. Что касается других стран, то в них усилилась женская миграция, причем гендерные характеристики миграции сильно различаются по странам назначения и происхождения. Например, несмотря на преобладание женщин среди мигрантов из Молдовы, молдавские мигранты, следующие в Италию, представлены преимущественно мужчинами. В то же время среди украинских мигрантов в Италии подавляющее большинство составляют женщины. В Грузии, хотя вероятность миграции выше среди мужчин, чем среди женщин, в ряде регионов страны преобладает женская миграция. Более того, доля женщин-мигрантов, судя по всему, выросла после финансового кризиса 2008-2009 годов (Danzer and Dietz, 2014). Мужчины обычно мигрируют в поисках работы в традиционно

мужских сферах деятельности, таких как строительство, а их приход на рынок труда зачастую воспринимается местным населением как конкуренция, приводящая к снижению заработной платы и ухудшению условий труда. Женщины, с другой стороны, мигрируют в целях получения работы по дому и уходу в странах с недостаточно развитыми рыночными и государственными услугами.

Последствия миграции для семей в стране происхождения носят противоречивый характер. С одной стороны, денежные переводы мигрантов могут повысить благосостояние семей в плане улучшения их рациона питания, покрытия их расходов на потребление и помощи при ведении бизнеса. В то же время миграция может вызывать серьезные нарушения в социальных взаимосвязях и системах обеспечения ухода в связи с тем, что переезд одного члена семьи вызывает изменения в разделении обязанностей в рамках домашнего хозяйства и ухода за детьми. Члены таких семей женского пола обычно принимают на себя более значительную часть дополнительных обязанностей по дому и уходу.

Как показывают данные по Армении, хотя после миграции мужчин на жен ложатся дополнительные обязанности, динамика властных отношений внутри домашних хозяйств меняется незначительно, а в ряде случаев гендерное неравенство усиливается. В сельских районах Таджикистана большинство домашних хозяйств с одним членом семьи – мигрантом состоят из женщин и детей. Почти половина этих женщин утратили контакт со своими мужьями или не получали денежных переводов от них на протяжении более пяти лет (International Organization for Migration, 2009). Уязвимость этих домашних хозяйств, управляемых одинокими женщинами, может дополнительно усиливаться отсутствием доступа к земельным и экономическим ресурсам. Наряду с этим,

Судя по всему, большинство трудовых мигрантов Центральной Азии составляют мужчины. Однако, что касается других стран, то в них усилилась женская миграция.

мужская миграция меняет социальную динамику. Например, в Таджикистане высокие гендерные дисбалансы, вызванные гражданской войной 1990-х годов и мужской миграцией, привели к снижению среднего возраста женщин, вступающих в брак, в результате чего многие девочки школьного возраста выходят замуж до окончания средней школы.

Эффективность мер миграционной политики снижается как в стране происхождения, так и в стране назначения, если они не учитывают гендерные аспекты миграции, в особенности, в части различий в участии мужчин и женщин в рыночной и нерыночной коммерческой деятельности, изменений в соотношениях рыночного и домашнего труда, а также специфических нужд женщин-мигрантов. К счастью, растет признание трудовых мигрантов-женщин в качестве критически важного ресурса для стран своего происхождения; присылаемые ими денежные переводы являются жизненно необходимыми для их детей, семей и местных общин. Вместе с тем, в то время как женщины-мигранты обеспечивают благодаря своей работе финансовую безопасность, для страны происхождения их миграция может создавать проблему недостатка лиц, способных осуществлять уход, которую следует надлежащим образом решать местным институтам.

Участие в политической жизни и расширение прав и возможностей.

Несмотря на меры политики, направленные на искоренение в регионе гендерной дискриминации, женщины недостаточно широко представлены как в политической сфере, так и в органах управления. Как показано на рисунке 26, в большинстве стран региона (по состоянию на 2014 год) доля женщин среди членов парламента была ниже среднемирового показателя (22 процента). Выявление и устранение препятствий, стоящих на пути женщин к более активному участию в общественной жизни и принятии решений, может сыграть важную роль в определении более эффективной политики.

Определение факторов, не позволяющих женщинам занимать ответственные и высокие

посты или участвовать в процессе принятия решений, является ключевым моментом в расширении их участия в процессе определения политики (см. вставку 4). Неравное разделение домашнего труда может создавать у женщин недостаток времени, необходимого для участия в деятельности гражданского общества. Женщины зачастую располагают малой частью необходимого для политической карьеры социального капитала. Определенную роль в этом могут играть также отсутствие уверенности, культурные ожидания, нехватка соответствующих ролевых моделей и социальное давление, понуждающее к следованию традиционным гендерным ролям.

Рекомендуемые меры политики и программы.

Некоторые страны региона добились успеха в совершенствовании нормативно-правовой базы для обеспечения улучшения экономического положения женщин. Беларусь и Грузия реализовали шаги, направленные на укрепление системы льгот для родителей; в Таджикистане проведены реформы в сфере ухода за детьми. Такие усилия в идеале должны стать частью всеобъемлющей и основанной на достоверной информации стратегии усиления гендерного равенства и развития, которая предусматривает расширение выбора и развитие возможностей за счет приведения мер в части предложения в соответствие с мерами в части спроса в целях создания равных возможностей для приносящей доход занятости. Такие стратегии должны включать следующие элементы:

- *Ликвидация правовых и нормативных барьеров для расширения экономических прав и возможностей женщин.* Несмотря на успехи, достигнутые в этой сфере, серьезные профессиональные ограничения по-прежнему сдерживают возможности женщин в сфере занятости и предпринимательства. Рекомендуется реализовывать активные меры политики, направленные на создание возможностей для повышения квалификации, профессиональной подготовки и доступа к финансовым ресурсам (включая лучшую защиту собственности женщин и прав наследования), а также на защиту работников от эксплуатации (ЦУР 8, 10).
- *Реализация мер политики, направленных на решение проблем, связанных с обязанностями женщин по дому и уходу,*

чтобы обеспечить возможности для достойной занятости, повысить их производительность труда и доходы.

Расширение доступа к приемлемым по цене и надежным услугам по уходу за детьми, пособиям на детей и государственным услугам по уходу за детьми, а также политика предоставления равных прав мужчинам и женщинам на получение родительского отпуска по уходу за ребенком критически важны с точки зрения сокращения «двойной нагрузки» на женщин в рамках домашних хозяйств, улучшения результатов женщин на рынке труда и повышения их доходов (ЦУР 1, 5, 8).

- ▶ *Развитие потенциала стран в части сбора и использования данных с разбивкой по полу и возрасту для целей гендерного анализа* для разработки макроэкономической и социальной политики и программ с учетом гендерных аспектов. Меры, предпринимаемые национальными статистическими службами, чтобы усовершенствовать сбор данных и обеспечить полноценный учет гендерных аспектов в макроэкономической политике, следует обеспечить надежной поддержкой со стороны государства и доноров (ЦУР 5, 17).
- ▶ *Инвестиции в повышение производительности и совершенствование условий труда в сельском хозяйстве и сельских регионах.* Значительная часть трудовых ресурсов региона занята в сельском хозяйстве при чрезмерной продолжительности и непредсказуемости рабочего времени и, как правило, низкой заработной плате и производительности. В сельских регионах выше вероятность занятости женщин в качестве (неоплачиваемых) членов семьи, помогающих вести хозяйство. В этой связи повышение производительности труда в сельском хозяйстве может обеспечить рост доходов женщин в сельских регионах, а также улучшение их условий труда, что крайне важно с точки зрения сокращения гендерных дисбалансов в сельских регионах (ЦУР 2).
- ▶ *Инвестиции в расширение возможностей и развитие умений женщин для занятия предпринимательством.* Активные усилия, направленные на расширение доступа

женщин к механизмам налаживания коммерческих связей и контактов, кредитным ресурсам, рыночной информации, системам подготовки в области новых и цифровых технологий, а также другие меры по расширению возможностей женщин начать собственный бизнес и развивать его принесут пользу всем странам региона (ЦУР 1, 8).

- ▶ *Содействие росту числа женщин, избираемых и назначаемых на руководящие должности в органах государственного управления (и на предприятиях).* Для решения проблем гендерного неравенства необходимо содействовать пропорциональному представительству женщин в органах государственного и корпоративного управления. Кроме того, следует предпринимать усилия, направленные на поощрение участия женщин на избираемых и (или) назначаемых должностях с учетом демографического состава их электората (ЦУР 5, 16).
- ▶ *Борьба с гендерными стереотипами.* Культурные кампании по борьбе с сексистскими стереотипами в отношении женщин (и мужчин) могут способствовать развитию моделей поведения, которые не ограничиваются рамками традиционных гендерных ролей и обеспечивают более справедливое распределение обязанностей и лидирующих ролей в сфере труда, дома и в обществе. Продвижение женщин на заметные руководящие и ответственные должности в общественной и частной жизни, а также поощрение занятия мужчинами теми видами профессиональной деятельности, которые традиционно считаются женскими, крайне важно для изменения социальных норм и ликвидации гендерных предрассудков в социально-экономической и политической сфере (ЦУР 5, 10).

Фото: Milos Vujovic / ПРООН

Неравенство и здоровье

Степень подверженности рискам для здоровья зависит от сочетания таких факторов, как пол, этническая принадлежность, возраст, инвалидность.

Неравенство по показателям здоровья представляет собой систематически

проявляющиеся предотвратимые и несправедливые различия между группами населения по показателям здоровья, которые стали центральной проблемой в области неравенства на мировом и национальном уровне. Судя по международному опыту, в большинстве случаев неравенство по показателям здоровья можно предотвратить за счет мер, которые касаются социальных, экономических и экологических детерминант здоровья (World Health Organization, 2013).

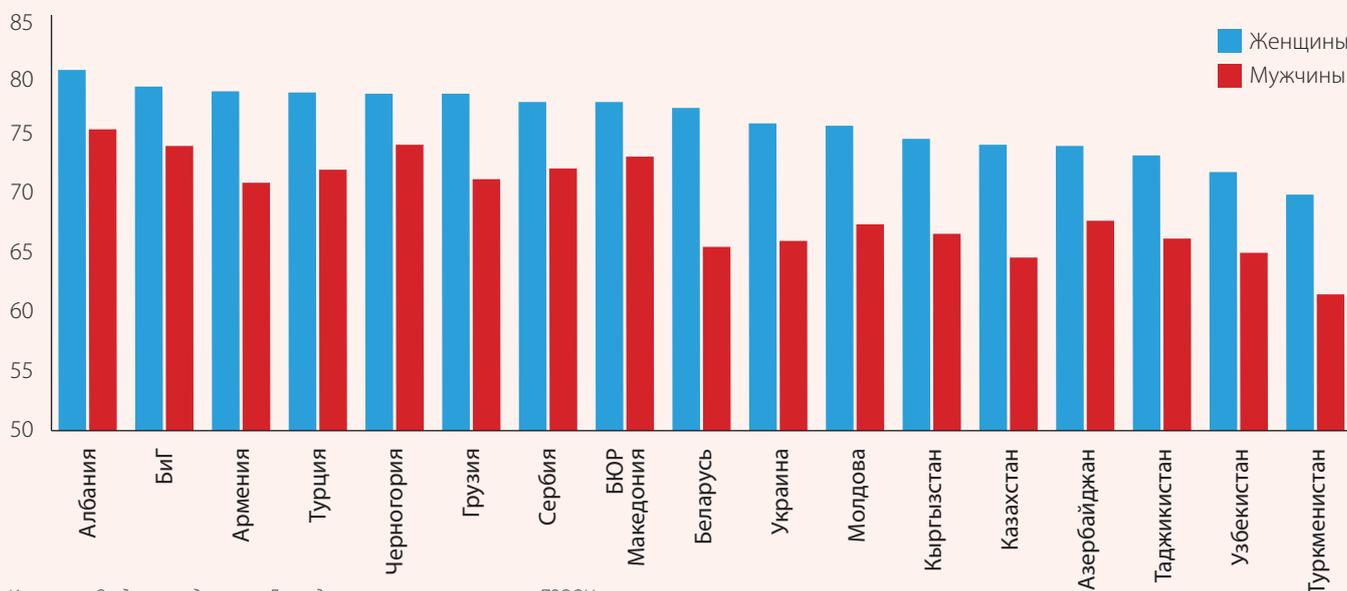
Однако обобщенные статистические данные и показатели здоровья могут скрывать неравенство по показателям здоровья и определяющие его факторы. Они могут быть не в состоянии отразить различия в уровне подверженности риску и уязвимости к определенным нарушениям здоровья, доступе к услугам здравоохранения и, наконец, в результатах по показателям здоровья. Хотя страны региона традиционно представляют данные о здоровье с разбивкой по полу, данные с разбивкой по другим аспектам неравенства

найти сложнее. Для реализации принципа «не оставить никого в стороне» требуются гораздо более дезагрегированные, а также более качественные и своевременные данные (ECOSOC, 2016). Для понимания неравенства также необходимо анализировать результаты по показателям здоровья в разбивке по аспектам пола, возраста, уровня образования, местоположения, социально-экономического положения, этнической принадлежности, сексуальной ориентации и другим критериям уязвимости.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года нацелена на обеспечение здорового образа жизни, содействие благополучию для всех и сокращение неравенства. ЦУР 3 призывает:

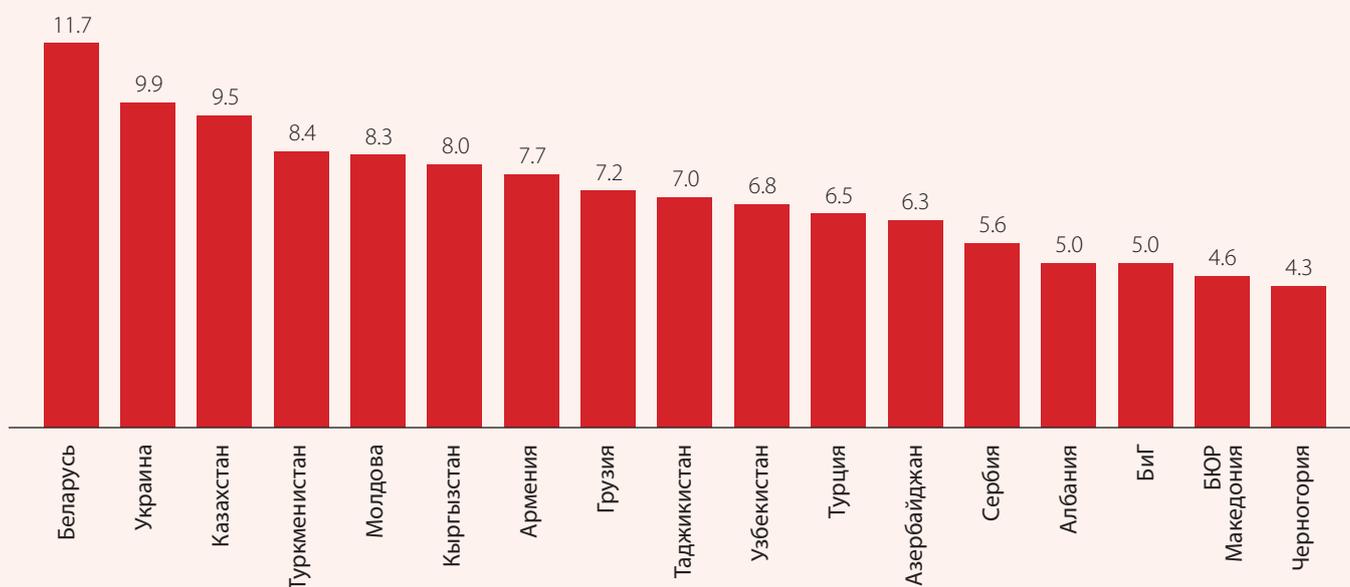
- положить конец эпидемиям СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, которым не уделяется должного внимания, и обеспечить борьбу с гепатитом, заболеваниями, передаваемыми через воду, и другими инфекционными заболеваниями;
- уменьшить преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний;
- поддерживать психическое здоровье и благополучие;

Рисунок 27. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах) для женщин и мужчин в регионе (2014 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Примечание: Среднемировой показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении составляет 73,7 года для женщин и 69,5 года для мужчин.

Рисунок 28. Разница (в годах) между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин в регионе (2014 год)

Расчеты ПРООН на основе данных, предоставленных отделом по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН. Примечание: Среднемировой показатель разницы между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении для женщин и мужчин в 2014 году составил 4,2 года.

- сократить количество случаев смерти и заболевания в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха, воды и почв; и
- обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам, лекарственным средствам и вакцинам для всех.

Эти задачи также нашли отражение в документе «Здоровье-2020: основы европейской политики в поддержку действий всего государства и общества в интересах здоровья и благополучия»

Здоровье и смертность. В ряде бывших социалистических стран региона результаты по показателям здоровья ухудшились в переходный период, в особенности среди мужчин. После распада Советского Союза и Югославии, а также в результате сопровождавших эти события военных конфликтов во всех странах Кавказа, западных странах СНГ и Центральной Азии (за исключением Азербайджана и Грузии) результаты по показателям здоровья среди мужчин, в особенности показатели ожидаемой

продолжительности жизни, ухудшились в большей степени, чем среди женщин. В Беларуси ожидаемая продолжительность жизни среди мужчин только недавно вернулась к допереходному уровню, в то время как в Украине этот результат еще не достигнут. Как следствие, ожидаемая продолжительность жизни среди мужчин при рождении во всех странах СНГ, за исключением Армении, в 2014 году была ниже среднемирового показателя, составлявшего 69,5 лет (рисунок 27). Ожидаемая продолжительность жизни среди женщин при рождении во всех странах СНГ, за исключением Туркменистана и Узбекистана, в 2014 году, напротив, соответствовала или была выше среднемирового уровня, составлявшего 73,7 лет. Таким образом, «основанная на гендерной принадлежности разница в ожидаемой продолжительности жизни» между мужчинами и женщинами, проживающими в регионе, (рисунок 28) значительно превышает среднемировой уровень (4,2 года), особенно в странах СНГ и в Грузии.

Такому ухудшению результатов по показателям здоровья среди мужчин способствовал рост потребления алкоголя, что также может быть причиной более высокого уровня самоубийств. (В Беларуси случаи самоубийства среди мужчин встречаются в пять раз чаще,

При посещении отдаленных районов Черногории, женщине оказывают медицинскую помощь. Место проживания остается определяющим фактором неравного доступа к медицинскому обслуживанию. Фото: Milos Vujovic / ПРООН

чем среди женщин). Мужчины в меньшей степени склонны обращаться за медицинской помощью и проходить профилактическое лечение; например, по данным исследований, проведенных в Казахстане и Узбекистане, мужчины составили только 18 процентов пациентов, обратившихся за первичной медико-санитарной помощью. Хотя общие результаты по показателям здоровья среди женщин, как правило, лучше, уровни материнской смертности также возросли в 1990-е годы. К счастью, с тех пор они снизились и в настоящее время сопоставимы в лучшую сторону со среднемировыми показателями. Несмотря на некоторую стабилизацию ситуации в течение последних десяти лет, уровни рождаемости в большинстве стран региона остаются на уровне или ниже уровня восстановления, что подчеркивает важность проблем в области развития, связанных со старением населения.

Неинфекционные заболевания, такие как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, рак, хронические респираторные заболевания и умственные расстройства, являются главной причиной заболеваемости и смертности в мире. По некоторым оценкам, 86 процентов случаев смерти и 77 процентов случаев заболеваний в регионе связано с неинфекционными заболеваниями, в силу чего регион относится

к наиболее пострадавшим от неинфекционных заболеваний (рисунок 29). В большей части региона более половины случаев смерти от неинфекционных заболеваний среди мужчин относятся к числу случаев преждевременной смерти, что в значительной степени определяет низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни. Вероятность смерти в возрасте от 30 до 70 лет от любого из четырех основных неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые заболевания, рак, диабет и хронические респираторные заболевания) особенно высока в регионе. В странах ЕС средняя вероятность преждевременной смерти от неинфекционных заболеваний составляет 15 процентов, в то время как в рассматриваемом регионе – 25 процентов (World Health Organization, 2014c).

Неравенство по параметрам социальных, экономических и экологических детерминант здоровья (включая доступ к услугам здравоохранения) и рисков для здоровья играет большую роль в определении таких результатов. Предпринимаемые странами меры, связанные с благосостоянием, доходом домашних хозяйств, образованием и профессиональным статусом, могут увязываться с социально-экономическим неравенством по показателям здоровья. Например,

распространенность табакокурения, как правило, снижается по мере повышения уровня образования, профессионального статуса и благосостояния домашних хозяйств (Schaap *et al.*, 2007).

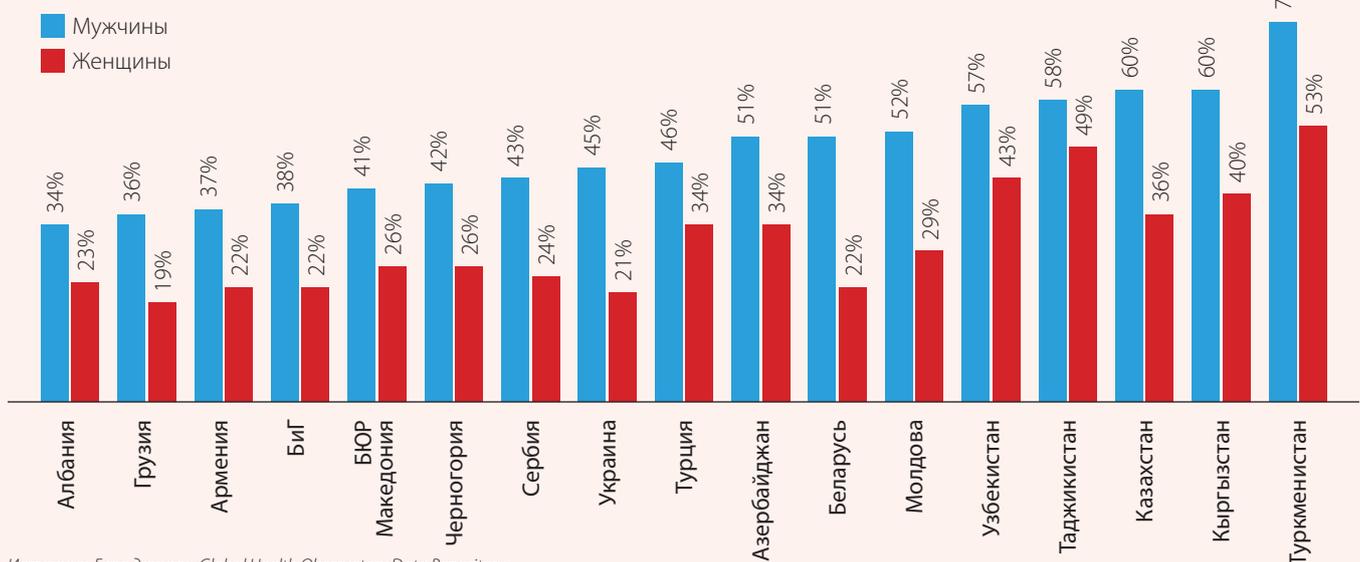
Неравенство доступа к качественным услугам здравоохранения наблюдается в значительной части региона в связи с неформальностью платежей, пробелами в обязательном по закону охвате и критериях, дающих право на получение этих услуг, и недостатками в географическом охвате (International Labour Organization, 2011). Помимо места жительства и этнической принадлежности, весомым прогностическим фактором доступа к системе здравоохранения по-прежнему является благосостояние (Suhrcke *et al.*, 2007; Chan and Mandeville, 2016).

Неравенство и ВИЧ / СПИД. Во многих странах государственные расходы на профилактику и лечение ВИЧ / СПИДа оказались недостаточны для удовлетворения потребностей маргинализированных групп населения, которые подвергаются самому большому риску (рисунок 30). К сожалению, внешнее финансирование мер профилактики и лечения ВИЧ / СПИДа (идущее преимущественно через Глобальный фонд) поэтапно сокращается во многих странах со средним уровнем дохода,

включая большинство стран рассматриваемого региона (Katz *et al.*, 2014). В этой связи критически важно выработать переходные стратегии и планы действий для интеграции мер борьбы с ВИЧ в процессы планирования бюджетов и определения политики на национальном уровне (Đurić, *et al.*, 2014, 2015). В странах Восточной Европы, Турции и странах Центральной Азии ВИЧ заражаются преимущественно такие группы повышенного риска, которые сами по себе нередко являются жертвами социального исключения, включая мужчин, практикующих секс с мужчинами, потребителей инъекционных наркотиков, работников секс-индустрии и заключенных (рисунок 31). Возможно, что под влиянием их статуса привычных жертв социального исключения, охват лечением ВИЧ в регионе остается низким в сравнении с оценками охвата лечением в мире (рисунки 32, 33).

Пробелы в охвате лечением (а также мерами профилактики) вполне могут расширяться в ближайшем будущем, учитывая ожидаемое сокращение финансирования со стороны доноров. В результате этого финансирование мер борьбы с ВИЧ / СПИДом на национальном уровне все больше будет зависеть от национальных систем здравоохранения, а высокие ставки налогов на эти цели уже стали

Рисунок 29. Преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний в процентах от общей смертности от неинфекционных заболеваний (2012 год)

Источник: База данных «Global Health Observatory Data Repository».

Примечание: К преждевременной смерти от неинфекционных заболеваний относятся случаи смерти людей в возрасте моложе 70 лет от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета или хронических респираторных заболеваний.

Неравенство и здоровье

главной причиной развития неформальной занятости, которая ставит под угрозу социальное вовлечение и финансовую устойчивость систем государственного здравоохранения во всех странах региона. При реализации своих программ по борьбе с этой эпидемией страны могут все чаще сталкиваться со сложной задачей делать больше меньшими средствами.

Перспективы достижения положительных результатов в этой сфере в высокой степени зависят от развития взаимоусиливающихся аспектов программ и стратегий в области здравоохранения и в других областях (Schwartlaender *et al.*, 2011). Относительно низкий уровень охвата антиретровирусной терапией и неудовлетворительное соблюдение рекомендаций врачей в регионе определяются такими социальными, экономическими и экологическими детерминантами, как степень прозрачности и подотчетности в управлении, риск стать жертвой насилия и действенность мер обеспечения соблюдения норм законодательства, отсутствие защиты прав человека, дискриминация и стигматизация. Все эти факторы ведут к высокому и постоянно растущему уровню частоты заболевания ВИЧ среди основных групп риска.

Репрессивный характер законодательных систем, который наблюдается во многих странах региона, очень часто становится препятствием для действенного обеспечения потребителей инъекционных наркотиков важными услугами (UNODC, 2010), может усиливать риск насилия и заражения ВИЧ и другими заболеваниями, передающимися половым путем, и препятствовать доступу к терапии. Отсутствие заинтересованности государства в программах обмена шприцев и игл и опиоидной заместительной терапии, которые могут быть очень действенными в борьбе с распространением ВИЧ среди потребителей инъекционных наркотиков, ведет к дальнейшему усилению рисков заражения ВИЧ (Bobrova *et al.*, 2007; Boltaev *et al.*, 2013; Booth *et al.*, 2013; Terlikbayeva *et al.*, 2013). Криминализация работы в секс-индустрии во всех странах региона также усиливает риск заражения ВИЧ среди работниц коммерческого секса. В некоторых странах сохраняется криминализация секса по обоюдному согласию между однополыми взрослыми партнерами, а уровень стигматизации и дискриминации по-прежнему высок во всем регионе. Существование таких законодательных систем (и связанных с этим культурных установок), как правило, ведет к развитию тайных сетей

Рисунок 30. Доля внешнего и внутреннего финансирования мер борьбы с ВИЧ на национальном уровне (2012-2014 годы)

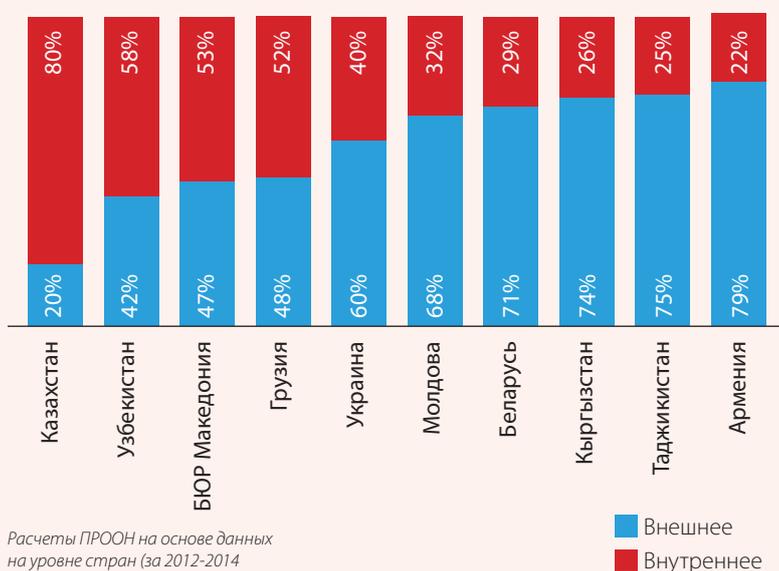
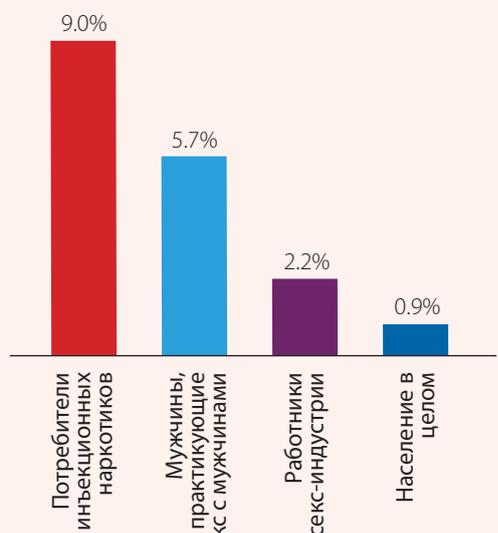

Рисунок 31. Региональные показатели частоты заболевания ВИЧ (2014 год)

Источник: ЮНЭЙДС (UNAIDS, 2014).

случайных сексуальных партнеров, что может далее усилить риск заражения ВИЧ.

В этой связи для решения проблем социального исключения, которая является определяющим фактором эпидемии СПИДа в регионе, необходимо повышать степень прозрачности и подотчетности в управлении, законодательстве и правоприменительной практике. Также необходимо углублять взаимоувязывающиеся аспекты программ и стратегий в области развития в интересах повышения действенности инвестиций в рамках борьбы с ВИЧ (Đurić *et al.*, 2014; 2015). Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек, а также ликвидация гендерного насилия (ЦУР 5), расширение доступа к образованию (ЦУР 4) и сокращение нищеты (ЦУР 1) также могут способствовать усилению мер борьбы с ВИЧ и решению проблем связанного со здоровьем неравенства в регионе.

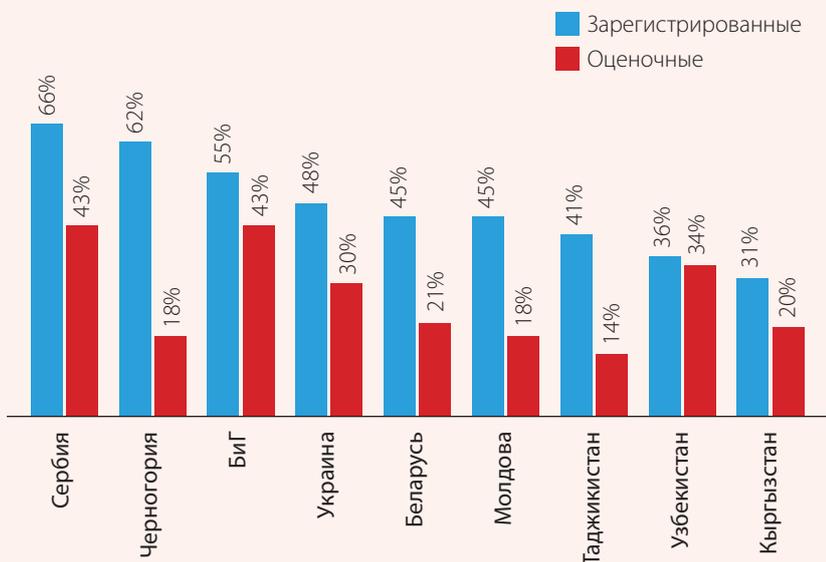
Гендерные различия и связанное со здоровьем неравенство. Гендерные различия в результатах по показателям здоровья в регионе проявляются особенно ярко, если брать разницу в показателях ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин и женщин, а также показатели

преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний среди мужчин, что рассматривалось выше. Однако несмотря на то, что преждевременная заболеваемость и смертность от неинфекционных заболеваний могут быть непропорционально высоки среди мужчин, показатели здоровья женщин не обязательно лучше. В отличие от мужчин, больше женщин страдают от длительной инвалидности: в среднем период их плохого состояния здоровья или ограничения физической активности составляет 10 лет. Девочки и женщины с большой долей вероятности сталкиваются с множественными проблемами со здоровьем в регионе, причем на ранних этапах жизни преобладают нарушения физического здоровья, среди молодых взрослых женщин это депрессивные и тревожные расстройства, а в более пожилом возрасте женщины преимущественно страдают от люмбаго, ишемической болезни сердца и рака (World Health Organization, 2015b). Такие гендерные различия по показателям здоровья могут усиливать влияние других аспектов неравенства с учетом жизненного этапа,

Государственные расходы на меры профилактики и лечения ВИЧ / СПИДа во многих странах недостаточны, чтобы удовлетворить потребности маргинализированных групп.

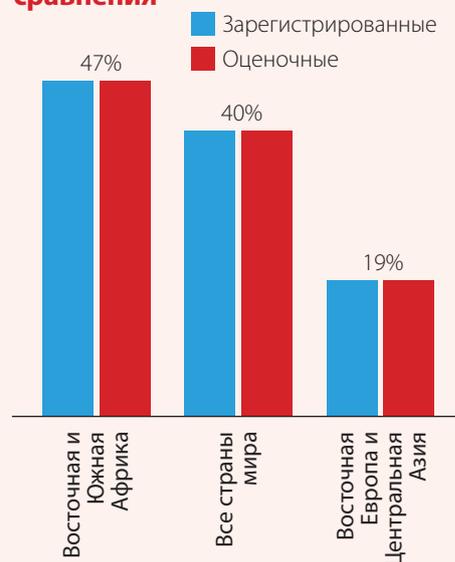
Зарегистрированные и оценочные показатели охвата антиретровирусной терапией в регионе (2014 год)

Рисунок 32. Внутри региона

Источник: ЮНЭЙДС (UNAIDS, 2014).

Рисунок 33. Межрегиональные сравнения

Неравенство и здоровье

уровня образования и статуса занятости, что описывалось выше.

Этнические меньшинства и различия в результатах по показателям здоровья:

Цыгане. Во всех странах региона цыгане сталкиваются с различиями в части социальных, экономических и экологических детерминант здоровья, доступа к здравоохранению и, в конечном итоге, результатов по показателям здоровья. Например, выяснилось, что в целом доля цыганских детей с отставаниями в росте превышает 17 процентов, в то время как доля македонских, черногорских и сербских детей с отставаниями в росте колеблется от 5 процентов до 8 процентов в этих трех странах (World Health Organization, 2013). Также очевидно прослеживается неравенство на протяжении всего жизненного цикла по показателям здоровья между цыганскими и нецыганскими общинами, проживающими в непосредственной близости (рисунок 34) (Mihailov, 2011). Данные обследования указывают на значительно более высокие уровни распространенности табакокурения среди цыган (53 процента), чем среди нецыган (33 процента). Частота длительных заболеваний среди женщин выше, чем среди мужчин как в цыганских, так и в нецыганских общинах региона. Похоже, что присутствует корреляция между проблемами со здоровьем и уровнем образования: только 15 процентов цыган со средним образованием (до 14 лет) отмечали наличие хронических нарушений здоровья в сравнении с 32 процентами цыган, не имеющих формального образования. Эти тенденции

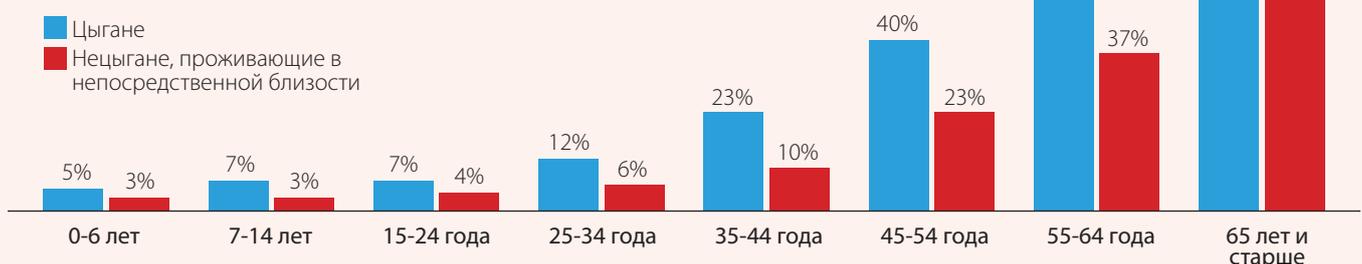
показывают, как аспекты неравенства могут взаимодействовать между собой и взаимно усиливать друг друга, поэтому разные виды неравенства следует анализировать как матрицы, состоящие из многих аспектов, а не обособленно.

Лишь 74 процента принявших участие в региональном опросе цыган отметили, что имеют медицинскую страховку, в то время как среди нецыган, проживающих в непосредственной близости от поселений и общин цыган, такой ответ дали 90 процентов респондентов. Между странами наблюдались большие различия: например, в Албании 32 процента цыган и 54 процента нецыган, проживающих в непосредственной близости от поселений и общин цыган, отметили, что имеют медицинскую страховку, а в Сербии эти показатели составили 93 процента в случае и цыган, и нецыган. Эта ситуация негативно сказывается на доступе цыганских общин к медико-санитарным услугам и на усилении равенства по показателям здоровья, к чему призывает Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Похоже, что достижения региона в области социального вовлечения и равенства подвергаются наибольшему риску именно в части здоровья. Это явно прослеживается, судя по ухудшению ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин (определяющим фактором чего отчасти является преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний), значительному неравенству доступа к качественному

Рисунок 34. Различия в коэффициентах распространенности длительных заболеваний между цыганами и нецыганами на Восточных Балканах (2011 год)

Доля респондентов, отметивших, что страдают от длительных заболеваний

Источник: региональное обследование цыган, проведенное ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/World Bank/ European Commission Regional Roma Survey, 2011).

медицинскому обслуживанию для этнических меньшинств, таких как цыгане, относительно высоким показателям частоты заболевания ВИЧ / СПИДом в регионе (которые сами по себе могут рассматриваться как индикаторы социального исключения), а также судя по усилению рисков финансовой неустойчивости систем здравоохранения региона, которые определяются демографической ситуацией и расширением неформальной занятости. В рассматриваемом регионе население среднего возраста подходит к более преклонному возрасту при высокой нагрузке, связанной с показателями здоровья, причем такая нагрузка, как правило, сконцентрирована в уязвимых группах населения (World Bank, 2015d). Преждевременная смертность и инвалидность ставят под угрозу производительность работников, увеличивая нагрузку на членов семьи, выполняющих обязанности по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, большинство из которых – женщины (UNFPA, 2010). Эти факторы способствуют формированию неблагоприятных коэффициентов демографической нагрузки (определяемой скорее на основании нетрудоспособности, а не возраста) и снижению действенности усилий в сфере гендерного равенства и человеческого развития во всех странах региона. Для устранения этих рисков и укрепления перспектив ориентированного на человека развития в регионе необходимо, чтобы страны подтвердили свою приверженность подходам к обеспечению общественного здоровья, ликвидации дискриминации, развитию социального вовлечения и терпимости при условии работы всего государства в рамках реализации Целей в области устойчивого развития и стратегии «Европа 2020».

Меры политики и программы следует сосредоточить на следующих направлениях:

- *Механизмы сбора данных по показателям здоровья необходимо расширить* с тем, чтобы, среди прочего, систематически собирать и анализировать качественные данные, которые пока что не собираются на регулярной основе. Учитывая то, что основы политики «Здоровье-2020» и Цели в области устойчивого развития ориентированы на сокращение неравенства по показателям здоровья, эти стратегические документы могут быть использованы для гармонизации и совершенствования подходов к

мониторингу и представлению отчетности по социальным, экономическим и экологическим детерминантам здоровья на национальном и региональном уровне. Для понимания неравенства по показателям здоровья необходимо анализировать результаты по показателям здоровья по различным аспектам, включая пол, возраст, уровень образования, место жительства, социально-экономическое положение, этническую принадлежность, сексуальную ориентацию и принадлежность к маргинализированным группам, таким как мигранты, заключенные и т.д. Система мониторинга достижения Целей в области устойчивого развития, которая требует регулярного представления всеми странами качественных, актуальных и достоверных детальных данных, может сыграть особенно важную роль в этой работе.

- *Формирование более инклюзивной правовой среды*, которая ставит на первое место не наказание и стигматизацию, а общественное здоровье и улучшение доступа социальных групп риска к государственным медико-санитарным услугам и правосудию. Это предполагает активизацию мер, направленных на привлечение внимания работников правоохранительных органов и системы здравоохранения к потребностям людей, зараженных ВИЧ / СПИДом, а также подвергающихся риску заражения этими инфекциями. Это также предполагает расширение участия гражданского общества в определении политики и программ: следует далее усиливать роль неправительственных организаций в информировании и обеспечении услугами с учетом того, что эти организации призваны дополнять (но не заменять собой) государственные услуги.

Коррупция в секторе здравоохранения остается препятствием для усиления прозрачности и подотчетности в управлении здравоохранением во всех странах региона.

Фото: Kairatbek Murzakimov / ГРООН

Природные богатства,
неравенство и устойчивое
человеческое развитие

Природные богатства, неравенство и устойчивое человеческое развитие

Регион обладает относительно большой ресурсной базой, причем уровни соотношения природных богатств к ВВП выше среднемировых показателей.

⁶ Система эколого-экономического учета включает международно признанные стандартные понятия, определения, классификации, правила учета и таблицы для подготовки сопоставимых на международном уровне статистических данных об окружающей среде и ее взаимосвязи с экономикой. См.: <http://unstats.un.org/unsd/envaccounting/seea.asp>

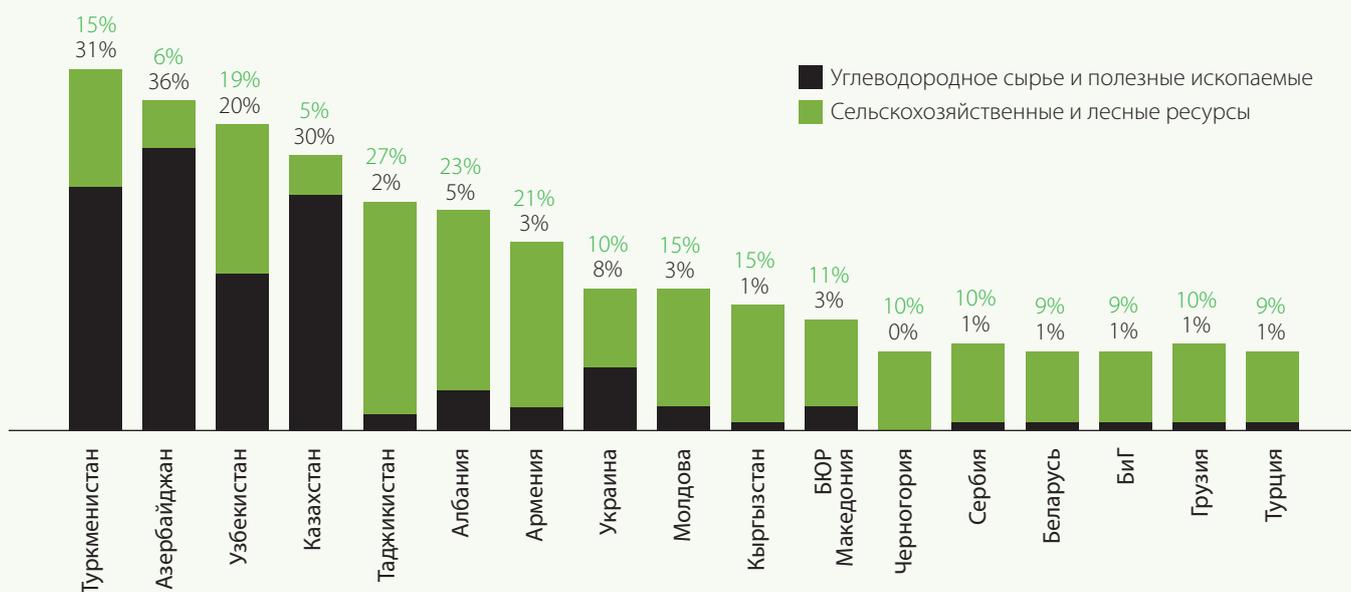
Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и связанные с ней Цели в области устойчивого развития призваны как не допустить обеспечения прогресса сегодня за счет будущих поколений, так и реализовать принцип «не оставить никого в стороне» сегодня. Как указано в Докладе ПРООН о человеческом развитии за 2011 год («Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех»), «было бы величайшим насилием над принципом универсализма, если бы мы ломали голову над межпоколенческим

равенством и не занялись одновременно проблемой внутривнутрипоколенческого равенства» (UNDP, 2011a, стр. 1). Тем не менее, на практике определение аспектов равенства, связанных с отсутствием адекватного доступа к природным ресурсам или дифференцированным воздействием экологической неустойчивости на уязвимые группы населения, зачастую проблематично. Вопросы измерения и количественной оценки являются особенно спорными. Это не удивительно, учитывая, что

методологическая база для измерения этих переменных пока еще находится в зачаточном состоянии (стандарты учета природных богатств на национальном уровне были согласованы Статистической комиссией ООН только в 2012 году⁶).

В ходе дискуссий о неравенстве на мировом и региональном уровне в значительной степени упускаются взаимосвязи между этим явлением, доступом к природным богатствам и их использованием. В соответствии с определением Программы ООН по окружающей среде, природные богатства включают «землю, полезные ископаемые и ископаемые виды топлива, солнечную энергию, водные ресурсы, живые организмы, а также услуги, производимые в результате взаимодействия всех упомянутых элементов в рамках экологических систем». То, в какой степени эти «активы» воспринимаются в качестве «капитала» (и, соответственно, в какой степени этот «запас капитала» воспринимается в качестве приоритета), зачастую тесно связано с позиционированием понятий «устойчивости» и «устойчивого развития» в рамках исследований. В данном случае природные богатства рассматриваются как общественные блага, на

Рисунок 35. Отношение природных богатств к ВВП в регионе (2013 год)

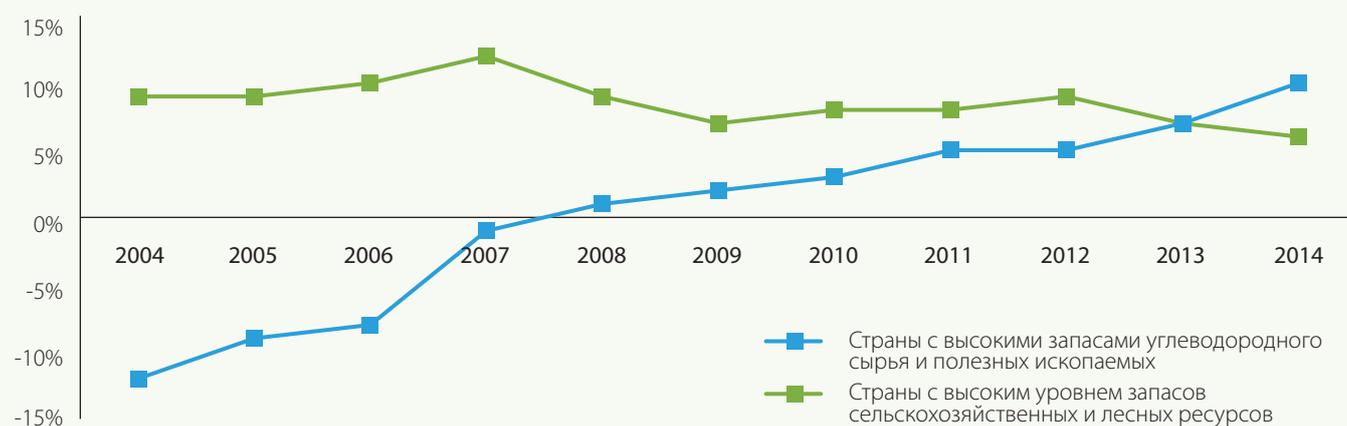

Расчеты ПРООН на основе данных Всемирного банка.

Примечание:

- Природные богатства определяются как сумма ренты от нефти, природного газа, угля, полезных ископаемых и лесных ресурсов в сочетании с природными богатствами, связанными с землей, что оценивается на основе добавленной стоимости в сельском хозяйстве (доля ВВП). Рента от энергоресурсов и полезных ископаемых оценивается в соответствии с методикой, описанной в следующей работе: <<The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium>> (World Bank, 2011).
- Среднемировые уровни отношения углеводородов и полезных ископаемых к ВВП, а также сельскохозяйственных и лесных ресурсов к ВВП оцениваются на уровне 5 процентов и 3 процентов соответственно.

Рисунок 36. Отношение скорректированных чистых накоплений к валовому национальному доходу в регионе (2004-2014 годы)

Расчеты ПРООН на основе данных Всемирного банка.

Примечание: К показанным на графике странам с высокими запасами углеводородного сырья и полезных ископаемых относятся Азербайджан и Казахстан. К показанным на графике странам с высоким уровнем запасов сельскохозяйственных и лесных ресурсов относятся: Албания, Армения, Беларусь, Грузия, Кыргызская Республика, Молдова, Бывшая Югославская Республика Македония, Таджикистан, Турция и Украина.

использование которых общества имеют право, и в отношении устойчивого использования которых в рамках решения задач в области развития общества несут ответственность.

Несмотря на это, что можно сказать о природных богатствах Восточной Европы, Турции и Центральной Азии? Данные о наличии природных богатств по странам этого региона приводятся на рисунке 35 на основе сделанных Всемирным Банком оценок уровня накопления ресурсной ренты в сферах энергетики, добывающей отрасли, сельском и лесном хозяйстве. Они свидетельствуют об относительно большой ресурсной базе региона; по состоянию на 2013 год по всем странам зарегистрированы уровни соотношения природных богатств к ВВП, которые были выше среднемировых показателей. В отношении большинства государств это отражает сравнительно высокий уровень обеспеченности лесными и сельскохозяйственными ресурсами по отношению к ВВП. В случае с основными производителями углеводородного (например, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) или минерального (например, Казахстан, Украина) сырья, эти соотношения еще более увеличиваются за счет значительных запасов энергоресурсов (углеводородов) и полезных ископаемых.

В Грузии, колодцы обеспечивают фермерам лучшее орошение. Отсутствие надежных поставок воды может ограничить возможность полноценной реализации человеческого потенциала. Фото: David Khizanishvili / ПРООН

Требуются более эффективные показатели для измерения неравенства, экологической устойчивости и взаимосвязей между ними.

Если оценочная стоимость углеводородов, полезных ископаемых, а также сельскохозяйственных и лесных ресурсов позволяет приблизительно измерить запасы природных богатств, то показатель скорректированных чистых накоплений⁷ представляет собой измерение потоков, показывая, находится ли природный капитал (и элементы человеческого капитала) в состоянии сбалансированности, происходит ли его истощение или восстановление. Отображенные на рисунке 35 данные Всемирного

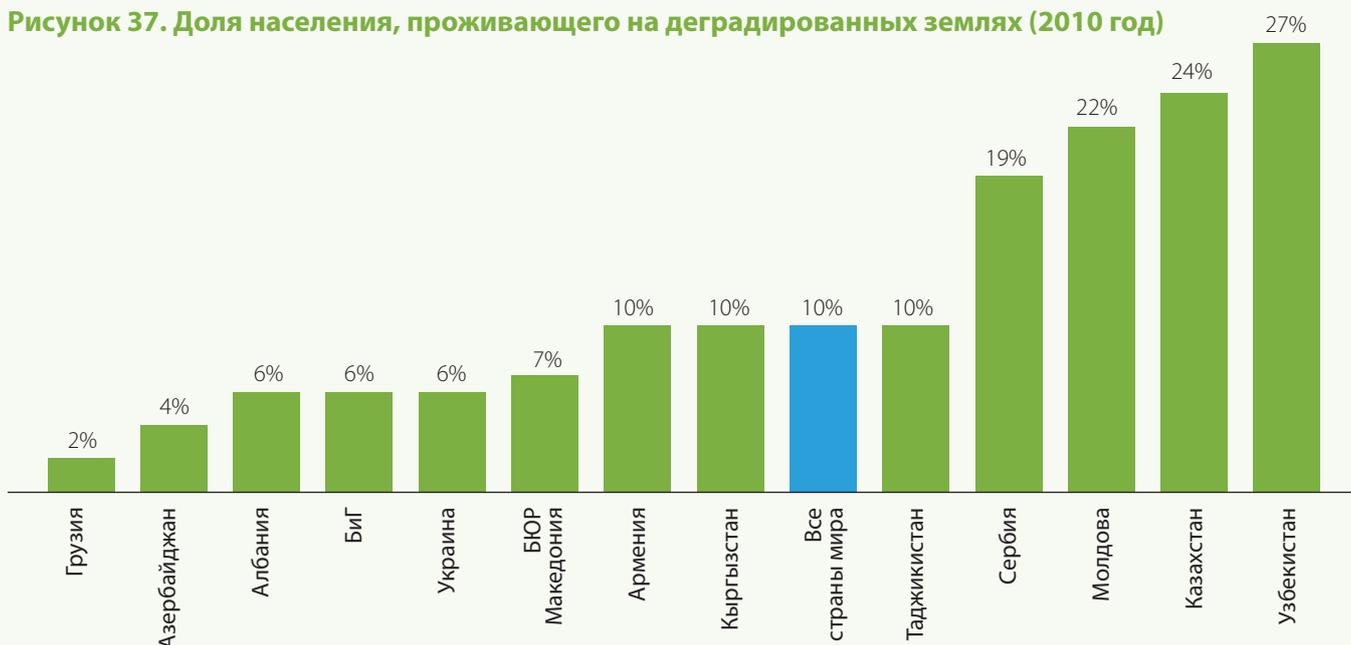
банка указывают, что, в целом, страны региона с относительно крупными запасами сельскохозяйственных и лесных ресурсов (как видно на рисунке 36), как правило, демонстрируют положительные значения скорректированных чистых накоплений за последние десять лет. А принимая во внимание, что страны с относительно крупными запасами углеводородного сырья и полезных ископаемых (в частности, Азербайджан и Казахстан) указывали в отчетах в 2004 году отрицательные значения скорректированных чистых накоплений, к 2014 году эти показатели стали положительными.

⁷ Скорректированные чистые накопления = чистые национальные накопления + расходы на сферу образования – потребление энергоресурсов – истощение полезных ископаемых – чистое истощение лесных ресурсов – выбросы углекислого газа, ущерб от выбросов твердых частиц.

В то же время, такие расчетные показатели могут представить чрезмерно радужную картину запасов и потоков природных богатств, чему есть (по меньшей мере) пять причин. Во-первых, такой подход смешивает оценки запасов (например, запасов природных ресурсов) и потоков (добавочная стоимость, созданная сельскохозяйственным сектором). Включение добавочной стоимости сельского хозяйства может приводить к завышению оценок природных богатств для стран с уровнем дохода ниже среднего (как, например, Таджикистан), где доля сельскохозяйственного сектора в ВВП велика, в сравнении со странами со средним уровнем дохода (как, например, Беларусь, Черногория), в которых вклад сельского хозяйства в ВВП сравнительно невелик.

Во-вторых, этот подход может дать неоправданно оптимистичную картину качества природных богатств. В частности, по данным Отдела подготовки Доклада о человеческом развитии ПРООН (на основе сведений Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН), доля населения шести стран Каспийского бассейна, проживающего на «деградированных землях», соответствует средним мировым показателям либо превышает их (рисунок 37). Это без учета того факта, что согласно оценкам, сельскохозяйственные и лесные ресурсы пяти из этих стран (Армении,

Рисунок 37. Доля населения, проживающего на деградированных землях (2010 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) составляют 15-30 процентов от запасов природных богатств. Из этого следует, что «продуктивность» сельскохозяйственных и лесных ресурсов в этих странах, возможно, ниже, чем где бы то ни было.

В-третьих, данный подход недооценивает экономическую ценность экосистемных услуг, оценку большинства из которых, как известно, очень сложно провести посредством рыночных механизмов. В-четвертых, (что тесно связано с предыдущим) существует наглядное доказательство неустойчивого использования водных запасов бассейна Аральского моря, что также очевидно из высоких показателей темпов потребления пресной воды в странах Центральной Азии / Каспийском бассейне (рисунок 38). Хотя в последние годы в ряде стран эти показатели снизились, они по-прежнему свидетельствуют о решающем значении водных ресурсов для орошаемого земледелия (в бассейне Каспийского моря), функционирования гидроэлектростанций (в особенности, в Таджикистане и Кыргызской Республике, а также Грузии) и о сопутствующей уязвимости этих стран по отношению к гидрологическим / климатическим рискам.

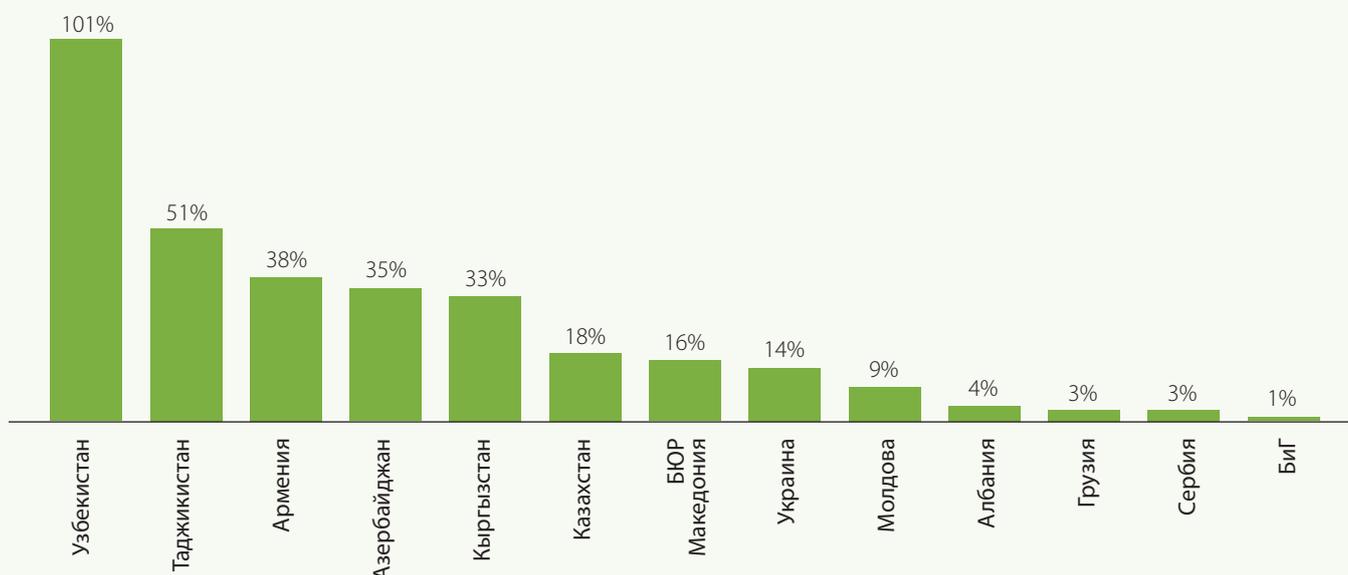
Последнее, но не менее важное (как и многое другое в природной среде) – это то, что природные богатства не признают

национальных границ. Способность национальных правительств мобилизовать природные богатства для обеспечения национального экономического развития, как правило, зависит от принятия решений в области использования природных ресурсов другими странами. Помимо проблем регионального уровня, связанных с управлением водными ресурсами обширных бассейнов трансграничных рек (что затрагивает, по меньшей мере, часть бассейнов рек Амударья / Сырдарья, Балхаш / Алакол, Дунай и Кура / Араз), нарастает проблема адаптации к климатическим изменениям с учетом ее важных последствий для снижения риска стихийных бедствий (UNDP, 2016), а также для продовольственной и энергетической безопасности домашних хозяйств в ряде менее богатых стран региона.

Результаты развития в регионе бассейна Аральского моря демонстрируют взаимосвязанный характер давления на природные богатства (особенно в контексте «энергетического / водного комплекса») и неравенства (причем и по пространственным, и по социально-экономическим параметрам). Высыхание

Для ускорения прогресса в области человеческого развития необходимо будет придерживаться устойчивых подходов, основанных на принципах социальной справедливости.

Рисунок 38. Потребление пресной воды в регионе (последний год, по которому имеются данные)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Рисунок 39. Источники тепла в сельских районах Таджикистана, по квинтилям домашних хозяйств в зависимости от уровня доходов (2013 год)

Расчеты ПРООН на основе данных публикации Всемирного банка (World Bank, 2014), с. vii.

Аральского моря повлекло невзгоды, которые легли бременем преимущественно на уязвимые домашние хозяйства и общины, проживавшие в непосредственной близости от побережья (исчезающего) Аральского моря. Составленные ПРООН в 2011 году оценки влияния политики в области энергетики и коммунальных услуг на уровень бедности и социальное развитие в Таджикистане и Кыргызской Республике (UNDP, 2011a) продемонстрировали, что домашние хозяйства с низким уровнем доходов и жители обособленных горных общин в наибольшей степени страдают от перебоев с поставками электроэнергии и других сбоев, связанных с обеспечением энергетической безопасности домашних хозяйств в период трудных зимних месяцев. Наряду с этим, вместо газового или центрального отопления им чаще приходится использовать неэффективные, дорогостоящие системы электрического отопления либо интенсивно загрязняющие окружающую среду уголь и биомассу (рисунок 39). По данным мониторинга, проводимого Всемирной продовольственной программой, значительное число домашних хозяйств с низким уровнем доходов в этих странах продолжают подвергаться опасности нехватки

продовольствия (World Food Programme, 2014, 2016), что отчасти связано с неустойчивым использованием водных и земельных ресурсов.

Очевидно, что требуются более эффективные показатели для измерения неравенства, экологической устойчивости и взаимосвязей между ними. К счастью, разрабатываются новые показатели, дающие надежду на успех в этом деле (см. вставку 5). Более того, некоторые цели и задачи в области устойчивого развития вполне применимы к решению проблемы устойчивости природных богатств (см. таблицу 5). Задействование этих взаимосвязей может позволить использовать более передовые подходы к разработке политики и получать более значимые результаты на местах. Это говорит о том, что затраты (времени, ресурсов, руководящего потенциала) на обеспечение учета более устойчивых и развитых взаимосвязей (которые, в зависимости от степени их сложности, требуют больше усилий) при выработке мер политики и программ могут позволить добиться большего благодаря более последовательной политике и параллельным преимуществам.

Вставка 5. Переход к более эффективным показателям устойчивого человеческого развития: ИМЭБ и ИУЧР

Многие показатели, используемые для измерения природных богатств в регионе, имеют две общие черты с показателями, как правило, используемыми для измерения неравенства доходов (в частности, с коэффициентом Джини): в обоих случаях показатели представляют картину ситуации в регионе в довольно радужном свете, и в обоих случаях наблюдаются значительные недостатки в методологических подходах. Этот пробел мог бы быть восполнен посредством дополнения двух широко используемых ПРООН показателей человеческого развития: индекса многомерной бедности (ИМБ) и индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства, (ИЧРН) – надежными компонентами, измеряющими экологическую устойчивость.

От ИМБ к ИМЭБ. Показатели многомерной бедности позволяют количественно измерить бедность, сочетая при этом параметры бедности, связанные и не связанные с доходами, и показывая взаимосвязи между ними. В 2010 году в Докладе о человеческом развитии ПРООН Оксфордская инициатива в области человеческого развития и бедности совместно с ПРООН представила понятие ИМБ. Этот индекс отражает взаимопересекающиеся аспекты неравенства в трех сферах человеческого развития: здоровье, образование и уровень жизни. Однако, несмотря на то, что ИМБ в целом отражает социально-экономические аспекты устойчивого развития, он упускает компонент экологической устойчивости. «ИМБ, скорректированный с учетом экологической устойчивости» (ИМЭБ) для количественного измерения прогресса с учетом неравенства и экологической устойчивости, можно сконструировать следующим образом:

- Включить в ИМБ, разработанный Оксфордской инициативой в области человеческого развития и бедности и ПРООН, компонент экологической устойчивости (который сам по себе мог бы быть сводным показателем потребления воды, выбросов парниковых газов, деградации земель и других общепринятых экологических показателей); и

- Скорректировать другие компоненты ИМБ для отражения как колебаний, так и уровней средних страновых показателей (чтобы повысить качество измерения неравенства).

От ИЧРН к ИУЧР. В Докладе о человеческом развитии ПРООН за 2010 год также вводится понятие «индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства» (ИЧРН). Снижая национальные показатели ИЧР с учетом степени расхождений по таким его компонентам, как уровень жизни, здоровье и образование, ИЧРН демонстрирует, сколько отдельно взятая страна теряет в плане развития из-за существующего в этих сферах неравенства. ИЧРН мог бы служить показателем для измерения экологической устойчивости, а также неравенства при условии включения в него экологического компонента, в соответствии с аналогичным алгоритмом включения экологического компонента в ИМБ (как было описано выше)

В отличие от ИМЭБ (который до сих пор не внедрен),⁸ ИУЧР уже применяется в ряде стран. Он был представлен Правительством Армении в рамках параллельного мероприятия Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в июне 2012 года. Результаты были впоследствии опубликованы Национальной статистической службой Армении в ежегоднике «Окружающая среда и природные ресурсы Республики Армения в 2011 году» (Environment and Natural Resources in the Republic of Armenia for 2011). Данная концепция была представлена в форме рабочего документа Европейской экономической комиссии ООН (Ivanov and Peleah, 2013, "Development that lasts: The Affordable Human Development Index") и обсуждалась на заседании Конференции европейских статистиков в 2013 году. В подготовленном ПРООН Национальном отчете о человеческом развитии Черногории за 2014 год (UNDP, 2014f) также использовались оценки близких к ИУЧР индексов («расширенный ИЧР» и «доступный ИЧР») для ряда стран региона.

⁸ Более полное описание ИМЭБ представлено в следующей публикации: Peleah and Bouma (2016).

Таблица 5. Цели в области устойчивого развития, задачи и предлагаемые показатели, увязывающие человеческое развитие и экологическую устойчивость

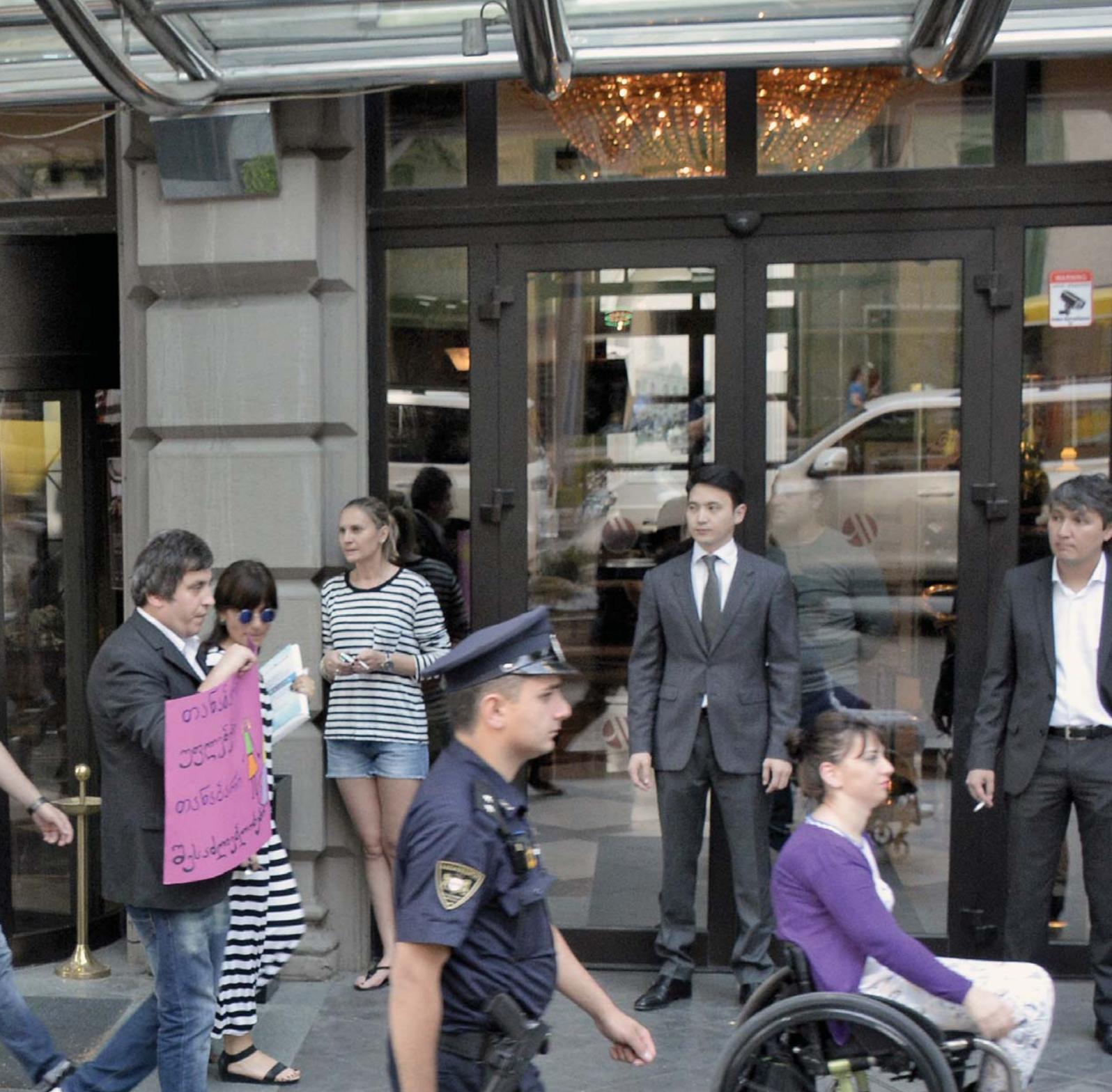
Задача 1.4: К 2030 году обеспечить, чтобы все мужчины и женщины, особенно малоимущие и относящиеся к уязвимым слоям населения, имели равные права на экономические ресурсы, а также доступ к базовым услугам, владению и распоряжению землей и другими формами собственности, наследуемому имуществу, природным ресурсам, соответствующим новым технологиям и финансовым услугам, включая микрофинансирование.	Предлагаемый показатель 1.4.1: Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам.
Задача 1.b: Создать на национальном, региональном и международном уровнях надежные стратегические механизмы, в основе которых лежали бы стратегии развития, учитывающие интересы бедноты и гендерные аспекты, для содействия ускоренному инвестированию в мероприятия по ликвидации нищеты.	Предлагаемый показатель 1.b.1: Число национальных планов действий, относящихся к многосторонним экологическим соглашениям и предусматривающих ускоренное инвестирование в мероприятия по ликвидации нищеты и неистощительное использование природных ресурсов.
Задача 3.9: К 2030 году существенно сократить количество случаев смерти и заболевания в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха, воды и почв.	
ЦУР 6. Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех.	
Задача 8.4: На протяжении всего срока до конца 2030 года постепенно повышать глобальную эффективность использования ресурсов в системах потребления и производства и стремиться к тому, чтобы экономический рост не сопровождался ухудшением состояния окружающей среды, как это предусматривается Десятилетней стратегией действий по переходу к использованию рациональных моделей потребления и производства, причем первыми этим должны заняться развитые страны.	Предлагаемый показатель 8.4.1: Продуктивность использования ресурсов.
Задача 12.2: К 2030 году добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов.	Предлагаемый показатель 12.2.1: Ресурсозатраты и ресурсозатраты на душу населения.
Задача 12.c: Рационализировать отличающееся неэффективностью субсидирование использования ископаемого топлива, ведущее к его расточительному потреблению, посредством устранения рыночных диспропорций с учетом национальных условий, в том числе путем реорганизации налогообложения и постепенного отказа от вредных субсидий там, где они существуют, для учета их экологических последствий, в полной мере принимая во внимание особые потребности и условия развивающихся стран и сводя к минимуму возможные негативные последствия для их развития таким образом, чтобы защитить интересы нуждающихся и уязвимых групп населения.	Предлагаемый показатель 12.c.1: Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление) и их доля в совокупных национальных расходах на ископаемое топливо.

ЦУР 15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия

Фотო: Vladimer Vaishvili / ПИР00Н

Неравенство и основанное на
широком участии управление

Неравенство и основанное на широком участии управление

Проблемы развития потенциала и государственного строительства нередко оказывались взаимосвязаны с этническим разнообразием в регионе и восстановлением после конфликтов.

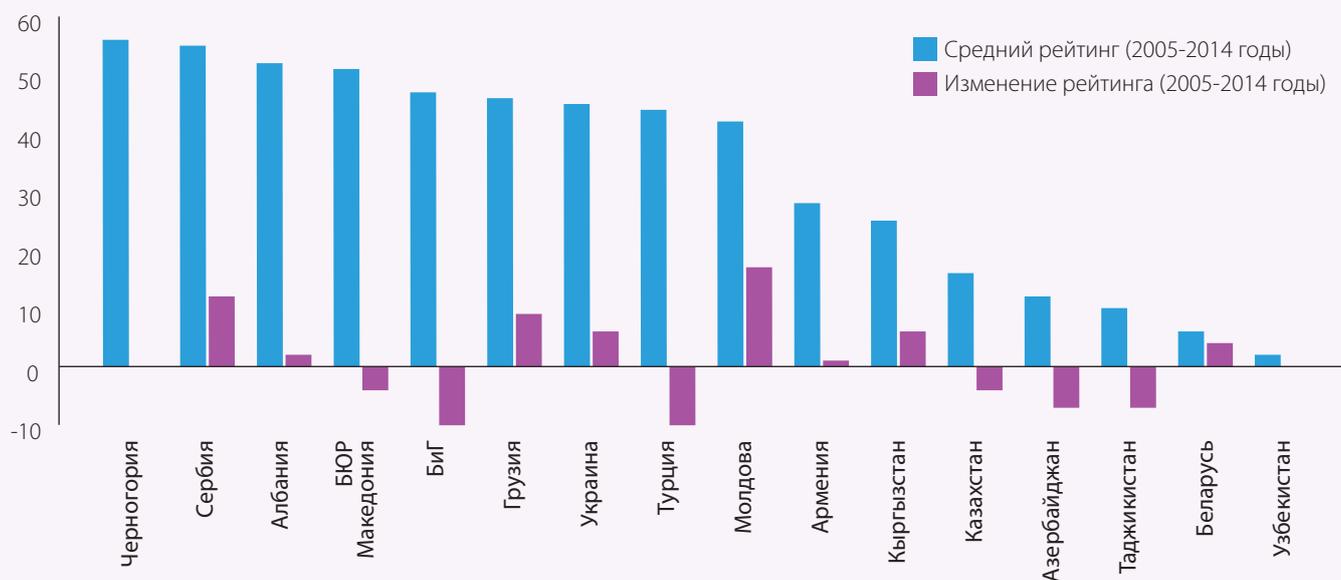
Государственное управление можно определить как совокупность традиций и институтов, с помощью которых реализуются властные полномочия. Сюда относятся процессы выбора, мониторинга деятельности и смены правительства; способность правительства формулировать и реализовывать политику; а также формы проявления доверия граждан к государству (или его отсутствия). Для решения проблем неравенства и социального исключения большое значение имеют формальные и неформальные институты управления, правила и процедуры, которые регулируют применение властных полномочий, силы и ресурсов. В одном из исследований ПРООН (UNDP, 2011) был сделан вывод, что институты могут относиться к ключевым

определяющим факторам неравенства и социального исключения в регионе. С тех пор проблемы в управлении в регионе сохраняются: почти 100 000 респондентов из стран рассматриваемого региона отметили в рамках

проведенного ООН обследования «My World», что обеспечение честного и ответственного управления относятся к четырем приоритетным задачам глобальной повестки дня в области развития.

Существует много публикаций международного масштаба, посвященных взаимосвязям между управлением, неравенством и конфликтами. Однако несмотря на, по всей видимости, единодушное мнение, что высокие уровни неравенства, ненадлежащее управление и конфликты нередко тесно взаимосвязаны, вопросы о конкретных мерах по реформированию управления, необходимых для сокращения неравенства и предотвращения или смягчения конфликтов, нередко оказываются более спорными. Тем не менее, тот факт, что ЦУР 16 («мир, правосудие и эффективные учреждения») вошла в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, свидетельствует о растущей заинтересованности в глобальных мерах, направленных на устранение (реального и воспринимаемого) неравенства перед законом, причем таким образом, чтобы снять остроту конфликтов (UN, 2015).

Рисунок 40. Тенденции в управлении по параметру «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» в регионе

Расчеты ПРООН – среднегодовые показатели на основе данных исследования Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».

Примечание: * Параметр «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» «отражает степень возможности участия граждан в выборе правительства, а также оценку уровня свободы слова, свободы объединений и степень независимости прессы».

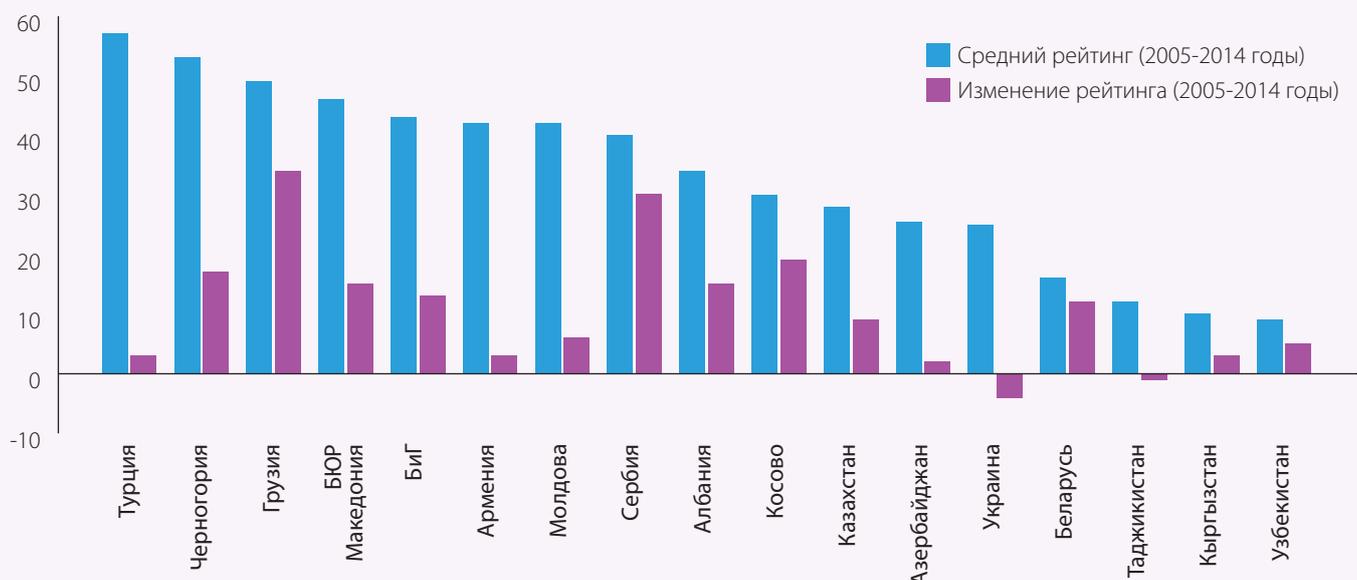
** Чем выше значение рейтинга, тем лучше оценка. 100 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл.

Хотя в названии ЦУР 16 отсутствует собственно слово «управление», эта цель связана с институтами, правилами и нормами, с помощью которых разрабатывается и реализуется политика, урегулируются споры и обеспечивается подотчетность за использование властных полномочий и ресурсов. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и ЦУР 16 констатируют, что участие в процессе принятия решений, доступ к правосудию и соблюдение прав человека (включая право на развитие) критически важны для устойчивого развития. В основе мер политики, направленных на расширение перспектив и возможностей людей и содействие устойчивому развитию, лежат действенные и подотчетные институты (Kaufmann, 2004). ЦУР 16 также предполагает существенное сокращение масштабов насилия во всех его формах и продвижение долгосрочных решений проблем конфликтов и незащищенности. Это указывает на признание того факта, что при отсутствии мира и безопасности невозможно предпринимать значимые шаги по обеспечению устойчивого развития и эффективного управления. В этой связи в Повестке дня в области

устойчивого развития на период до 2030 года подчеркивается необходимость предотвращать или урегулировать конфликты и поддерживать страны, пережившие конфликты, в том числе за счет привлечения женщин к процессу построения мира и государства (United Nations, 2015a).

Десять из 12 задач, сформулированных в рамках ЦУР 16, делают акцент на развитии инклюзивного общества и обеспечении мира; еще две задачи сосредоточены на средства достижения этого. Для отслеживания прогресса в реализации этих задач предложен двадцать один глобальный показатель; по мере возможности и необходимости их следует представлять в разбивке по уровню доходов, полу, возрасту, расе, этнической принадлежности, инвалидности, географическому местоположению и другим характеристикам уязвимости в соответствии с основополагающими принципами официальной статистики (United Nations, 2014). Однако многие из проблем, которые решаются в рамках ЦУР 16 (например, прозрачность и подотчетность органов государственного управления), формально не измеряются показателями

Рисунок 41. Тенденции в управлении по параметру «верховенство закона» в регионе

Расчеты ПРООН – среднегодовые показатели на основе данных исследования Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».

Примечание: * Параметр «верховенство закона» отражает восприятие степени, в которой субъекты доверяют правилам общества и подчиняются им, включая в частности качество исполнения контрактных обязательств, соблюдение прав собственности, эффективность работы полиции, судов, а также вероятность преступлений и насилия.

** Чем выше значение рейтинга, тем лучше оценка. 100 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл.

Неравенство и основанное на широком участии управление

официальной государственной статистики. Для их мониторинга необходимо разработать показатели и процедуры проведения обследований.

К задачам в рамках ЦУР 16, которые могут быть особенно важны для целей анализа тенденции в области неравенства и управления в регионе, относятся следующие:

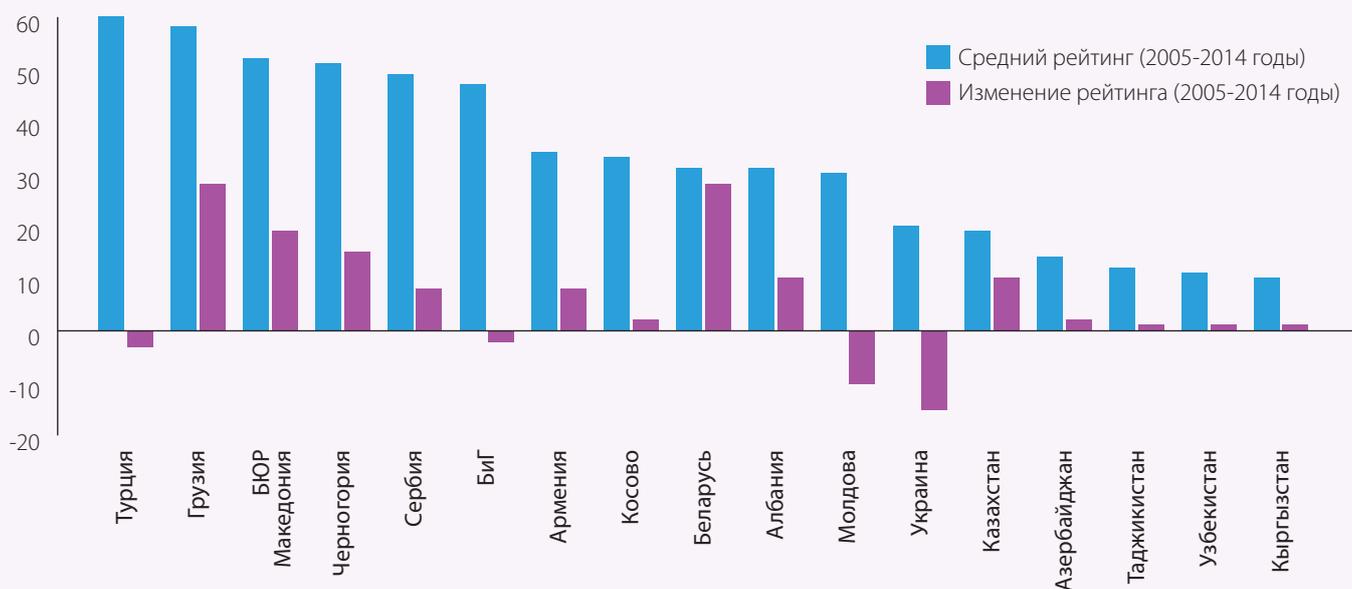
- 16.3 Содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию;
- 16.5 Значительно сократить масштабы коррупции и взяточничества во всех их формах;
- 16.6 Создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях; и
- 16.7 Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества.

За период с 1990 года большинство стран региона прошли через глубокие преобразования в области государственного

управления. Распад социалистических федераций Советского Союза и Югославии привел к образованию около 20 новых государств, многие из которых не имели опыта независимого государственного управления в истории последнего времени. В результате этого вопросы институционального потенциала неизбежно оказались среди наиболее актуальных проблем национальных стратегий развития. Но даже в тех странах, которые существовали как независимые государства до 1990-х годов (например, Албания, Турция), проблемы институционального потенциала в сфере управления, который необходим для выполнения государствами своих обязательств перед гражданами, относились к наиболее серьезным.

Проблемы развития потенциала и государственного строительства нередко оказывались взаимосвязаны с этническим разнообразием в регионе и восстановлением после конфликтов. Во многих странах региона проживают крупные группы этнических меньшинств, некоторые из которых (как, к примеру, цыгане Юго-Восточной Европы) сталкиваются с дискриминацией на ежедневной основе. Ряд стран региона также вынужден

Рисунок 42. Тенденции в управлении по параметру «сдерживание коррупции» в регионе

Расчеты ПРООН – среднегодовые показатели на основе данных исследования Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».

Примечание: * Параметр «сдерживание коррупции» отражает восприятие степени использования общественной власти с целью извлечения частной выгоды, включая коррупцию как в мелких, так и в крупных масштабах, а также «захват» власти элитой и частными интересами.

** Чем выше значение рейтинга, тем лучше оценка. 100 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл.

решать проблемы, связанные с потенциальными или фактическими вооруженными конфликтами, которые, как правило, возникают под влиянием сложного сочетания таких факторов, как этническая напряженность, ненадлежащее управление, спорное распределение государственных ресурсов и коррупция. Иногда эти конфликты принимают форму сепаратистских движений (нередко по этническому принципу), которые ратуют за отделение от государств бывшего Советского Союза или бывшей Югославии. Многие из этих конфликтов заканчиваются тупиковой ситуацией или без заключения мирных соглашений, что ведет к образованию «замороженных конфликтов» или «споров о суверенитете» территорий. Результатом подобных конфликтов также стали сотни тысяч смертей, увечий, беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), а многие тысячи людей все еще числятся пропавшими без вести.

Проявления неравенства и ограниченности возможностей человеческого развития также можно обнаружить в случае таких уязвимых групп, как женщины, этнические меньшинства, люди с ограниченными возможностями или люди с ВИЧ / СПИДом, а также общин лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Дискриминация в общественной жизни и насилие этнической, гендерной и гомофобной

направленности по-прежнему ограничивают возможности развития этих групп населения.

Правительства стран региона многое сделали в интересах развития институционального потенциала, необходимого для исполнения уполномоченными органами их обязанностей по отношению к носителям прав. Однако в некоторых случаях наследие моделей управления, действовавших до 1990 года, в сочетании с напряженностью, связанной с политическими и экономическими реформами, усиливают возмущение населения по поводу социального исключения и отчуждения от государственных структур. В результате этого широко распространено мнение о существовании коррупции и неравенства между теми, кто правит, и теми, кем управляют, а также между теми, кто «имеет», и теми, кто «не имеет» (Chayes, 2016).

Такое восприятие наглядно прослеживается в данных по результатам опросов общественного мнения и экспертных оценок, которые нашли отражение в исследовании Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».⁹ В этой базе данных содержатся временные ряды данных о ранжировании свыше 200 стран и территорий по таким критически важным параметрам управления, как «учет мнения

Молдова: Нетрадиционная информационная кампания способствует сознательному голосованию в цыганских общинах. Фото: Dorin Goian / ПРООН

⁹ Эти показатели неидеальны и создают проблемы, особенно с точки зрения международных сопоставлений. С другой стороны, данные, на которых они основываются, взяты из одной и той же базы данных, которая построена и пополняется данными в соответствии с методологическими стандартами, предполагающими сопоставимость данных во времени и между странами. В любом случае глобальный мониторинг достижения ЦУР 16 будет, по-видимому, опираться на эти (или сходные с ними) показатели.

Неравенство и основанное на широком участии управление

В регионе наблюдается значительная обеспокоенность общества по поводу качества управления, особенно в части восприятия коррупции и неравенства перед законом.

населения и подотчетность государственных органов» (рисунок 40), «верховенства закона» (рисунок 41) и «сдерживание коррупции» (рисунок 42).

Данные по этим параметрам, зарегистрированные в течение последних десяти лет, указывают на то, что несмотря на значимый прогресс (который особенно очевиден в Албании, Беларуси, Грузии, Косово, Молдове и Сербии), регион выглядит не очень хорошо по международным стандартам, особенно в плане управления и неравенства. По данным исследования «Worldwide Governance Indicator», около половины стран региона попали в треть стран со средними рейтингами, а вторая половина – в треть с самыми низкими рейтингами.

Эти данные указывают на то, что многие страны региона могут сталкиваться с особыми сложностями в части следующих задач Целей в области устойчивого развития: 16.3 («содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию»), 16.5 («значительно сократить масштабы коррупции и взяточничества во всех их формах»), 16.6 («создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях») и 16.7 («обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества»).

Аналогичная тенденция прослеживается в данных по результатам опросов общественного мнения, отраженным в исследовании «Барометр мировой коррупции», подготовленном по заказу «Transparency International» (рисунок 43). Согласно этим данным, большинство респондентов в семи из двенадцати стран охваченного региона считают, что в их стране «правительством полностью или частично управляют несколько крупных структур, действующих в собственных интересах».

Аналогичная картина прослеживается, судя по данным обследования общественного мнения «Жизнь в переходный период», проведенного Европейским банком реконструкции и развития. Если брать сферу государственных услуг, актуальной проблемой по-прежнему является

коррупция в секторе здравоохранения, которая варьируется от неофициальных платежей поставщикам услуг за счет собственных средств пациентов до крупномасштабной коррупции в сфере закупок в здравоохранении (рисунок 44). Эти данные показывают, что почти треть (32 процента) респондентов в регионе отметили, что платили неофициально, чтобы получить доступ к медицинскому обслуживанию. Это несоразмерно сказывается на домашних хозяйствах с низким уровнем доходов.

Данные обследований и экспертных оценок, содержащиеся в базе данных исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business), дают дополнительную информацию о взаимосвязи управления и неравенства в регионе. На протяжении ряда лет многие из стран региона демонстрируют существенное улучшение своих рейтингов по данным исследования «Ведение бизнеса». Все страны региона, кроме двух, в настоящее время входят в 50 процентов стран с самыми высокими глобальными рейтингами по версии этого исследования; Бывшая Югославская Республика Македония, Грузия, Армения, Казахстан, Беларусь и Черногория входят в 25 процентов ведущих государств.

Тем не менее, как показано на рисунке 45, данное улучшение преимущественно объясняется либерализацией таких простых бизнес-процедур, как официальная регистрация предприятия или коммерческой недвижимости. Реформы в этих областях, безусловно, важны, особенно в случае самозанятых, а также для собственников и работников малых и микропредприятий.

Данные на рисунке 46, напротив, показывают, что проблемы с налогами и подключением к системам электроснабжения по-прежнему являются значительными препятствиями для ведения бизнеса в этом регионе. Эти препятствия вполне могут оказаться особенно велики для малых предприятий, которые, в отличие от более крупных компаний, не имеют юридических отделов, которые защищали бы их интересы при работе с налоговыми органами или поставщиками коммунальных услуг. Эти данные указывают на то, что работу по реформированию управления в интересах совершенствования делового климата в регионе, особенно для малых и микропредприятий (чья собственники и работники с высокой степенью вероятности

Сербия: Уничтожение стрелкового оружия как попытка укрепления безопасности в стране. Фото: ПРООН

могут относиться к нижней части социально-экономической пирамиды), следует сосредоточить не столько на вопросах упрощения регулирования, сколько на развитии институционального потенциала поставщиков услуг электроснабжения, налоговых органов и других аналогичных регулирующих органов в интересах создания равных условий хозяйствования для малых предприятий.

Направления мер политики и программ.

Такое восприятие коррупции и неравенства перед законом не обязательно находит отражение в официальных данных о распределении дохода или благосостояния. Верно такое восприятие или ошибочно, оно все же может подрывать легитимность государства, систему социальных контрактов и социально-экономическую стабильность. Помимо решения проблемы таких угроз, подтверждение странами своей приверженности целям сокращения коррупции и усиления верховенства закона может обеспечить сокращение неравенства за счет:

- сокращения неформальной занятости, которая лишает многих работников трудовых прав и доступа к социальной защите;
- обеспечения роста доходов государственных бюджетов (в том числе за счет сокращения незаконных финансовых потоков) в целях усиления устойчивости систем социальной защиты;

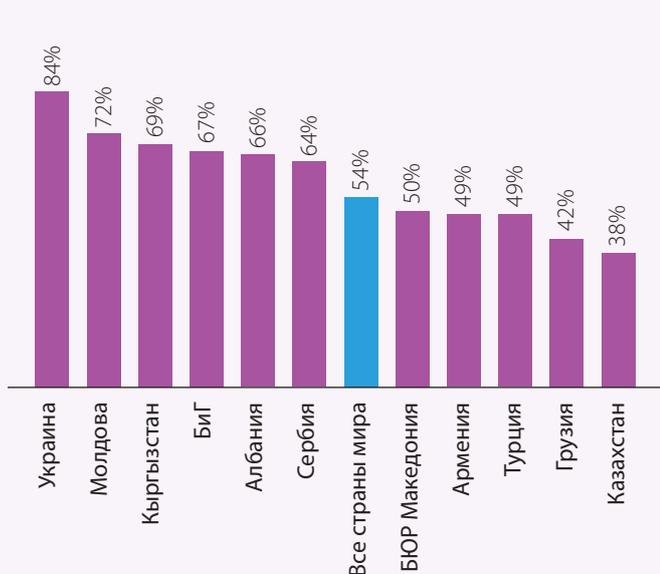
- обеспечения доступа уязвимых групп (включая тех, кто в противном случае может подвергаться дискриминации по этническому, гендерным и иным признакам) к правосудию и социальным услугам; и
- создания равных условий хозяйствования, чтобы расширить перспективы хозяйственной деятельности для малых предпринимателей.

Подтверждение приверженности целям реформирования государственного управления и государственной службы, а также расширенное использование инновационных механизмов, таких как электронное правительство и социальные сети, могут значительно способствовать более оперативному реагированию государства на потребности уязвимых групп.

В большинстве стран региона на законодательном уровне запрещена дискриминация этнических меньшинств, женщин и людей с ограниченными возможностями и гарантирован доступ этих социально ущемленных групп к государственным услугам и благам. Однако реализации этих мер слишком часто препятствует неравный доступ к правосудию, политической власти, принятию

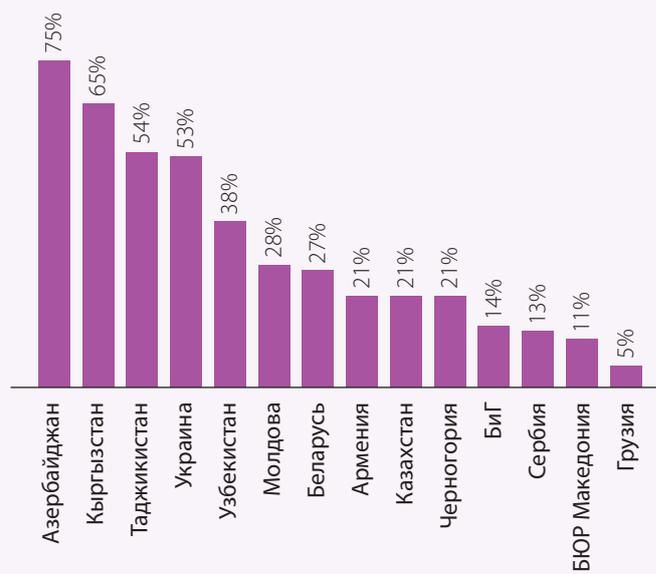
Меры, направленные на защиту гражданских и политических прав, а также просветительские кампании, проводимые в целях повышения уровня информированности об этих правах, могут помочь сократить коррупцию.

Рисунок 43. Доля респондентов, которые считают, что “правительством управляют несколько крупных структур, действующих в собственных интересах” (2013 год)

Источник: Transparency International <<Global Corruption Barometer, 2013>>.

Рисунок 44. Процент респондентов, которые признались, что платили неофициально при пользовании государственными медико-санитарными услугами

Источник: обследование «Жизнь в переходный период» (Life in Transition Survey, 2010).

Рационализация нагрузки, связанной с соблюдением административных процедур, имеющих отношение к ведению бизнеса, может стимулировать инклюзивное развитие бизнеса.

решений и недостаточно развитый потенциал уполномоченных институтов и формирующиеся в результате дискриминации различия в уровне образования и статусе на рынке труда. В некоторых случаях может возникать

потребность в позитивной дискриминации и других временных мерах для решения этих проблем.

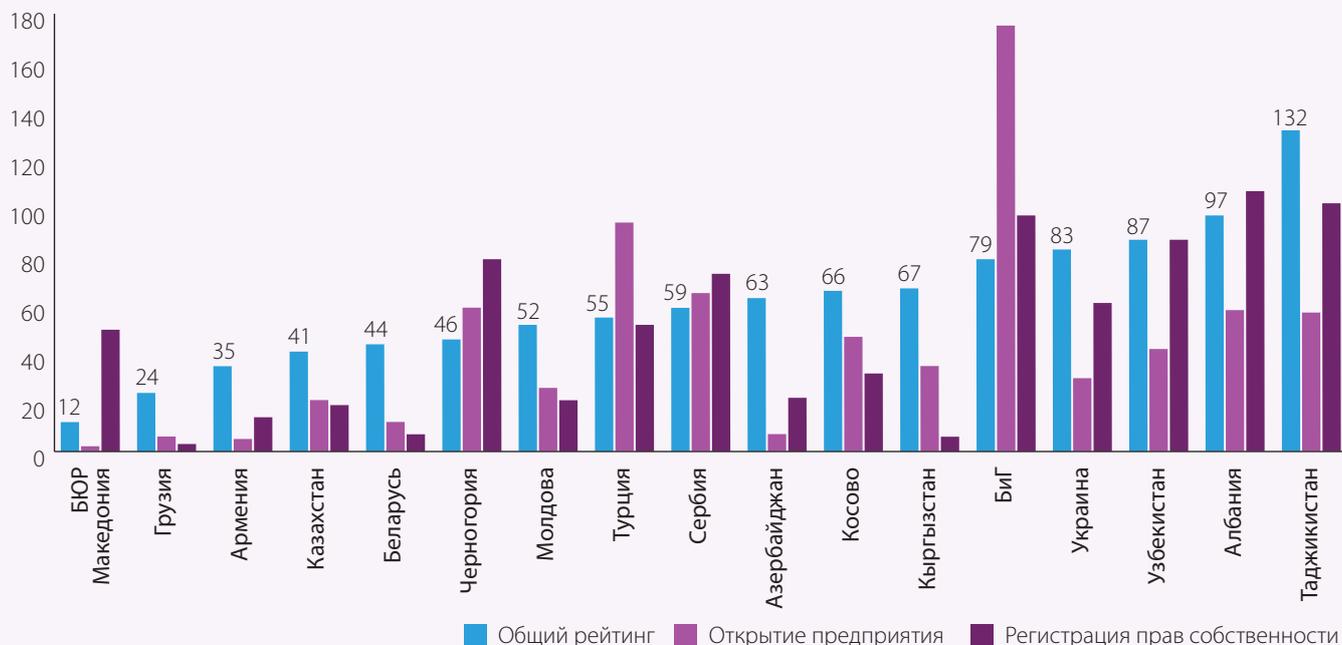
Не следует игнорировать взаимосвязи между конфликтами и неравенством в регионе. Дискриминация, неравный доступ к государственным услугам и другие формы неравенства возможностей могут стать причиной возникновения или усиления напряженности во взаимоотношениях между разными группами населения, что может вылиться во вспышки насилия.

Однако конфликты не улучшают положение социально ущемленного населения, а чаще всего усиливают неравенство и диспропорции, обостряя проявления враждебности и чувство

ущемленности и повышая вероятность новых конфликтов.

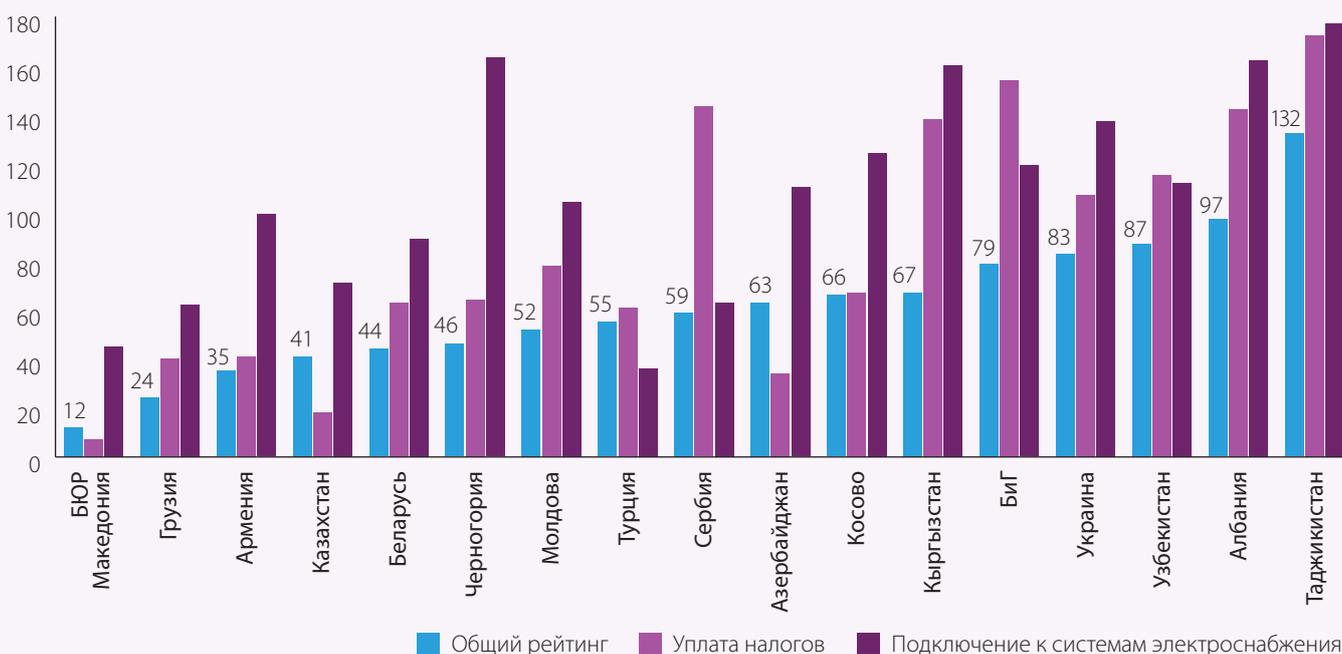
Для обеспечения уязвимых групп поддержкой в получении доступа к правосудию и государственным услугам необходимо, чтобы страны региона подтвердили свою приверженность целям активного вовлечения гражданского общества во все процессы. Помогая сократить коррупцию и содействуя развитию бизнеса, гражданское общество может стимулировать экономическое развитие на местном уровне, что позволит центральным органам государственного управления сосредоточить внимание на вопросах общенационального масштаба.

Рисунок 45. Рейтинги по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год): направления, по которым достигнут прогресс

Источник: База данных Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business). Чем ниже значение, тем лучше рейтинг.

Рисунок 46. Рейтинги по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год): ключевые препятствия для ведения бизнеса

Источник: База данных Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business). Чем ниже значение, тем лучше рейтинг.

Библиография

Antonopoulos, R., and K. Kim K (2011) *Public Job-creation Programs: The Economic Benefits of Investing in Social Care View Less: Case Studies in South Africa and the United States*, Levy Institute Working Paper # 671

Bloom, D.E., Cafiero, E.T., Jané-Llopis, E., Abrahams-Gessel, S., Bloom, L.R., Fathima, S., Feigl, A.B., Gaziano, T., Mowafi, M., Pandya, A., Prettner, K., Rosenberg, L., Seligman, B., Stein, A.Z., and C. Weinstein (2011), *The Global Economic Burden of Noncommunicable Diseases*. Geneva: World Economic Forum, available at http://www3.weforum.org/docs/WEF_Harvard_HE_GlobalEconomicBurdenNonCommunicableDiseases_2011.pdf

Bobrova, N., Sarang, A., Stuijkyte, R., and K. Lezhentsev (2007), 'Obstacles in provision of anti-retroviral treatment to drug users in Central and Eastern Europe and Central Asia: A regional overview', *International Journal of Drug Policy*, 18(4), pp. 313-318

Boltaev, A.A., El-Bassel, N., Deryabina, A.P., Terlikbaeva, A., Gilbert, L., Hunt, T., Primbetova, S., and S.D. Strathdee (2013), 'Scaling up HIV prevention efforts targeting people who inject drugs in Central Asia: A review of key challenges and ways forward', *Drug and Alcohol Dependence*, 132(Suppl. 1), pp. 41-47

Booth, R.E., Dvoryak, S., Sung-June, M., Brewster J.T., Wendt, W.W., Corsi, K.F., Semerik, O.Y., and S.D. Strathdee (2013), 'Law enforcement practices associated with HIV infection among injection drug users in Odessa, Ukraine', *AIDS and Behavior*, 17(8), pp. 2604–2614

Bussolo, M., Koettl, J., and E. Sinnott (2015), *Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia*, World Bank, Washington DC

Buvinić M., Furst-Nichols R., and E. Courey (2013), *A Roadmap for Promoting Women's Economic Empowerment*, UN Foundation and Exxon Mobil Foundation, New York

Chan, K., and K. Mandeville (2016), 'Improving access to NCD medicines through collaboration', *The Lancet*, Vol 387

Chayes, S. (2016), 'The Structure of Corruption: A Systemic Analysis Using Eurasian Cases', Carnegie Endowment for International Peace, Washington DC

Danzer, A., and B. Dietz (2014), 'Labour Migration from Eastern Europe and the EU: Quest for Talents', *Journal of Common Market Studies*, 52(2), pp. 183-199

Dokmanovich, M. (2008), 'Women in Western Balkans', Directorate General for Internal Policy, European Parliament briefing paper, Brussels

Đurić, P., Hamelmann, C., Wilson, D.P., and C. Kerr (2015), 'Modelling an optimized investment approach for Uzbekistan', UNDP, Bratislava, available at http://www.uz.undp.org/content/dam/uzbekistan/docs/Publications/democraticgovernance/Modelling_an_Optimized_Investment_Approach_for_Uzbekistan/un_uzb_Modelling_an_Optimized_Investment_Approach_for_Uzbekistan.pdf

_____ (2014), 'Modelling an optimized investment approach for Tajikistan', UNDP, Bratislava, available at http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/UNDP%20Modelling%20Tajikistan_English.pdf

ECOSOC (2016), *Report of the Inter-Agency and Expert Group on Sustainable Development Goal Indicators: Note by the Secretary-General*, New York

Ilkharacan, I., Kim K., and T. Kaya (2015), *The Impact of Public Investment in Social Care Services on Employment, Gender Equality, and Poverty: The Turkish Case*, Research Project Report, Levy Economics Institute of Bard College

Ivanov, A., and M. Peleah (2013), *Affordable Human Development Index: A new measure of sustainable wellbeing*, UNDP BRC Human Development Working Paper 2013/2E. DOI: 10.13140/RG.2.1.3816.4960, URL <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.3816.4960>

Kar, D., and J. Spanjers (2015), *Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2004-2013*, Global Financial Integrity

Katz, I., Eouth, S., Bitran, R., Hulme, A., and C. Avila (2014), 'Where will the money come from? Alternative mechanisms for HIV donor funding', *BMC Public Health*, 14, pp. 956;

- Kaufmann, D. (2004), *Human Rights and Governance: The Empirical Challenge*, World Bank Institute, Washington DC
- Khitarishvili, T. (2013), *Evaluating the Gender Wage Gap in Georgia, 2004–2011*, Levy Economics Institute of Bard College Working Paper # 768
- Lehmann, H., and A. Muravyev (2011), *Labour Markets and Labour Market Institutions in Transition Economies*, IZA discussion paper 5905, Bonn
- Lubyova, M. (2013), *Towards Decent Employment through Accelerated Structural Reform in Azerbaijan*, UNDP, Baku
- Meurs, M., and V. Slavchevska (2014), 'Doing it All: Women's Employment and Reproductive Work in Tajikistan', *Journal of Comparative Economics*, 2, pp. 786-803
- Mihailov, D. (2012), *The health situation of Roma communities: Analysis of the data from the UNDP/World Bank/EC Regional Roma Survey*, Roma Inclusion Working Papers, UNDP, Bratislava, available at <http://www.undp.org/content/dam/rbec/docs/The-health-situation-of-Roma-communities.pdf>
- Milanovic, B. (2016), *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- _____ (2011), *The Haves and the Have-Nots*, Basic Books, New York
- Organization for Economic Cooperation and Development (2015), *In It Together: Why Less Inequality Benefits All*, Paris
- Pe Leah, M., and G. Bouma (2016), *The Environment-Sensitive Multidimensional Poverty Index: A Proposal for Europe and Central Asia Region*, UNDP, Istanbul
- Piketty, T. (2014), *Capital in the Twenty-First Century*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- Schaap M., Heleen M., and E. Kunst (2007), 'Identification of socio-economic groups at increased risk of smoking in European countries looking beyond educational level', in *Tackling health inequalities in Europe: an integrated approach*, EUROTHINE final report, Rotterdam, Department of Public Health, Erasmus University Medical Centre
- Stiglitz, J. (2012), *The Price of Inequality*, W.W. Norton, New York and London
- Suhrcke, M., Rocco L., and M. McKee (2007), *Health: a vital investment for economic development in Eastern Europe and central Asia*, World Health Organization on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies
- Terlikbayeva, A., Zhussupov, B., Primbetova, A., Gilbert, L., Atabekov, N., Giyasova, G., Ruziev, M., Soliev, A., Saliev, D., and N. El-Bassel (2013), 'Access to HIV counseling and testing among people who inject drugs in Central Asia: Strategies for improving access and linkages to treatment and care', *Drug and alcohol dependence*, 132, pp. 61-64
- Тохтарова, В.С. (2011), 'Доходы населения: уровень, структура, и дифференциация', *Дослідження Молодих Науковців*, Kyiv
- United Nations (2015a), *Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*, available from <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication>, New York
- _____ (2014), General Assembly Resolution (2014), 68/261, *Fundamental Principles of Official Statistics*, New York
- UNAIDS (2014a), *Global Report; UNAIDS report on the global AIDS epidemic 2014*, Geneva
- UNDP (2016), *Risk-Proofing the Western Balkans: Empowering People to Prevent Disasters*, Sarajevo
- _____ (2015a), *Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia*, Istanbul
- _____ (2015d), *Human Development Report: Work for Human Development*, New York
- _____ (2013b), *Humanity Divided: Confronting Inequality in Developing Countries*, New York

- _____ (2011a), *Energy and Communal Services in Kyrgyzstan and Tajikistan: A Poverty and Social Impact Assessment*, Bratislava
- _____ (2011b), *Sustainability and Equity: A Better Future for All*, (UNDP Global Human Development Report 2011), New York
- _____ (2011c), *'Beyond Transition: Towards Inclusive Societies'*, (UNDP Regional Human Development Report), Bratislava
- World Bank (2015a), *The Jobs Challenge in the South Caucasus—Azerbaijan*, Baku
- _____ (2014), *Assessment of Household Energy Deprivation in Tajikistan*, Dushanbe
- _____ (2012), *Women Business and the Law Database*
- _____ (2011b), *Armenia: Social Assistance Programs and Work Disincentives*, Yerevan
- World Food Programme (2016), *Tajikistan: Food Security Monitoring System: Number 16*, Dushanbe
- _____ (2014), *Kyrgyz Republic: An Overview of Climate Trends and the Impact on Food Security*, Bishkek
- World Health Organization (2015b), *Beyond the mortality advantage: Investigating women's health in Europe*, Geneva
- _____ (2014c), *Global status report on noncommunicable diseases*, available at http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/148114/1/9789241564854_eng.pdf?ua=1
- _____ (2013), *Review of social determinants and the health divide in the WHO European Region: Final report*, WHO Regional Office for Europe, European Review of Social Determinants and the Health Divide, available from <http://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/health-2020-the-european-policy-for-health-and-well-being/publications/2013/review-of-social-determinants-and-the-health-divide-in-the-who-european-region.-final-report>.
- _____ (2011), *Action plan for implementation of the European Strategy for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2012–2016*, available from http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/147729/wd12E_NCDs_111360_revision.pdf;
- Zacharias, A., Masterson T., and E. Memis (2014), *Time Deficits and Poverty: The Levy Institute Measure of Time and Consumption Poverty for Turkey*, Final Report, Levy Economics Institute of Bard College, 2014;

Полноправные люди.
Устойчивые страны.

Программа развития ООН
Региональное Бюро по странам Европы и СНГ
Абиде-и Хурриет, улица Истиклал 11
Ки Плаза, Шишли 34381, Стамбул, Турция

www.eurasia.undp.org

